

633
130

Александр ПЕТРУШИН

**Расследование обстоятельств сокрытия в 1919—1922 годах в Среднем Приобье
и на Обском Севере ценностей Сибирского белого движения**

**На задворках
гражданской войны**

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач.

--	--

1202
П8.

63.3 (200-4 Тюм)
П30

ПЕТРУШИН Александр Антонович

На задворках гражданской войны

Книга Вторая

Ж

— 65614-13

**Мандр и К^а
Тюмень
2004**

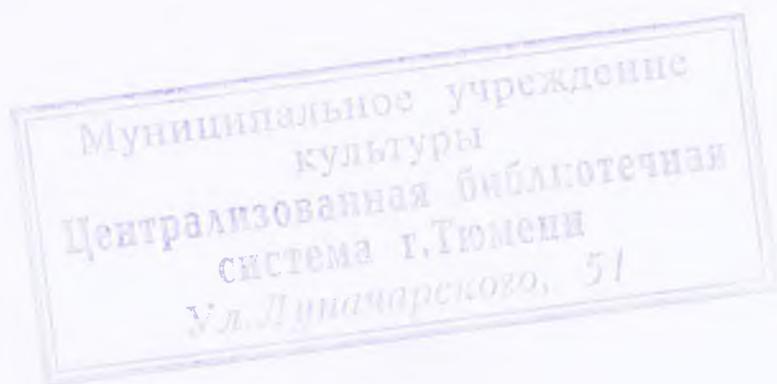
ББК 83.3

П 30

П 30 ПЕТРУШИН Александр Антонович
На задворках гражданской войны:
Книга вторая. — Тюмень: Мандр и К^а,
2004. — 272 с.

На основании ранее недоступных документальных материалов автор, полковник ФСБ Александр Петрушин, дает новую историческую оценку событий 1917–1922 годов в нашем крае. В центре повествования — история сокрытия на Обском Севере ценностей сибирского Белого движения.

Адресована массовому читателю.

- © Петрушин А.А., 2004.
- © Кухтерин А.С. (обложка), 2004.
- © Мандр и К^а (оформление), 2004.

ISBN 5-93020-178-1 — (издание)

ISBN 5-93020-179-х — книга вторая

От автора

К сожалению, многие люди думают о кладах как о богатстве: сколько оно стоит. И кому достанется: нашедшим клад, наследникам его прежнего владельца, государству? Но сокрытие ценностей, как правило, связано с интересными историческими событиями. Тюменским задворкам нашего Отечества повезло: люди услышат о найденном здесь кладе и непременно захотят посмотреть эти места, узнать историю края, которая все еще тайна.

Об авторе

Александр Антонович Петрушин родился 15 марта 1950 года в деревне Новотроицк Нижнетавдинского района Тюменской области. Окончил Тюменский педагогический институт и Высшие курсы КГБ СССР. Работал учителем в школе, служил в армии, с 1975 года — в органах государственной безопасности. Был заместителем начальника Сургутского отдела КГБ, начальником отдела ФСБ по Ханты-Мансийскому автономному округу. Сейчас он — заместитель начальника Регионального управления ФСБ по Тюменской области. Полковник. Член Союза журналистов России. Автор книги «Мы не знаем пощады...» (известные, малоизвестные и неизвестные события из истории Тюменского края по материалам ВЧК—ГПУ—НКВД—КГБ) (1999 г.) и документальных фильмов: «Приди и возьми» (о ссылке в Обдорск актеров МХАТ), «Мальчиш останется Мальчишем» (Павлик Морозов: правда и домыслы), «Главная тайна разведчика Николая Кузнецова» и др.

Партизаны «затерянного мира»

Летом 1919 года на Восточном фронте гражданской войны обозначился явный перелом в пользу Красной армии.

Перевалив через Урал, она вступила в пределы Сибири: 8 августа взяла Тюмень, а в ночь на 4 сентября заняла Тобольск.

Белые, собрав все силы, отбили город и отбросили красных обратно за Тобол. Газета «Тобольский стрелок» сообщила: «Днем 11 октября 1919 года высокий гость — Верховный правитель и Верховный главнокомандующий осмотрел г. Тобольск. В Кафедральном соборе его приветствовал преосвященный Иринарх, епископ Березовский. В своей речи он отметил, что свет должен восторжествовать над тьмою и гибель большевизма неизбежна, что наша народная армия под мудрым руководством своего Верховного вождя свергнет большевистское иго в России. Преосвященный благословил иконой Тобольской божьей матери, после чего был отслужен краткий молебен, и Верховный правитель осмотрел собор и могилу преосвященного Гермогена. Из собора он направился в покои преосвященного, а потом побывал в музее. Из музея проследовал к памятнику Ермака. Верховного правителя сопровождали высшие военные лица и представитель городского самоуправления».

Еще одно сообщение этой газеты: «В субботу 4 октября прибыли в Тобольск на пароходе «Илья Фуксман» эвакуированные в Сургут чины губернской и уездной милиции. На днях ожидается прибытие всех учреждений, эвакуированных в Томск». Верилось...

Но в середине октября 1919 года колчаковский фронт рухнул, чтобы никогда уже не возродиться. Части 51-й стрелковой дивизии Блюхера 21 октября вновь заняли Тобольск. Продвинувшись по берегу Иртыша на сорок верст до села Бронниково, красные не стали развивать наступление на север и преследовать уходившие в сторону Томска белые пароходы.

В первые дни отступления погода стояла теплая, и веселое настроение не покидало отступавших: на каждом пароходе и барже слышались песни, пляски, гармонь. На что они надеялись? На необъятные сибирские просторы, на союзников, но больше всего на извечное русское «авось».

Через неделю картина переменилась. С наступлением заморозков одетые по-летнему солдаты стихли и стали кутаться в рогожи, одеяла, половики. Отход перемешал все тылы, централизованная система снабжения сломалась. Армия перешла на существование за счет эвакуационных запасов хлеба и масла, а также массовых бесконтрольных реквизиций у населения прибрежной полосы. Спасаясь от колчаковской мобилизации, мужчины призывного возраста скрывались в лесах.

В истории нашего края считалось, что оставленную на фланге и в тылу красных войск территорию Тобольского, Березовского и Сургутского уездов — задворки гражданской войны — контролировали партизаны. Их участие в борьбе

против белогвардейцев, особенно в Восточной Сибири и в Приморье, имело для большевиков решающее значение. Организовав по собственной инициативе крупные военные отряды и даже целые армии в тылу противника, партизаны обеспечили быстрый успех частям Красной армии. Они помогли укрепиться советской власти на отвоеванной территории. При их поддержке были ликвидированы остатки вооруженных белогвардейских отрядов, рассеявшихся по всей Сибири, подавлены повстанческие выступления крестьян против продразверстки.

Услуги партизан новый режим оценил достойно: их командиры и активные участники получили боевые награды, различные привилегии и официально признавались социальной опорой

П.И. Лопарев. 1921 г.

власти. На местах создавались комиссии и секции бывших красногвардейцев и партизан — такие объединения имелись в Тюмени и Тобольске.

Организатором партизанского движения на Обском Севере считался Платон Ильич Лопарев. Он возглавлял тобольскую секцию красных партизан и состоял в обществе изучения края при музее Тобольского Севера, был членом правления.

В 1927 году к 10-летию Октябрьской революции на собрании культурно-исторической секции общества слушался его доклад «Революционные партизаны на Тобольском Севере в последние дни колчаковщины», а 2 апреля 1928 года — «Бандитское восстание 1921 года на Тобольском Севере».

Содержание этих докладов неизвестно. Считается, что документация партизан Тобольского Севера (13 дел) сгорела при пожаре в помещении секции в конце 1934 года. Этот пожар странным образом совпал с разгоном объединений бывших красногвардейцев и партизан и их последующей ликвидацией как «врагов народа».

Заигрывание властей с бывшими союзниками — партизанами, численность которых в Сибири составляла десятки тысяч человек, прекратилось с началом коллективизации. Коммунистам никак не удавалось расколоть партизан, обособив их «кулацкую верхушку». Этому сильно препятствовала традиционная внеклассовая спайка и былая боевая солидарность партизан. В некоторых округах Западной и Восточной Сибири они возглавили крестьянские восстания против насильственной коллективизации.

В 1928 году в партийной печати впервые заговорили о «плохих партизанах», потом был вве-

ден запрет на проведение съездов и конференций «из одних партизан» и объявлена «тщательная очистка низовых партизанских районов от бывших офицеров, растратчиков и прочих».

ОГПУ насадило в основных партизанских районах сеть тайных осведомителей и агентов и таким образом контролировало поведение бывших партизан. Местная агентура обязана была «освещать динамику экономической мощности партизанских хозяйств. Политико-моральное состояние комсостава и партизанских авторитетов, отношение бывших партизан к коллективизации», а также «выявлять наличие организованных видов контрреволюционной деятельности и повстанческих тенденций среди бывших партизан».

Подводя итоги общесибирской оперативной разработки «Свои люди», Полномочное представительство ОГПУ указывало: «Часть лиц этих категорий, принимавшая участие в партизанском движении и впоследствии занимая те или иные ответственные посты, — позднее, вследствие их непригодности к новым условиям, а в большинстве случаев — вследствие неумения работать на советских должностях — оставшись без службы, принуждены были возвращаться или к сельскому хозяйству или в производство... Это обстоятельство послужило причиной обиженности...»

Тобольский Север не относился к выраженной партизанской территории, но справка окружного отдела НКВД легла в 1936 году в личное дело кандидата в члены ВКП(б) Лопарева.

Арест нескольких видных троцкистов: бывшего командующего Приуральским военным округом в 1921—1922 годах С.В. Мрачковского и управляющего Обьрыбтрестом в Тобольске

Н.А. Угланова, в прошлом кандидата в члены Политбюро ЦК ВКП(б) и секретаря Московского комитета партии, дали НКВД повод для обвинительного заключения:

«...Лопарев Платон Ильич, 1890 года рождения, уроженец с. Самарово Остяко-Вогульского округа, из семьи кулака, отец имел рыбные промыслы, применял батраков, содержал ямщину. Брат Петр — бывший урядник полиции. Дядя Хрисанф служил до революции зав. императорской библиотеки в Петербурге (умер в 1918 г.). Сам Лопарев — лжепартизан, б/активный эсер, с 1931 по март 1937 г. работал директором Обско-Тазовской научной рыбхозстанции, состоял с 1931 г. кандидатом в члены ВКП(б), исключен в 1937 г. за связь с врагами народа Углановым и Мрачковским. В письмах к Угланову называл себя его верным солдатом. Гордился наградой от Мрачковского — карабином системы «маузер»...

Лопарев видел, как из-за «углановщины» исчезли десятки опытных обских рыбаков: К.П. Данилов, П.М. Аверин, А.М. Будницкий, А.Е. Плотников, В.С. Орлович, А.Н. Юдин, И.Ф. Филиппов, П.И. Трофимов... Знал, что из ВКП(б) исключены коммунисты, давшие ему рекомендации: В.М. Пестерников, С.А. Веселовский... В протоколе № 11 от 11 февраля 1937 года заседания бюро Тобольского райкома ВКП(б) указано: «...Веселовский Савин Алексеевич, член ВКП(б) с 1920 г., родился в 1863 г., рабочий, состоял в партии «Земля и воля» с 1879 по 1882 гг., был в красно-партизанском отряде с ноября 1919 по январь 1920 г. В Красной армии — с марта по январь 1921 г. Дал рекомендацию Лопареву. На собрании первичной парторгани-

Памятник П.И. Лопареву в г. Ханты-Мансийске

зации Обьрыбтреста 5 февраля 1937 г. пытался замазать близкую связь Лопарева с Углановым, заявив, что «я за Лопарева готов стать к стенке».

Как клятва борьбы с «углановщиной» звучало постановление Тобольской райпартконференции от 6 февраля 1937 года: «...Партийное собрание от имени трудящихся выражает глубочайшую благодарность НКВД и его славному руководителю верному сталинцу Генеральному Комиссару Государственной безопасности тов. Ежову, под руководством которого был раскрыт контрреволюционный заговор троцкистов и разоблачены изменники Родины, вредители и террористы».

Лопарев каялся, давил на жалость: в автобиографии от 25 декабря 1936 года всячески подчеркивал свои революционные заслуги: «...много раз представлялся к ордену «Красное Знамя», имею сведения о приказе РВС от 1928 г. о награждении именными часами, на севере существует колхоз имени партизана Лопарева... в февральскую революцию раздевал офицеров, в гражданской войне партизанил на Тобольском Севере — ликвидировал белых: колчаковцев и чайковцев... недостаточно вооруженный политграмотностью, просмотрел троцкистско-зиновьевскую группу в Обьтресте...»

10 февраля 1937 года он пришел в окротдел НКВД и оставил там расписку: «При настоящем возвращаю карабин Маузера, купленный в 1922 году у Мрачковского. При предыдущей перерегистрации оружия он был мне оставлен до выяснения возможностей имения; в настоящее время в связи с тяжелыми подозрениями о моем участии в углановщине я считаю неудобным хранить карабин на дому. Вместе с ним я сдаю самодельные патроны».

Ничего не помогло. Ни заслуги, ни покаяния, ни обещания. 9 сентября 1937 года его арестовали в Тобольске, а 9 июля 1938 года расстреляли в Омске.

Но следователей НКВД больше интересовал не характер отношений Лопарева с уже расстрелянными Мрачковским и Углановым, а тайна сокровищ сибирского Белого движения.

Из «врагов народа» — в «герои революции»

К такому неожиданному выводу приходишь, профессионально оценивая следственное дело № 2104, хранящееся в архиве Регионального управления ФСБ по Тюменской области. Это дело изучали многие местные публицисты (*См.: Гольдберг Р.С. Не склонив головы // Тюменская правда. 1988. 30 янв.; Он же. Платон Лопарев, коммунист // Там же. 1989. 28 июня; Патранова В.В. Был ли партизаном «красный партизан» // Новости Югры. 1992. 18 июля*). Но их больше волновала тема беззакония, поэтому они героизировали его личность, правда, в отличие от ранних биографов Лопарева (А.Б. Гамбарова, И.В. Смехова, М.М. Никифоровой, Б.А. Ухалея) по другим, не идеологическим мотивам.

То, что дело Лопарева фальсифицировано, ни у кого не вызывало сомнений. Меня занимало другое: почему обыски по его месту жительства в Тобольске (Ершовский переулок, 1) и в кабинете рыбхозстанции (улица Володарского, 3) были проведены 10 февраля 1937 года, то есть задолго до ареста. Сотрудник Тобольского окротдела НКВД Селиванов искал не оружие — в тот день Лопарев сам сдал «купленный у Мрачковского карабин Маузера», а «переписку, относящуюся к партизанс-

А. Петрушин. На задворках гражданской войны кому движению». В протоколах обысков зафиксировано изъятие «415 листов» в первом адресе и «18 штук» (?) — во втором. Да на следующий день — 11 февраля — вскрыли денежный ящик рыбхозстанции и взяли оттуда «отрезанную от календаря 1936 г. книжку с адресами неизвестных лиц и мест, принадлежащую Лопареву».

У меня нет сомнений: Селиванов и его тобольские начальники действовали по команде из Омска. В своем выводе основываюсь на приобщенной к следственному делу записке от 2 ноября 1937 года начальника Тобольского окротдела НКВД Тарасова помощнику начальника 4-го отдела (секретно-политический, — А.П.) УГБ УНКВД Омской области Пешкову: «При этом препровождаются документы, изъятые при обыске и аресте Лопарева Платона Ильича для использования на месте ведения следствия. Приложение — упомянутое». Надо думать, в Омск были отправлены все документы о партизанском движении на Тобольском Севере в 1919—1921 гг. — 433 листа (!). Зачем? Ведь Лопарев обвинялся в связях с троцкистами Углановым и Мрачковским. Тогда этого было вполне достаточно для расстрела. Важно и другое: в деле Лопарева этих документов нет, а в справке к обвинительному заключению указано: «1. Обвиняемый Лопарев П.И. содержится под стражей при Омской тюрьме с 9.9.1937 г.; 2. Личн. документы: паспорт серия ДАО № 502659 находится при след. деле в пакете, а также письмо и брошюра» (адресованы Угланову, — А.П.).

Впервые Лопарева допросили в Омске 14 июня 1938 года — задали вопросы о социальном происхождении, связях с эсерами в Тобольске,

относящихся к марту—июню 1918 года, характере отношений с Углановым и Мрачковским.

О своем участии в партизанском движении Лопарев показал следующее: «При занятии осенью 1918 года Колчаком Сибири я работал инструктором Обь-Иртышского союза кооператоров. Как больной глазами я в армии Колчака не служил. В 1919 году осенью я организовал партизанскую группу из семи человек своих односельчан д. Самарово, которые в течение нескольких дней, пройдя от Самарово до с. Уват (400 км), превратились в партизанский отряд. В отряде я находился с ноября 1919 по март 1920 года. Штаб отряда располагался в г. Березов — расстоянием от г. Тобольска тысячу километров на север. В марте 1920 года я из отряда ушел работать инструктором Обь-Иртышского союза кооперативов. Отряд слился с частями красных и ушел на польский фронт». Все!

Через четыре дня Лопареву объявили об окончании следствия, а 9 июля расстреляли.

Создалось впечатление о другом, тайном расследовании прошлого Лопарева, которое в отличие от официального не оставило никаких документальных следов.

Но НКВД не знало о существовании воспоминаний Лопарева о гражданской войне на Тобольском Севере. Эти воспоминания на 202 листах, датированные 1931 годом и засекреченные сразу же после ареста автора, хранятся в Государственном архиве общественных и политических объединений Тюменской области (ГАОПОТО) (бывший архив Тюменского обкома КПСС, — А.П.).

Очень осторожно их использовал сибирский историк М.Е. Бударин в своей монографии

«Прошлое и настоящее народов Северо-Западной Сибири», изданной в 1952 году в Омске.

«Часть белых войск, — читаем, — отошла из Тобольска в глубь лесов Обского Севера, районы Самарова и Березова. Ранний ледостав 1919 года задержал на Оби несколько колчаковских частей в районе Тундрино—Нарым. В Березове и Кондинском еще свирепствовали колчаковские отряды, обреченные на гибель под ударами обских партизан и наступавших полков Красной армии. В Саранпауле осел отряд Туркова, установивший связь с белыми бандами Архангельского Севера. В первых числах ноября 1919 года крупный отряд белых под командой начальника колчаковской милиции на Обском Севере Волкова выступил из Тундрино, захватил Самарово и Реполово, надеясь провести зиму в крупных селениях.

Но коммунисты Обского Севера, активисты совдепов, бедняки-крестьяне активно создавали партизанские отряды. Сформировалась Самаровская группа — ядро партизанского движения на Обском Севере. Партизаны, руководимые коммунистами, освобождали от белых Реполово, Самарово, Белогорье...»

Бударин ни разу, по понятным причинам, не назвал Лопарева.

Еще раньше, в 1940 году, исследователь из Ленинграда А.П. Андреев составил объемный доклад «Хантэ-Мансийский (быв. Остяко-Вогульский) национальный округ Омской области к 10-летию юбилею (1930—1940 гг.)».

В исторической справке этого доклада отмечено: «...В конце 1919 года партизанский отряд под руководством П.И. Лопарева захватывает с. Самарово и, продвигаясь с боями на Север,

громит белогвардейский отряд Туркова, Литвинова у Белогорья, Карым-Карах и в 1920 году принуждает его к капитуляции. ...Действия партизанского отряда П.И. Лопарева совпали с действиями Красной армии. Отряд Красной армии, вступив в с. Самарово, повел свое наступление против банды некоего Волкова, которая в конце 1919 года была изгнана партизанским отрядом Лопарева в Сургут. Волков был арестован...»

В тексте этой справки фамилия Лопарева подчеркнута синим карандашом.

Но наступил 1956 год, и Клавдия Петровна Доронина, жена Лопарева, обратилась в очередной раз в Прокуратуру СССР с заявлением о реабилитации мужа.

«В 1937 году 9 сентября, — писала она, — органами НКВД в Тобольске был изъят мой муж Лопарев Платон Ильич. О его судьбе мне до настоящего времени ничего неизвестно. Я знаю Лопарева с 1918 года, с того времени, как стала работать акушеркой-фельдшерницей в с. Самарово — ныне Ханты-Мансийск. Лопарев работал тогда инструктором-кооператором, а на Тобольском Севере хозяйничали колчаковцы. При отступлении колчаковцев на пароходах по Иртышу из Тобольска на Томск все, кто сочувствовал Советской власти, скрывались в лесах. Когда колчаковцы очистили Самарово и его окрестности, отступив до Сургута, все скрывавшиеся, в т.ч. Лопарев, вышли из лесов. Но после установления зимнего пути отряд колчаковцев из Сургута снова двинулся на Самарово с тем, чтобы произвести расправу с теми, кто скрывался в лесах. Так как связь с Тобольском ввиду распутицы не была установлена, то по инициативе Лопарева организовался

партизанский отряд, в который вступили все, кто решил вести борьбу с остатками колчаковских банд. Когда на север были командированы регулярные части Красной армии (отряд Лепехина), бойцы партизанского отряда влились в регулярные части и вместе боролись за ликвидацию колчаковщины на Тобольском Севере.

В 1921 году здесь вспыхнуло восстание. Лопарев из Самарово был вызван в Тобольск, как бывший организатор борьбы с колчаковцами для подавления восстания. Уже в Тюмени (Тобольск был оставлен советскими частями) Лопарев собрал демобилизованных из армии северян и двинулся с этим отрядом через тайгу на Конду и в юрты Лорбат, где и происходили бои с повстанцами. После того, как в боях часть банд была побита, Лопарев со своим немногочисленным отрядом двинулся через Белогорье на Самарово и здесь захватил штаб белых во главе со Сватышем (бывший адъютант генерала Гайды) и, разгромив основные силы повстанцев, захватил Самарово 9 мая 1921 года.

После ликвидации бандитизма он честно работал в хозяйственных и кооперативных организациях на Тобольском Севере.

Я в 1919 году работала медицинской сестрой в отряде. С 1920 года вступила в ряды ВКП(б) и состояла до 1937 года; в связи с арестом мужа была исключена.

Моя семья была предана Советской власти. Отец подвергался репрессиям при колчаковщине, в 1921 году был заключен повстанцами в тобольскую тюрьму, откуда освобожден красными частями. Старший брат Доронин Ф.П. был организатором Советской власти на Тобольском

Севере, созвал в 1918 году съезд в Демьянске, который избрал краевой Совет; в то время в Тобольске у власти были контрреволюционные силы. В 1919 году брата расстреляли колчаковцы. Старшая сестра — учительница, член ВКП(б) с 1917 года, замучена колчаковцами.

Со времени ареста мужа я испытываю со стороны руководящих органов недоверие. Мои дети также многое пережили в связи с изъятием отца. Сын Лопарев Юрий погиб в 1944 году в боях за Родину.

Прошу пересмотреть дело Лопарева и снять с нашей семьи недостойное пятно врага народа. Большинство северян, знавших Лопарева, отзываются о нем, как о честном гражданине».

Следственное дело Лопарева искали долго — на все запросы учетно-справочные отделы КГБ отвечали: «сведений нет».

В августе 1956 года в Управление КГБ по Омской области было вновь направлено требование: «Нами разыскивается дело по обвинению Лопарева Платона Ильича, арестованного 9 сентября 1937 года в г. Тобольске. В Центральном архиве КГБ при Совете Министров СССР следственного дела на Лопарева нет и данных о его местонахождении у них не имеется...»

Разыскиваемое дело нашлось только в апреле 1957 года. Нашлось в Омске — в УКГБ. Как будто пылилось на какой-то особой чекистской полке. Не хотелось Омску отдавать Тюмени это дело. Можно было бы в очередной раз ответить на заявление Дорониной о «десяти годах заключения без права переписки», но к процессу розыска дела уже подключился Тюменский обком КПСС.

Приближалась 40-я годовщина Октябрьской революции. В условиях разоблачения культа личности Сталина партии требовались забытые, пострадавшие от произвола тирана герои. Таким тогда виделся Лопарев. Поэтому без дополнительной проверки (свидетели не допрошены, архивные документы не изучены) Президиум Тюменского областного суда 13 апреля 1957 года решение «тройки» УНКВД Омской области от 27 июня 1938 года в отношении Лопарева «отменил и дело прекратил за отсутствием состава преступления». Доронина получила обманное извещение «о смерти мужа 10 июля 1938 года от инфаркта миокарда» (так в тексте, — А.П.).

Узнав о реабилитации Лопарева, заведующий партийным архивом А.Б. Гамбаров по заданию обкома КПСС издал в феврале 1958 года в серии «Борцы за победу Великого Октября» брошюру «П.И. Лопарев». В ней использованы хранившиеся в спецхране воспоминания Лопарева. Он был представлен в брошюре как «замечательный военачальник, видный организатор и руководитель партизанского движения на Обско-Иртышском Севере». В Тюмени, Тобольске и Ханты-Мансийске его именем назвали улицы. В окружном центре возле дома, где когда-то размещалась местная рыбохозяйственная станция, установили ему памятник. Косвенные сведения в воспоминаниях Лопарева о спрятанных в Среднем Приобье сокровищах партию не интересовали. Ее больше волновали идеологические ценности.

Почтово-телеграфная война

По моему мнению, Платон Ильич Лопарев не принадлежал к сторонникам большевизма.

Он вообще не хотел воевать: ни за царя, ни за белых, ни за красных.

Мое предположение подтверждают выявленные историком из Нижневартовска В.В. Цысем в Тобольском филиале Государственного архива Тюменской области письма и отчеты Лопарева, относящиеся к весне 1918—осени 1919 года, когда тот работал в Обь-Иртышском союзе кооперативов (сокращенно — Северсоюз).

После окончания в 1910 году Омского механико-технического училища Лопарев преподавал в Абатской ремесленной школе Министерства народного просвещения. Чтобы избежать призыва на военную службу, он переехал в 1911 году в родное Самарово — северян тогда в царскую армию не брали. Но эту привилегию (или ограничение в правах?) отменили в 1915 году после больших потерь русских войск на фронтах 1-й мировой войны. Лопарева мобилизовали во вспомогательные части — 35-й строительный батальон в Тюмени и в 21-й железнодорожный батальон в Мурманске. По дороге на Кавказский фронт он дезертировал и возвратился в Тобольск, где и занялся кооперацией, а это мясо, рыба, икра...

В.И. Ленин говорил, что сибирские крестьяне «менее всего поддаются влиянию коммунизма, потому что это — самые сытые крестьяне». Кооператор Лопарев никогда не голодал. И если бы его не пытались мобилизовать в колчаковскую армию, он не сбежал бы «на лодке вниз по Иртышу из Тобольска до Демьянска и Самарова» и не скрывался бы в лесах возле родного села. Назвать такую позицию «протестом против колчаковского режима» язык не поворачивается.

В своих воспоминаниях Лопарев признался: «Я выбрал такую систему укрытия — удрать на лодке километров 60—80, показаться населению, а затем оказаться в Самаровском и жить где-нибудь на чердаке, совсем по соседству с колчаковской милицией. В этих случаях меньше всего ищут под носом, да и можно знать обстановку и новости. Как только карательные отряды разъезжались по окрестностям, я выходил и спокойно разгуливал по Самаровскому: 2—3 милиционера меня взять побаивались, зная, что я прилично вооружен...»

В последнем письме в Тобольск, в инструкторский отдел Северсоюза, относимом к лету—осени 1919 года, он отметил: «...При малейшей возможности спешу сообщить о своем здравии и пока благополучии. Милостию Божиею обитаю в Самаровском все время последнее. После расстрелов, порок и прямо сбрасывания в Иртыш и Обь с пароходов жизнь немного утихла, и сейчас мы начинаем показывать нос из воды и чуть-чуть дышать. Приходилось жить мудро: просто приходится удивляться, как мя, раба божия, не сбросили в трюм и не отправили в Томск. Объясняю это одним. Когда меня надо было — меня под руками не было. Ночью приходилось ночевать где-либо подальше. Днем погуляешь (показать, что не скрываешься), а ночью опять до свидания. Ночью арестов обыкновенно не делали... Пишите ваши надежды на этот год и новости о белых и красных. Мы здесь ничего не знаем...»

Скрываться в лесах небезопасно: могли задрать медведи. В том же письме: «...Сегодня медведь убил 2-х коров...»

Потом почтовая связь с Тобольском прервалась. Сообщение между Сургутом и Березово поддерживалось по телеграфу через Самарово. Там телеграфистами работали Д.П. Доронина, младшая сестра будущей жены Лопарева К.П. Дорониной, и К.Г. Шмуклер, бывший член Березовского совдепа, ставший зятем Лопарева. Они снабжали местных дезертиров сведениями о планах и намерениях колчаковской администрации в Сургутском и Березовском уездах. На основании этой информации Лопарев составил такое расположение противоборствующих сторон: «В конце октября 1919 года красные части, заняв Тобольск, продвинулись только до с. Бронникова, что в 40 километрах на север по Иртышу от Тобольска. Весь Сургутский уезд и Нарымский край были заняты хорошо вооруженными и экипированными колчаковскими частями. Березовский уезд занимала колчаковская милиция и сильный отряд Туркова, вошедший в непосредственную связь с частями Чайковского (архангельского правительства белых). Участок от с. Бронникова до Самарова на 400 километров с лишним, затем от Самарова на Сургут до с. Тундрино 200 километров и, наконец, до Верхнего Атлыма по Березовскому направлению — тоже около 200 километров от Самарова — были свободны от белых... Зима оказалась ранней: к 1 ноября Обь встала, и ледостав захватил громадное количество эвакуированного флота Колчака на участке от с. Тундрино (в 75 километрах юго-западнее Сургута — Нарым). На этих пароходах и баржах оставались сильные части колчаковских войск, большое количество арестованных, колоссальные запасы продовольствия, снаряжение и ценности, которые специально вы-

возились из Тобольска, чтобы «не досталось большевикам». В этих колчаковских частях, создавших штаб в Сургуте, особо зверствовала Соликамская милиция и Ижевско-Воткинская дивизия. Чехов с ними почти не осталось; они удрали на первых пароходах до Томска или замерзли недалеко от него...»

Но на неконтролируемой, как казалось Лопареву, ни красными, ни белыми территории появилась банда. 30 октября 1919 года начальник Березовской уездной милиции Н.Н. Кислицкий доложил начальнику гарнизона г. Березова поручику С.Г. Витвинову: «...23 октября с.г. в с. М. Атлым прибыл пароход «Смелый» — Колупаева. К пароходу по службе, не подозревая ничего, явился помощник участкового начальника Гордеев. На палубе парохода он застал вооруженного солдата, который, обращаясь к Гордееву, сказал, что его требует в каюту начальник отряда. В каюте Гордеев застал сидящим на койке в военной форме солдата, изображающего из себя начальника. В его руках был револьвер и ручная граната, и тут же пулемет. Выяснив у Гордеева обстановку в селе, он объявил об аресте. Обезоружив Гордеева и приставив к нему стражу, банда направилась в село, где арестовала милиционера Козьмина и агента Закупсбыта Танина, а также произвела ограбление: у Андрея Прокопьевича Андреева 75000 наличных денег, золотые, серебряные вещи, одежду и товары — всего на сумму до 200000 рублей; у братьев Козьминых — 40000 руб., у агента Танина кроме 140000 руб. — ружье — бердана, дробовик, револьвер и одежды на сумму 3500 руб. Кроме того банда забрала у Гордеева 3 винтовки, 2 револьвера с патрона-

ми и 2 австрийских штыка в ножнах. Возвратившись на пароход, банда отпустила арестованных и отдала Гордееву отобранную у него шашку. Сами же грабители на пароходе отправились вниз по течению с намерением явиться в Большой Атым, но, узнав, что там нет богатых людей, остановились в юртах Товаткурских, где переночевали, а наутро, забрав четырех остяков, заставили их под страхом смерти сопровождать на Лорбат, а оттуда держать путь на Гари.

Банда состояла из 13 человек и была вооружена винтовками, револьверами «наган» и «браунинг», ручными гранатами и одним пулеметом. При этом участковый милиции Дуркин сообщил, что эта банда вышла из проточных юрт Ахтенских из Конды 22 октября с.г., завладела пароходом «Смелый» и в селе Елизаровском произвела у Колупаева ограбление 15000 руб. наличных денег, хлеба и меда, а затем зашла к местному жителю Александру Слободскову, представилась ему карательным отрядом, выпытала у него сведения, а затем, закусив и попив у него чаю, произвела ограбление на сумму до 20000 руб. Слободсков оказал сопротивление банде, за что грабители проломали ему голову в трех местах...»

А у Лопарева «поведение Красной армии в Тобольске, упорно не продвигающейся на Север, вызывало тревогу и неуверенность. Неизвестно было также, что будут делать белые с Березовского и Сургутского направлений».

В такой неопределенности сторон первое движение сделал Сургут: «1 ноября 1919 года, — вспоминал Лопарев, — к нам в избушку (я и мой брат Петр) в двух километрах от Самарова приехали Скрипунов А.Г. и Доронина К.П. Они сообщили,

что Даша (Доронина Д.П.) четыре часа тому назад перехватила телеграмму из Тундрино в Березово о том, что начальник Сургутской уездной милиции Волков наступает на Самарово, имея впереди разведку в 25 человек. Сургут предлагал Березову также выступить на Самарово, а затем объединенными силами идти на Тобольск, где красные бездействуют из-за своей малочисленности.

На семи лошадях в составе семи человек выехали из Самарова на Мануйлова (20 км южнее Самарова) — дальше уйдем через Реполово в Тобольск к Красной армии. Выехали: я, Скрипунов, сестры Доронины, Карлин С. и Губин. Приехали в Мануйлово. Белых там нет. Едем в Базьяны. Здесь к нам примкнуло пять боевых ребят — старший т. Башмаков. Нас уже 12 человек, но вооружены плохо. Едем в Реполово, потом до Филинска, где останавливаемся. Нас уже около 40 человек, большинство старые солдаты и унтер-офицеры, но оружия мало.

Я уже как бы начальник отряда, но это еще не отряд, а просто группа без определенной цели. Надо их «повязать» (по уголовным колчаковским законам) ответственностью, отрезав всякую возможность отступления.

В Филинске беру боевиков — Скрипунова, Карлина, Доронину и несколько человек из наиболее шатающихся. Вооружение: карабин, «Смит» и несколько дробовиков. Едем в почтово-телеграфное отделение:

— Руки вверх! Давай ружье!

Взяли четыре винтовки, два «нагана», патроны. Этот поступок в 10 минут без единого слова агитации сразу же преобразовал нашу группу в отряд с постоянными караулами и секретами.

Вот с этого, — заключает Лопарев, — и началась партизанская борьба, сначала в форме тактического воздействия на психику противника...»

Эта тактика выражалась в старательно распространявшихся дезертирами-партизанами (в устрашение потенциальному противнику) слухах о собственном многолюдстве и наилучшем вооружении (сегодня такую тактику называют информационной войной).

«Включив в телефон две трубки, — продолжал вспоминать Лопарев, — одну взял себе слушать, вторую передал громадному Саше Скрипунову с медвежьим горлом и велел вызвать Реполововскую телефонную будку. Я слушал и шептал Скрипунову, что говорить — последний ревел медведем:

— Реполово?

— Да, я реполовский сторож...

— Здорово, товарищ! С тобой говорит комиссар красных орлов из Филинска Демьянов. Ты слышишь, товарищ?

— Слышу, госп... товарищ Демьянов...

— Скажи, друг, не вышел ли сегодня на Реполово мой красный отряд в 100 штыков?

— Не знаю, товарищ. Не слышал...

— Как не слышал, мощенник? Красные орлы еще утром должны быть в Реполово.

— Ей-богу, товарищ, ничего не слышал, не знаю...

— Ага! — ревет Скрипунов, — так ты за колчаковскую сволочь. Ну погоди, дружок, через восемь часов я с тобой разделаюсь, приготовь могилу.

— Ей-богу, товарищ, я ничего не знаю, — вопит несчастный старик.

В Реполово паника. Запаникуешь, если сзади за 18 километров из Конды выходят 100 красных, а с Филинского наступает страшный комиссар Демьянов.

Бросили колчаковцы горячую уху и два мешка муки и подрали на Самарово. Об их бегстве нам сообщил телеграфный сторож.

4 ноября вечером мы повторили дуплетный разговор по телефону с Самаровым. О том, что начальник Самаровской почтово-телеграфной конторы Мышкин большая сволочь и самый махровый контрреволюционер, я знал. Наверняка, он передаст содержание разговора Волкову. В том же тоне спрашиваем под угрозой немедленного расстрела сообщить, как велик отряд Волкова, какие у него позиции и сторожевое охранение. Ответы явно дутые, с паузами и перешептыванием.

— Ну, погоди, голубчик (Мышкину), завтра я поговорю с тобой без телефона, — ревет в трубку Скрипунов. — Давай прямой к Сивохребту (юрты Сивохребет — телефон в 100 км от Самарова на Сургут). Пошептавшись, дали. Сами подслушивают.

— Сивохребет?

— Да, сторож.

— Сегодня в 18 часов на Сивохребет должен выйти мой отряд лыжников со стороны Горная Суббота. Когда прибыли?

— У нас никого и не было.

— Как не было? Что они там, сволочи, замешкались. Еще лыжники, а ползут, как тараканы, — и следует отборная ругань.

Иметь 100 красных в тылу и наступающий с Реполово второй отряд Волкову не по нутру. Он

отступил на д. Шапшу и дальше безостановочно 200 км до Тундрино.

И так, одной только хитростью, — считал Лопарев, — отделались на время от Сургутского фронта...»

Кто кого страшнее

Березовские и сургутские милиционеры Кислицкого и Волкова мало походили на суворовских чудо-богатырей. Запуганные «отрядами красных орлов», оставшись без связи с администрацией и военным командованием Колчака, управляющие уездами Биржишко и Замятин обратились за помощью к руководству Северной области.

Штаб Печорского района белых получил директиву Архангельска о наступательных операциях сразу на трех направлениях: на города Березов, Усть-Сысольск и Чердынь. В Зауралье военные действия вел специальный отряд связи штаба Печорского района под командованием штабс-ротмистра Червинского, бывшего офицера 20-го Финляндского драгунского полка. В ноябре 1919 года Червинский фактически полностью стал контролировать Березовский уезд.

Главнокомандующий Северным фронтом белых генерал-лейтенант Е.К. Миллер в своих воспоминаниях писал: «В ноябре 1919 года была установлена телеграфно-телефонная связь с городом Березовом на Оби, и березовский исправник доносил, что ввиду отхода войск адмирала Колчака и потери связи с сибирской администрацией он просит включить Березовский уезд в состав Северной области».

Начальником Березовского района «по просьбе ляпинский властей» был назначен рот-

мистр Бунаков из 10-го Печорского полка. Объединенные силы печорского и березовского отрядов достигли нескольких сотен штыков.

Кислицкий позднее показал: «...24 ноября 1919 года на службу был мобилизован прапорщик Булатников (бывший учитель). В ноябре же из-за Урала (Архангельская область) прибыли в Березов два офицера: ротмистр Бунаков и поручик Озатский с двумя солдатами, которые должны были поехать в Томск с важным секретным поручением. Во время пребывания этих офицеров в Березове Биржишко и Витвиновым было возбуждено ходатайство о присоединении Березовского уезда (а затем и Сургутского) к Архангельской области, о присылке солдат и оружия, а также и сибирских денег. Это ходатайство было удовлетворено...»

Присоединение Зауралья к Северной области не получило никакого отражения в истории края. Может, местные исследователи сочли малозначительным это событие или не располагали соответствующей документальной базой. Но историки Республики Коми И.Л. Жеребцов и М.В. Таскаев считают включение Березовского уезда в состав Северной области крупным успехом штаба Печорского района белых.

Усиление белогвардейцев в Березове испугало Лопарева, и он отступил в Демьянское.

«Это село мы заняли 8 ноября. Сразу же обезоружили почтово-телеграфное отделение и связались с Тобольском. Отряд за два дня вырос до 130 человек. Явившиеся товарищи во главе с одним фельдфебелем Переваловым, офицером Крыловым, Литвинским, Овсянкиным, Вторушиным где-то в болотах выкопали спрятанное

колчаковское оружие — до 80 винтовок, 8 ящиков патронов и несколько револьверов.

Мое право на командование никем не оспаривалось. Отряд разбили на 4 взвода. Взводными я назначил старших унтеров: Крылова И.И., Перевалова В. (убит), незабвенного Бардакова (убит в 1921 году бандитами под Вагаем) и Скрипунова».

Уклоняясь от боевых столкновений с белогвардейцами, партизаны активно расправлялись с «внутренними врагами», нещадно притесняя зажиточных селян и всех тех, кто смел выражать какое-нибудь недовольство краснопартизанским руководством.

В своих воспоминаниях Лопарев привел такой случай: «...Наш штаб находился в почтово-телеграфном отделении. В комнату весь в куржаке важно вошел начальник Филинской заставы т. Карлин. Отрывает сосульки льда с усов, с треском бьет их об пол.

— Ну, товарищ Лопарев, я одного субчика угробил.

— Кого? За что? — общее внимание 20 лучших партизан импонирует Сене.

— Угробил кулака горно-субботинского Вторушина.

— Ну туда ему и дорога, расскажи.

— Вы ушли. Собрал я филинских мужиков на сходку, кто, говорю, «за», кто «против». Все — «за», только просят: уберите от нас эту гадину-погану — купца Вторушина. Придут белые — всех нас выдаст. Ага, отвечаю, подь сюда, голубок. Арестовать. Взяли, повезли. А старик пилит и пилит меня, терпежу нет.

— Молчи, старый хрыч, убью из «нагана» и до Лопарева не доведу. Не унимается: пилит,

смеется, страшает белыми. Совсем вывел из себя. Сам сидит на лавке в большой шубе с кушаком, рожа — с похмелья не оберешь. Донял он меня, выхватил я «наган» — раз! Он — брык с лавки. Пощупал я пульс — пропал. Ну, собаке — собачья смерть! Все!

Этот рассказ прервал звонок телефона из Горной Субботы (удобный пункт на горе над зимним трактом; в случае появления белых можно сообщить нам по телефону, а самим выходить напрямик по тайге на лыжах в Демьянск).

— В чем дело, поганцы? — спрашиваю.

— Пришли, — сообщают, — в Горную Субботу, залезли на столб, включили телефон, повели провода в избу. Зашли и ахнули: «угробленный Вторушин сидит в переднем углу за самоваром, с бороды пот капает. Увидел нас — блюдце из рук вдребезги. Побледнел, упал на колени, кричит: «Больше не буду! Простите! Пощадите!» — Узнали: пуля от сенькиного «Смит-Вессона» запуталась в шерсти полушубка, который был под тулупом. От страха старик упал. А что Сеня понимает в пульсе, к тому же под сильной «мухой» за ухом.

Пересказал эту историю ребятам — смеялись до слез. Карлин побледнел. Выхватил свой «наган», швырнул его об пол.

— Давай мне, товарищ Лопарев, настоящий «наган». С этим говном я не хочу себя срамить.

Дал ему новенький «наган». Успокоил. Парень действительно решительный и храбрый.

В тот же день приехал в Демьянск т. Зырянов А., статный, высокий военный, развитый, умный. Сразу взяли его помощником (убит в 1921 году в бою с бандитами на Сургутском фронте).

Тогда же пришел ответ-телеграмма т. Блюхера на нашу просьбу о помощи: «Сложившейся обстановке помощи оказать не могу. Выходите из положения сами. Привет красным партизанам!» Ему было явно не до нас...»

Лопарев не ошибся в своем заключении. Войска Колчака потеряли уже всякую боеспособность и красным частям Восточного фронта предстояло преодолеть не сопротивление противника, а пространство. Пока Пятая армия успешно преследовала колчаковцев вдоль главной железнодорожной магистрали по направлению к Омску, Третья армия 24 октября 1919 года заняла Заводоуковск, 3 ноября — Голышманово, еще через день — Ишим. Утром 14 ноября 27-я дивизия Блажевича, сделав за сутки на подводах 100-километровый переход, переправилась по льду на восточный берег Иртыша.

Подводя итоги боев, завершившихся взятием Омска, газета «Красный набат» сообщила, что с 16 октября по 16 ноября войсками Восточного фронта занято шесть больших городов: Тобольск (вторично), Ишим, Тюкалинск, Петропавловск, Кокчетав, Омск. Взято в плен 10 генералов, свыше 1000 офицеров, 27 тысяч солдат, причем пять полков в полном составе, штаб дивизии, 4 полковых штаба. Захвачены 30 орудий, 232 пулемета, 3560 винтовок, несколько миллионов снарядов и патронов, два бронепоезда и несколько поездов, 80 паровозов, 3000 вагонов, много лошадей, хлеба, зерна и муки — более 5 миллионов пудов...

Лопарев понял: в обстановке окончательного разгрома главных сил Колчака красные войска не будут отвлечены на второстепенный обиртышский театр военных действий. На какое-

то время Тобольский Север отдавался тем, кто успел. Упускать такую возможность? По признанию Лопарева: «...богачи припрятавали ценности в речках и урманах, а прятать было чего: у одного поганого купчишки из Самарово Кузнецова И.Г., «козла», в последние годы империалистической войны его племянник Кузнецов Яков цапнул шкатулку с деньгами, в которой оказалось ни много ни мало 100000 рубликов...»

Лопареву хотелось, но не моглось. «Получив сведения от матери нашего славного Бардакова, старушки 60 лет, пригнавшей на лошадке из Болчар, о появлении на Конде неизвестного отряда, я распорядился отступить еще на 90 км до с. Увата (150 км от Тобольска). Выехали в тот же день на 180 лошадях в составе до 200 человек...»

Такая численность отряда сомнительна. По заявлению С.С. Шаламова, жителя с. Реполово, датированному 28 мая 1930 года, «...после госпиталя, не доехав до своего села версты две, навстречу попались несколько знакомых, коим угрожала опасность проживать дома от милиции Волкова, и они бежали, в том числе были товарищ П.И. Лопарев, Х.Е. Башмаков и прочие. Мы с ними переговорили, я им рассказал, что за мной никого нет, все благополучно. Товарищи мне предложили вернуться с ними обратно (в г. Тобольск), но я решил ехать до дома.

После них в Реполово прибыл отряд милиции, который преследовал противников власти. Мне не пришлось быть в своем доме, пришлось скрыться в сено, перед утром удалось убежать в лес, куда мне подали лошадь, и я вернулся обратно догонять бежавших товарищей. Доехали до села Увата. Нас набралось человек пятьдесят.

Из Увата стали просить по телефону Тобольск о высылке навстречу вооруженного отряда красноармейцев или вооружить нас. Из Тобольска выслали несколько винтовок, и тогда мы добровольно сформировались в партизанский отряд и вернулись обратно на Самарово во главе с товарищем П.И. Лопаревым».

В воспоминаниях Лопарева так: «...С небольшой группой я выехал 13 ноября в Тобольск, связался с исполкомом, военкомом и информировал их о положении дел. Потом, довольный теплым приемом, получив немного разных винтовок и патронов, утром 15 ноября выехал к отряду и догнал его 17 ноября вечером у Реполово.

Тогда же между Лопаревым и Зыряновым началось соперничество. Есть версия: из-за К.П. Дорониной.

«...Среди партизан, — считал Лопарев, — было какое-то недовольство. Нервировало отсутствие противника на тракте и сведений о нем. Зырянов, как не строевой, не сумел как следует прибрать к рукам всю партизанскую массу».

Стремление Лопарева приукрасить в 1931 году события конца 1919 года и показать себя организатором партизанского отряда и его командиром понятны.

Но рядовые участники тех дней считали: «...11 ноября 1919 года в селе Уват быв. Тобольского уезда происходил стихийный слет бывших солдат царской армии, вернувшихся с фронта и скрывавшихся по лесам от колчаковских мобилизаций или дезертировавших из колчаковской армии, а также бывших советских работников, уклонявшихся или бежавших из-под арестов колчаковских карательных отрядов.

Во время этого слета на территории, по существу, никем не охраняемой, сразу начался в отдельных местах захват телефона, телеграфа, аресты активных колчаковцев, но все это происходило на **ничейной** территории, с которой колчаковцы ушли, а части Красной армии еще не заняли, и не носило организованного характера. Единого руководства и общего продуманного плана действий не существовало. Средства связи отдельными группами, следовавшими на слет, мимоходом захватывались и тут же оставлялись (группа П.И. Лопарева).

...На слете в селе Уват был организован партизанский отряд, командиром избран А.П. Зырянов (но не Лопарев, — А.П.), и в помощь ему создан Военный совет как совещательный орган без права вмешательства в военно-оперативные распоряжения командира отряда».

Назван состав Военного совета: «...председатель — командир отряда А.П. Зырянов и члены: Иван Иванович Литвинов — крестьянин Уватской волости, быв. ст. унтер-офицер царской армии, Платон Ильич Лопарев — житель села Самарова, Варлам Федорович Перевалов — житель села Демьянска, бывш. фельдфебель царской армии, и Иван Авксентьевич Бублик — политссылный, проживающий в селе Самарове.

Из села Увата партизанский отряд, насчитывающий 100—120 бойцов, вооруженных в подавляющем большинстве охотничьим оружием, старыми винтовками и дробовиками, начал наступление на север.

Слабое вооружение отряда являлось предметом постоянной заботы командира и Военного совета отряда, поэтому в целях изыскания

для партизан стрелкового оружия из Увата в Тобольск был направлен член Военного совета П.И. Лопарев, однако ему в снабжении отряда оружием было отказано, так как сам тобольский гарнизон не располагал в то время запасами оружия. Тов. Лопареву все же удалось получить небольшое количество винтовок и боеприпасов к ним, но это ни в коем случае не обеспечивало партизан стрелковым оружием...»

Белым снегом...

В отличие от Лопарева Зырянов почти не упоминается в публикациях о советском периоде истории Обь-Иртышского Севера. Его имени нет в трехтомной энциклопедии Ханты-Мансийского автономного округа, а в учебнике «История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших дней», изданном в Екатеринбурге в 1999 году, он даже в составе Военного совета партизанского отряда не назван. Несправедливо.

Остякообразный Лопарев внешне сильно уступал красавцу Зырянову — не в этом ли таились причины их соперничества?

Антонин Петрович Зырянов родился в 1892 году в деревне Борки Самаровской волости Тобольского уезда в семье крестьянина-рыбака. В 1905 году с отличием окончил Реполовскую сельскую школу, много читал. В 1915 году его, как и Лопарева, мобилизовали в царскую армию, но зачислили не во вспомогательные части, а в 223-й Одаевский пехотный полк, отличившийся на германском фронте. Утверждение Лопарева в 1931 году о «нестроевой службе» своего соперника (погибшего в 1921 году, — А.П.) можно расценить как попытку принизить авторите-

настоящего командира партизанского отряда и возвеличить себя. Тем более что документальные свидетельства рядовых партизан об отношениях между членами Военного совета отряда исчезли после загадочного пожара в помещении тобольской секции красных партизан.

С марта 1918 года работал секретарем Реполовского волисполкома, а с отступлением колчаковцев из Тобольска скрывался в окрестных лесах.

Движение партизан на север выглядело в изложении Лопарева следующим образом:

«Прибыв 17 ноября в Реполово, я немедленно поехал на телефон в надежде разнюхать что-либо о положении в Самаровском. Приехал как раз кстати: из Самаровского меня настойчиво вызывали уже полчаса. Слушаю и не верю: Скрипунов, прошедший путь Болчары—Белогорье—Самарово, сообщил мне, что ни в Белогорье, ни в Самарово нет колчаковцев, поэтому Самарово заняли без боя. Передаю по телефону пароль, получаю отзыв, но в душе страшные сомнения: может, скрипуновский отряд разбит, а враги пытками вытянули из ребят признания, а теперь заманивают в ловушку и мой отряд?

Прошу Самарово вызвать к телефону брата. Узнаю его по наводящим вопросам. На душе сразу легко и весело. На радостях преодолели за 10 часов 100 км пути до Самарова... Мороз здоровый, с треском. В плохой обувишке у фельдшерички (Доронина, — А.П.) колют ноги. Мне и самому не жарко, но распариваю. «Снимай чулки, суй в пазуху...» В Самарове в первую очередь занялись восстановлением телеграфной связи с Тобольском — политическим и хозяйствен-

ным центром губернии. Связались с военкомом т. Петровым Владимиром...»

Заметна разница: «я» и «мы». Потому что с Тобольском разговаривал не Лопарев, а Зырянов — командир партизанского отряда. Сохранились подписанные им телеграммы:

«Тобольск. Уездвоенному. Прошу сообщить, каком положении находится посылка оружия, денег и политорганизатора. Компартизан Зырянов».

6 декабря 1919 года еще телеграмма:

«Ответ о снабжении отряда оружием и снаряжением ждем немедленный и определенный. Люди в отряд каждый день прибывают, а вооружить их нечем. Компартизан Зырянов».

Первое боестолкновение партизан с белыми произошло 18 ноября. По показаниям прапорщика Булатникова, штаб Печорского района белых решил довести до военного командования Колчака решение о присоединении Березовского уезда к Северной области. С этой целью представители объединенных печорского и березовского белых отрядов ротмистр Бунаков, поручик Озадский и прапорщик Булатников с охраной отправились в Томск через Самарово и Сургут, но в Белогорье попали в партизанскую засаду и после перестрелки отступили в село Кондинское.

В своих воспоминаниях Лопарев так описал эту стычку: «...18 ноября, заняв Белогорье, отряд Бардакова и Скрипунова получил сообщение из Троицкого о появлении белых. Их было немного — всего 21 человек, 7 из них двигались впереди — разведка, а 14 — следовали за ними. Впустив в деревню разведку, открыли огонь — трое белых было убито, двое ранено, захвачено 4 винтовки и 2 револьвера. У нас один ранен

(сам отстрелил себе палец из-за неосторожного обращения с оружием, — А.П.).

Следовавшие за разведкой белые, услышав стрельбу, в панике повернули обратно и не остановились даже в д. Троицке. Этот отряд оказался делегацией правительства Чайковского к Колчаку.

В засаде на Белогорье отличился наш славный Сеня Карлин. Один из белых — фельдфебель или унтер — заскочил в хлев и стал отстреливаться через щели и окна из винтовки и нагана. Сене эта канитель надоела: выпустив по беляку несколько пуль, он бросился в хлев и вытащил дрыгающего унтера.

— Ну-ка, вылазь, белая стерва, из малицы. Ишь, разоделся, паршивец! — и вытряхнул труп из богатой малицы. Надел ее поверх своего вконец оборванного пиджака, нимало не смущаясь ручьями стекающей теплой крови. Похлопывая по малице, говорил:

— Теперь меня, понимаешь, 40 градусов не прошибет, важнейшая, понимаешь, штука (любил и любит он словечко «понимаешь»).

19 ноября отряд т. Бардакова занял село Елизарово, что по тракту на север в 75 км от Самарова...»

По свидетельствам очевидцев, «партизаны смело вступали в деревню, ежели белых не было, ходили по ней с песнями (неприменно революционными), агитировали о свободе, хвалились своей силой. Вволю попев в деревне, партизаны уходили за околицу, давали залп из всех ружей, затем с шумом, с песнями, временами стреляя, медленно двигались обратно к Самаровскому...»

Партизанская война в Среднем Приобье была полна экзотики: «...для устрашения врагов, — от-

мечал Лопарев, — мы изобрели «пушку». Мешочки с порохом подвешивались к высоким кедрам и взрывались. Шум и страшный треск ломающего дерева наводили панику на противника».

Не отказывались партизаны и от телеграфно-телефонных «пушек». По предложению Лопарева Бардаков «выкинул фортель — ахнешь!»

«Рано утром 20 ноября он с небольшим отрядом ускакал на Обь к телефонной будке (в 15 км от Елизарово). Звонит в сторону белых. Ему отвечает офицер М. Атлымского штаба.

— Господа, господа, я — Слободсков, елизаровский купец. Спасите меня ради бога! В Елизарово сегодня утром ворвались 300 человек мадьяр с пулеметами и пушкой, перебили всех купцов, остался я один. Спасите, они уже сюда едут.

Тут дверь по условному знаку открывается: шум, грохот сапогов, выстрелы, предсмертный крик...

Вообразив, что Елизарово действительно заняли мадьяры, колчаковский штаб перебравлся сначала в Кондинск, а затем в Березов. Но все же, — признал Лопарев, — они оставили в Атлымах и Кондинске небольшие силы, не проявляя, впрочем, активности...»

Белые подтянули из-за Урала в Березово дополнительные и хорошо вооруженные части. В уезде была объявлена мобилизация. В декабре 1919 года они предприняли наступление в направлении Карымкар. В телеграфном донесении в Архангельск отмечено: «21 декабря разведка березовского гарнизона при поддержке конных пулеметных частей дошла до села Нарыкары (так в тексте, — А.П.) в 288 верстах от Березова. Бой в селе с большевиками: выбили красных из села.

Захвачено 14 винтовок, много разного имущества. Все награбленное красными возвращено владельцам. Наши и сибирские части рвутся в бой».

В то же время колчаковцы оставили Тундрино и Сургут, бросив вмерзшие в лед пароходы со снаряжением, продовольствием и ценностями, отступили к Томску, соединившись там с частями 1-й Сибирской армии генерал-лейтенанта А.Н. Пепеляева.

После этого отступления, похожего на бегство, «партизаны Ивана Ивановича Крылова — крестьянина дер. Моховой Уватской волости и Хрисанфа Егоровича Башмакова — рыбака из дер. Базьяны спокойно заняли деревню Шапшу, села Зенково, Тундрино и Сургут...»

Но «победа» на Сургутском направлении насторожила Зырянова. 7 декабря он отправил телеграммы в Сургут и в Тобольск.

«Начальнику отряда разведки Башмакову. Достигнув села Тундрино остановитесь и не двигайтесь до особого распоряжения. Разведку вести только через население... Будьте осторожны. Если будет отрезан белым путь отступления к Томску, то они могут сделать отчаянную попытку вернуться в Сургут и пробиться на Березов для эвакуации в Архангельск, который не слышно еще, что занят».

«Уездному военкому т. Петрову. Прошу скорее выяснить, какая местность Тюменской губернии занята Красной армией. Если будет отрезан путь белых на Томск, то они могут принять отчаянную попытку прорваться на Березов для бегства в Архангельск».

Лопарев в воспоминаниях признал: «Нас спасло, что колчаковцы решили пробиваться на Дальний Восток, а не к Архангельску».

Сибирские белогвардейцы рассчитывали пополнить армию в Новониколаевске, Томске, Барнауле и Красноярске новобранцами, организовать новый фронт и отбить Сургут, Самарово, Тобольск. «Однако, — по свидетельству Пепеляева, — запасные полки в тыловых городах выражали резкое недовольство колчаковским режимом и не хотели сражаться с красными войсками. Упала дисциплина. Жажда как-то скорее окончить войну овладела всеми. Началось повальное дезертирство. Между Томском и Красноярском 1-й Сибирской армии не стало...»

20 декабря 1919 года в Томск вступила 30-я стрелковая дивизия 20-летнего Альберта Лапина. Красные захватили свыше 30 тысяч пленных и богатые трофеи.

А среди красных партизан Тобольского Севера произошел раскол.

Чекистский спецназ

«Основной причиной раздора, — считал Лопарев, — явилось известие о подготовке к выходу из Тобольска к нам на помощь сильного отряда Красной армии».

Казалось бы, при концентрации белых на Березовском направлении своему подкреплению партизаны должны были радоваться. Но занятие без боя 8 декабря Сургута и захват колчаковского эвакуационного речного каравана вскружили головы Лопареву и его сторонникам. Поэтому вступление отряда Башмакова в Сургут совпало с переворотом в партизанском руководстве и фактическим отстранением Зырянова от командования отряда.

Из Самарова в Тобольск была отправлена телеграмма:

«Тобольскому военкому. Всем товарищам партизанам. Согласно постановлению общего собрания от 7 декабря 1919 года управление отрядом переходит в руки Военного совета из четырех лиц: И.А. Бублика, П.И. Лопарева, В. Первалова и И.И. Литвинова. Начальник отряда т. Зырянов остается на месте, но под строгим контролем Совета. Все распоряжения по отряду обязательно должны быть скреплены подписью дежурного члена Военного совета...»

В воспоминаниях Лопарев отметил: «...текст телеграммы написан мной». Но ниже уточнил: «...протокол общего собрания не сохранился, я тогда дежурил по Совету, на собрании **не присутствовал**, поэтому не все суждения и причины знаю...»

Там же признал: «Юридически с Уватского общего собрания, т.е. с 11 ноября 1919 года, т. Зырянов являлся **полновластным хозяином** отряда, но фактически... лишь осуществлял отношения с Тобольском. Практически не зная строевой службы и боевой жизни (писарь штаба), он сразу же не удовлетворял партизан боевым распорядком. Кроме того он вел какую-то непонятную игру с Тобольским военкомом, нервировал Тобольск и нашу периферию без достаточного основания.

Главным образом ему мы обязаны отправлением на Север к нам на помощь очень большого экспедиционного отряда Красной армии под командой т. Лепехина, хотя сюда можно было послать совсем небольшую часть или просто ликвидировать белых, снабдив партизан оружием... К чему была такая спешка, не пойму. Ведь партизаны в эти дни взяли Елизаровское и знали о

Слева направо: командир Отряда северной экспедиции (красного) А.П. Лепехин, начальник штаба М.Н. Губер-Гриц, адъютант Г.Д. Беспалов.

г. Тобольск. 15 декабря 1919 г.

А. Петрушин. На задворках гражданской войны
бегстве колчаковцев из Тундринского. Вообще
мы с противником не соприкасались...»

К противнику соперники относились по-разному.

Телеграмма Лопарева:

«Белогорье — т. Бабкину. 11 декабря. Опросите население о Кокшарове, допросите его и срочно вышлите (более поздняя приписка на бланке телеграммы: Кокшаров Д., колчаковский милиционер, сволочь, отвертелся в 1919 году от наказания, но в 1921 году мною расстрелян)».

«Тундрино — т. Башмакову. 14 декабря. Иона Питухин (поздняя приписка — нач. губ. угол. розыска, крупный специалист, гадина), как могущий дать ценные сведения, направляется в Тобольск. Ивана Сосунова как провокатора и ярого контрреволюционера расстрелять. Привести в исполнение приговор и доложить (Питухина расстреляли в 1920 году, а Сосунова, родного брата обдорского чекиста Павла Сосунова, — в 1921 году, — А.П.)».

Телеграмма Зырянова:

«Тундрино — Башмакову. Немедленно приступите к регистрации пароходов и барж, оставшихся на зимовку на Оби от Тундрино вниз до Зенковой. Возьмите на учет содержащиеся на них грузы, затем опечатайте посредством местного самоуправления. О результатах доложите немедленно».

«Тобольск — военкому. В интересах справедливости является необходимым производство следствия и опрос свидетелей для собрания обвинительного заключения (поздняя приписка Лопарева: вот еще, не было печали...). Я не прочь расстреливать, но не на глазах у населения, чем легко вызвать общее недовольство,

расположение которого нам необходимо для достижения цели».

«Уват — Лепехину. Не задерживайтесь движением. Обещайте солдатам отдохнуть в Самаровском. Жду с нетерпением».

В истории нашего края совершенно не отражены обстоятельства формирования отряда под командованием Лепехина, а действия этого отряда ошибочно отнесены на счет партизан. Таких сведений не оказалось ни в местных архивах, ни в Российском государственном военном архиве.

Значит, это соединение не входило в состав Красной армии, а являлось специальным (экспедиционным) подразделением ВЧК для проведения на Тобольском Севере оперативно-боевой операции. Подтверждение этому выводу нашлось в личном деле бывшего уполномоченного экономического отдела Тюменского оперсектора ОГПУ Максима Лукича Зуева.

В объяснении от 10 октября 1933 года «по вопросу добровольного поступления в Красную армию в 1919 г.» он указал: «...Через несколько дней после отступления колчаковцев и взятия Тюмени и ее окрестностей красными войсками к нам в д. Черная Речка, которая находится в 30 км от города, приехал один из политработников. После информации о внутреннем положении страны он объявил запись добровольцев в Красную армию. На собрании присутствовал мой отец, который и записал меня добровольцем. Через несколько дней нас, записавшихся 18 человек из 40 дворов, затребовали в Тюмень, где зачислили в батальон ВОХР при губчека...

В первых числах декабря 1919 года губчека и губвоенкомат приступили к организации отряда

для ликвидации колчаковцев на севере: Самарово—Березов. В нашем батальоне была объявлена запись добровольцев, которую проводил комбат Алексеев и назначенный командиром отряда т. Лепехин. Я изъявил желание, и меня записали (из однопорученцев со мной записался только один Лузгин Григорий — сейчас живет в д. Черная Речка). Из всех добровольцев (насколько мне помнится, всего 75 человек) было создано три взвода и пулеметная команда. Я зачислен стрелком 2-го взвода. Отряду было присвоено название «1-й Северный экспедиционный отряд» (правильно — Отряд северной экспедиции, — А.П.).

Из числа командного состава помню:

1) командир отряда Лепехин — слышал от тт., что он в 1926 или 1927 году умер; 2) начальник штаба Губер-Гриц — где находится в настоящее время не знаю; 3) политком Иваненко — был ранен в ногу при занятии нами одной деревни на реке Оби между Самарово и Березовым (за принятие мер по скорейшему обеспечению подводой и отправлению в тыл я получил от т. Иваненко в виде подарка карабин). Где сейчас находится т. Иваненко не знаю, т.к. он остался инвалидом, т.е. с одной ногой; 4) комвзвода Троцевский — убит во время операции нашего отряда на польском фронте в 1920 году; 5) начальник пулеметной команды Ушаков Леонид (мой хороший приятель) — убит бандитами в 1921 году под селом Заводо-Успенским Тугулымского района.

Дня через 3—4 после сформирования отряда, т.е. в начале декабря, мы на лошадях выехали из Тюмени по направлению Тобольск—Самарово (я и еще один товарищ были назначены квартирными).

М.Л. Зуев.

1936 г.

...Тогда мне было 17 лет, и мое вступление в отряд обуславливалось не патриотическими чувствами, а, главным образом, желанием иметь шинель и винтовку и «порисоваться» перед сверстниками, а более всего — перед девушками.

...Лепехин был среднего роста крепыш с монгольским лицом. Первое впечатление о нем было у нас незавидное. Мы ожидали увидеть военного, а этот — гражданский. Мнение наше о нем изменилось в лучшую сторону несколько позднее. Выступая перед нами, он заявил: «Товарищи бойцы, я много агитировать вас не буду, а скажу вот что: запись производится добровольно; сразу предупреждаю, что отряд идет на север, и воевать там придется в очень суровых условиях, при 40—50 градусах мороза, в глубоких снегах, среди народов Крайнего Севера. Если кто не верит в свои силы или у кого имеется хоть малейшее сомнение, не записывайтесь...»

...Через пять дней мы приехали в Тобольск, пробыли там двое суток, сходили в баню и получили дополнительно теплое обмундирование. Здесь в наш отряд влились добровольцы, прибывшие из Ишима и Ялуторовска. Дальнейший

наш путь лежал на Самарово. В Самарово мы приехали ночью. За несколько дней до нашего приезда его заняли партизаны. Здесь в наш отряд влилось 7 человек и в Белогорье, куда сразу же выехал 2-й взвод, — еще 25 человек партизан. Таким образом в составе нашего отряда находилось всего человек 100–120, из них 25–30 мадьяр (1-й взвод)».

Лопарев в воспоминаниях так изложил содержание переговоров Лепехина с Военным советом партизан.

Лепехин: «Согласно приказанию командующего III Красной армии все действующие в Тобольской губернии части подчиняются мне (приписано рукой Лопарева: в их число Лепехин включает и партизан). Посему я вам приказываю под личную ответственность т. Зырянова никаких смертных приговоров не выносить. Если какие вынесены, то их исполнение не проводить, а виновных вместе с делами направлять в Тобольск (приписка Лопарева: только и дело, что писать кучи бумаги на разную сволочь)».

Военсовет: «Партизанский отряд создавался без указания свыше, совершенно самостоятельно, и до настоящего времени красные партизаны борются своими силами, в то время как регулярные войска окопались в Бронниковой. Приходите сюда и берите всю полноту власти, мы ее с удовольствием отдадим и во всем подчинимся. Но до тех пор, пока вы за 500 верст, считаем себя вправе, стоя на платформе Советской власти, быть самостоятельными в своих действиях. Товарищ Зырянов здесь совершенно ни при чем, так как всем управляет Военный совет, избранный общим собранием партизан».

Лепехин: «Честь и слава красным партизанам, организовавшим отряд. В настоящее время Тобольским военкомом т. Петровым т. Зырянов назначен начальником гарнизона с. Самаровского, а отряд становится частью регулярной Красной армии».

Военсовет: «Партизанский отряд — организация кочующая, поэтому для нас начальник гарнизона не нужен...»

Лопарев отметил: «О конце разговоров документов нет, но я помню, что Военсовет решительно протестовал против явного желания т. Лепехина беспрекословно подчинить себе отряд партизан. При его характере и нашем настроении не мудрено, что впоследствии в Обдорске Лепехин выкатил против партизан два пулемета...»

«Понятно, — продолжал Лопарев, — что отказ от расстрелов под давлением Лепехина Военсовет и весь партизанский отряд принял скрепя сердце, так как понимал, сколь много подлецов и контрреволюционеров останутся живыми. Достаточных материалов Ревтрибуналу нам дать было некогда. Особого отдела мы не имели. Поэтому Тобольск всех нами арестованных освобождал и направлял назад. А т. Лепехин за пять месяцев операций на севере не произвел ни одного расстрела, да и арестованных им было очень мало...»

При характеристике командира Отряда северной экспедиции Лопарев заявил: «многие из партизан знали т. Лепехина как помощника командира парохода, картежника в прошлом, человека очень вспыльчивого и горячего. Вполне естественно, — заметил автор воспоминаний в 1931 году, уже зная о смерти Лепехина, — что эти сведения восстанавливали нас против него».

Неудивительно, что при такой характеристике Лепехину не нашлось места в идеологизированной истории нашего края.

«Брат» Мишки Янончика

Александр Петрович Лепехин родился в 1889 году в Тобольске. В 1922 году в анкете Всероссийской переписи членов РКП(б) в таблице II «Социальное и национальное происхождение» он указал: «дед (с отцов. стор.) — псаломщик, отец — чиновник — военный, мать — учительница; все — русские». Три года учился в тобольской восьмиклассной мужской гимназии, пять лет в тюменском семиклассном реальном училище, окончил в Казани трехклассное речное училище. Считал себя «морьяком — капитаном парохода, работал в этой профессии 9 лет».

В сентябре 1914 года его мобилизовали на военную службу — до апреля 1918 года он «служил командиром парохода «Николай Сухотин», выполнявшего специальные рейсы по реке Оби и ее притокам.

В составленном 7 июля 1922 года послужном списке Лепехина отмечено: «в мае 1918 года после начала мятежа чехословацкого корпуса эмигрировал в Китай. В апреле 1919 года вернулся из эмиграции и в Одессе добровольно вступил в ряды Красной армии».

В его партийных документах другие сведения: «был в Тюмени с марта по апрель 1917 года рядовым членом парторганизации РКП(б), затем до августа 1918 года также в Тюмени — политическим руководителем Красной гвардии и организатором Красной армии...» А в январе 1919 года отмечен «Киев...».

Причины анкетных противоречий заключаются в выполнении Лепехиным разведывательных заданий ВЧК в Шанхае и в других китайских портах на французских и английских военных судах. Он добывал информацию о переброске частей интервентов в Советскую Россию и вел коммунистическую пропаганду среди иностранных моряков (сам свободно говорил по-французски, по-английски и по-китайски).

С этими же целями его на попутном пароходе перебросили в Одессу, которая с декабря 1918 года до конца марта 1919 года находилась под властью белогвардейцев и «союзников Антанты», в первую очередь французского командования, и представляла собой островок видимого благополучия и обеспеченности среди бушующего океана гражданской войны.

В городе открывались шикарные магазины и рестораны, игорные и публичные дома, снимались фильмы и работали десятки театров и кабаре. Одесса в те месяцы была прибежищем состоятельных людей и всевозможных предпринимателей. Как мухи на мед слетались туда аферисты и вымогатели, картежники и налетчики, воры и проститутки. Богатые люди со всей «вчерашней» империи проматывали тут деньги.

Среди «фартовых» карточных игроков в Одессе выделялся Санька Монгол, считавшийся «братом» знаменитого «короля» одесских бандитов Мишки Япончика — Моисея Вольфовича Винницкого. Их роднили раскосые глаза, широкие скулы, смуглый цвет кожи. И характер.

Современники считали Мишку Япончика «одной из ярчайших личностей старой Одессы, колоритным типом романтического разбойника и

афериста... Говорили, что он не грабит врачей и артистов, любит ходить в театр и на дивертисменты. А его «мальчики» работают очень картинно: на вечерах и маскарадах появляются в смокингах, ничем по облику не отличаясь от господ, и вежливо просят дам и кавалеров расстаться с драгоценностями. Никакой грубости, хамства, а тем более насилия не допускают, только поигрывают своими никелированными браунингами...

Япончику было лет тридцать. Брюнет, широкие смуглые скулы. Обращали на себя внимание беспокойные раскосые глаза. Они мгновенно и как-то незаметно перебежали с предмета на предмет, казалось, что он смотрит на всех и на все сразу. Он часто оглядывался. А одет был богато и несколько мрачновато. Пальто украшал черный каракулевый воротник, шапка того же меха лежала на коленях, едва придерживаемая рукой. Пальто было расстегнуто, и выделялся черный «костюм и того же цвета косоворотка...»

Белогвардейцам Япончик устраивал «тихий погром». Частенько бандиты поджидали белых офицеров при выходе из ресторанов, чтобы их избить и ограбить. Жены одесских бандитов — иногда проститутки, а чаще воровки — помогали мужьям в их «трудной работе».

В ответ на бандитский террор белогвардейский военный губернатор Одессы генерал Гришин-Алмазов объявил войну бандитам. В предместья были введены воинские подразделения и броневики. Бандитов расстреливали на месте преступления.

Гришин-Алмазов был известен тем, что в июне 1918 года, будучи капитаном, стал военным министром Временного сибирского правительства. Двойную фамилию и генеральский

чин он присвоил себе сам в «революционном порядке». Через два месяца на какой-то пирушке в Челябинске он наговорил дерзостей английскому консулу, который неодобрительно отозвался о России. Злопыхатели воспользовались скандалом и удалили его из Сибирского правительства. Гришин-Алмазов переехал к Деникину и стал генерал-губернатором Одессы.

В интервью газете «Одесские новости» в январе 1919 года он сетовал: «То, что происходит сейчас в Одессе, внушает серьезные опасения... Одессе в наше безумное время выпала исключительная доля — стать убежищем всех уголовных знамен и главарей преступного мира, бежавших из Екатеринослава, Киева, Харькова».

Борьба была столь жестока, что Япончик направил Гришину-Алмазову письмо-просьбу: «...Мы не большевики и не петлюровцы. Мы уголовные. Оставьте нас в покое, и мы с вами воевать не будем».

Но молодой и амбициозный губернатор не принял предложения, и война продолжалась. Для широкомасштабных облав использовались французские и греческие солдаты.

На белогвардейские репрессии представители преступного мира ответили «бандитским террором», а Санька Монгол склонил своего «коронованного брата» к союзу с революционным подпольем в войне против общего врага. Тогда же они установили «деловые» связи с Григорием Котовским, появившимся в родной для него Одессе с паспортом херсонского помещика Золотарева, и анархистом Анатолием Железняковым (кличка «Викторс»), который прибыл в Одессу для организации «Интернационального бюро анархистов».

Япончик успешно приторговывал оружием и снабжал им подпольные отряды большевиков и анархистов, а также помогал выкупать за большие деньги революционеров из тюрем «восемнадцати контрразведок». В Одессе ходили слухи, что в городе действует «бандитская армия в десять тысяч человек». Скорее всего, это преувеличение, в лучшем случае Япончик и Монгол могли собрать одну треть названной цифры. Но и это было немало. Прибавим сюда 300 боевиков революционного подполья и увидим, что «городская партизанская война» в Одессе весной 1919 года была опасна для белогвардейцев и очень выгодна большевикам.

Есть данные, что до Лепехина — Саньки Монгола Япончика по секретному заданию ВЧК опекал известный в те времена авантюрист Борис Ржевский-Раевский, который появился в Одессе еще в августе 1918 года.

За его плечами было множество афер: аристократ, друг царского министра внутренних дел Хвостова, он прославился как военный корреспондент, организатор первого в России Союза журналистов («Клуб журналистов в Петрограде»), участник убийства Распутина. После образования 20 декабря 1917 года ВЧК вел по рекомендации Держинского следствие самых запутанных дел Мануйлова (секретарь Распутина) и Касселя (грабитель Москвы). За должностные преступления, взяточничество и исключительную жестокость к арестованным, которая шокировала даже выдавших виды чекистов, был арестован своими коллегами.

Но летом 1918 года Ржевский-Раевский сбежал из застенков ВЧК, сначала в Киев, затем в Одессу, где предложил свои услуги одесской по-

лиции в качестве знатока сыска. Так он ликвидировал ряд знаменитых преступников и расчистил Япончику путь к «трону короля блатной Одессы». Покровительствуя бандитам Япончика, вчерашний чекист не успел направить уголовную стихию против «врагов революции»: 20 февраля 1919 года его тело с пятнадцатью огнестрельными ранениями нашли возле «клуба артистов», который он любил посещать. После убийства афериста белогвардейская контрразведка обнаружила в его квартире переписку с «блатным миром» и револьвер с золотой монограммой «От благодарного Мишки Японца». После того, как стало известно подлинное лицо помощника начальника уголовного розыска полиции Ржевского-Раевского, в отставку вышел его покровитель генерал Гришин-Алмазов, который попытался вернуться в Сибирь, но в Каспийском море был застигнут красным сторожевиком и застрелился.

Ослабление белогвардейских сил в борьбе с бандитами Япончика и революционным подпольем и вывод из Одессы войск Антанты привели к тому, что части Красной армии подошли вплотную к городу. Точнее, это были отряды украинских крестьян атамана Херсонщины Григорьева, заключившего формальный союз с красным командованием.

8 апреля 1919 года повстанцы вошли в город. «Вся Пушкинская площадь была заполнена народом. Григорьев ехал, стоя в автомобиле. Толпа выкрикивала «Ура». Кто-то ухватил атаманскую руку и поцеловал ее». После этого Григорьев уже сам протягивал руку для поцелуя. Толкотня, крики. Атаман довольно усмеялся, он никак не ожидал такой встречи, вспоминал очевидец.

Красный командарм Скачко докладывал в центр: «Одессу взяли исключительно войска Григорьева. В двухнедельных непрерывных боях бойцы показали выносливость и выдающуюся революционную стойкость, а их командир — храбрость и военный талант... Прошу товарища Григорьева, который лично показал пример мужества в боях на передовых линиях, под ним было убито два коня и одежда прострелена в нескольких местах, и который добился победы над сильным врагом с незначительными потерями, наградить орденом Красного Знамени...»

После взятия Одессы Григорьев зазнался, стал говорить о себе как о полководце, любил почести и лесть, появлялся перед народом, как правило, нетрезвый в составе большой свиты. Из-за доставшихся ему огромных запасов амуниции, мануфактуры, продовольствия, вооружения, брошенных в одесском порту интервентами и белогвардейцами, у Григорьева обострились отношения с большевиками и бандитами.

В те «смутные» дни, и особенно ночи, в городе не прекращалась перестрелка — воевали между собой победители: Григорьев, Япончик, советский комендант Домбровский. Эта борьба прекратилась только с уходом 22 апреля из Одессы частей Григорьева и с расстрелом «за бандитизм и контрреволюцию» Домбровского.

Входившая в состав руководства одесских большевиков Соколовская писала в ЦК партии: «Одесский пролетариат — это бандиты, спекулянты, гниль... В Одессе без денег революция не двигается ни на шаг».

Народным комиссаром по военным и морским делам Украинской Советской Социалисти-

ческой Республики был тогда Николай Подвойский. Его главная задача состояла в том, чтобы провести мобилизацию и пополнить части Южного фронта, противостоящего Деникину. Подвойский обещал Ленину сформировать армию «за пять дней». Но мобилизация велась плохо, люди не шли в армию, а когда их сгоняли на мобилизационные пункты — сбегали. Подвойского сняли с должности, а спасти положение на Украине поручили в очередной раз ведомству Дзержинского.

В мае 1919 года, надо полагать, не без влияния «брата» Монгола, Япончик явился в Особый отдел ВЧК при 3-й Украинской армии и предложил создать отряд из числа своих поделельников для «защиты революции». Реввоенсовет поддержал это предложение: Япончику разрешили сформировать батальон особого назначения для борьбы на деникинском фронте.

Когда число добровольцев превысило тысячу человек, батальон был развернут в 54-й имени Ленина(!) советский стрелковый полк. Командиром полка остался «товарищ Мишка», а комиссаром назначен секретарь Одесского исполкома 27-летний анархист Фельдман. Среди политсостава выделялся интернационалист Тибор Самуэли, военнопленный, ставший одним из основателей венгерской группы РКП(б), прилетавший позднее на аэроплане из Венгрии в Москву к Ленину за инструкциями по проведению венгерской революции и убитый при ее подавлении.

Лепехин-Монгол создал из оказавшихся на Украине сибиряков «Сибирский батальон красных коммунаров», хорошо вооруженных и одетых в трофейное английское обмундирование.

Говорили, что оружие и форму он выиграл в карты у атамана Григорьева. А во время бегства белогвардейцев из Одессы кто-то (шепотом называли Монгола) совершил налет на банк и вывез из него на трех грузовиках денег и ценностей на пять миллионов золотых рублей. Судьба этих сокровищ осталась неизвестной, однако в народе в 20–30-е годы ходили слухи о кладах (их чаще приписывали Котовскому), зарытых где-то под Одессой.

Одесский «подпольный» период жизни Лепехина противоречив и лишен достоверных данных. В мае—июле 1919 года председателем Одесской ЧК стал Станислав Реденс (партийная кличка «Стах») — молодой удачливый авантюрист, будущий свояк Сталина, женившийся на Анне Аллилуевой. Реденс покровительственно относился к Япончику, Монголу и их вооруженным формированиям. Кроме уголовников, анархистов и дружинников еврейской самообороны, там оказались студенты Новороссийского университета и коммунисты, призванные губкомом КП(б)У для пропагандистской и воспитательной работы.

20 июля полк Япончика выступил на фронт. Очевидцы вспоминали: «Впереди шли музыканты. Люди Япончика собирали их по всему городу. Трубачи и флейтисты из оперного театра, нищие скрипачи, побиравшиеся по дворам, гармонисты из слободских пивнушек — все они сегодня шли рядом, играя походные марши и молдавские мелодии. Позади оркестра на белом жеребце — сам Япончик в кожаной фуражке, как у Котовского, в офицерском френче и красных галифе... Рядом несли огромное знамя из тяжелого малинового бархата. На нем было вышито полное на-

звание полка: «Непобедимый революционный одесский железный полк Смерть буржуазии».

Но уже через две недели полк оставил боевые позиции и отбыл в Одессу на попутном пассажирском поезде, при этом ограбив и разогнав всех пассажиров. Большевики на специальном паровозе ринулись в погоню. 4 августа эшелон с беглецами был остановлен на станции Вознесенск (в направлении на Одессу), где Винницкого-Япончика при попытке к бегству застрелил из револьвера командир местного дивизиона Никифор Урсулов, получивший за это убийство орден Красного Знамени.

В послужном списке Лепехина-Монгола отмечено, что в то время «он был ранен и эвакуирован в госпиталь», но с какой стороны ему досталась пуля, не указано. «По выздоровлении (даты в документе нет) его назначили комендантом г. Тюмени». О причинах срочного возвращения на родину «начальника штаба Сибирской бригады красных коммунаров» можно только догадываться: всех участников ликвидации Япончика, оставшихся в Одессе, убили «за предательство».

По указанию председателя Реввоенсовета Троцкого и руководителя ВЧК Дзержинского «похожий на монгола» Лепехин сформировал в декабре 1919 года в Тюмени и Тобольске «Отряд северной экспедиции», который находился в оперативном подчинении командующего войсками Северо-Восточного сектора Северного фронта Малкова, но входил в состав войск ВЧК. Кроме проведения разведывательных и локальных боевых операций, Лепехину поручили розыск вывезенных колчаковцами из Тобольска ценностей и документов.

Начальником штаба Отряда северной экспедиции был назначен 27-летний Михаил Михайлович Губер-Гриц. Он окончил гимназию в Екатеринославе (сейчас Днепропетровск), после чего, как позднее писал в анкетах, «служил в театре артистом». Во время 1-й мировой войны командовал взводом разведки в 51-м Литовском и 409-м Новохоперском пехотных полках, дослужился до капитана, был ранен, попал в немецкий плен, откуда бежал. После революции судьба свела его с матросом-балтийцем Павлом Дыбенко и видной революционеркой Александрой Коллонтай.

О романе 29-летнего чернобородого и самоуверенного матроса с 46-летней женщиной аристократического происхождения, владеющей полдюжиной иностранных языков, написано много.

В феврале 1919 года Дыбенко был назначен начальником 1-й Заднепровской советской стрелковой дивизии, которую составили бывшие партизанские отряды. Коллонтай стала начальником политотдела, а штаб дивизии возглавил Губер-Гриц. В их подчинении оказались отряды Махно и Григорьева, того самого «освободителя Одессы». Эти вожди повстанческого движения недолго оставались у красных: в мае 1919 года Григорьев поднял мятеж против советской власти. Под его началом находилось двадцать тысяч штыков, пятьдесят орудий и шесть бронепоездов. Остатки дивизии Дыбенко отошли в Крым. Там 6 мая было провозглашено создание Крымской Социалистической Советской Республики и образовано Советское Временное рабоче-крестьянское правительство. Совнарком разместился в Симферополе. Дыбенко стал наркомом по военным и морским делам

Крымской республики. Коллонтай назначили начальником политотдела крымской Красной армии. Губер-Гриц состоял при них «инспектором для особых поручений». Но они мало наслаждались жизнью в Крыму.

12 июня 1919 года генерал-майор Добровольческой белой армии Яков Слащев со своими войсками высадился в районе Коктебеля, разбил армию Дыбенко и легко сверг советскую власть. Остававшегося без армии крымского военного наркома Дыбенко откомандировали (вместе с Коллонтай) в Москву — учиться в Военной академии РККА. А их красавец адъютант оказался в Екатеринбурге, а затем в Тобольске. Там ему подыскивали новое занятие.

Еще 22 апреля 1918 года ВЦИК принял декрет «Об обязательном обучении военному искусству», в соответствии с которым создавалась система военной подготовки боевых резервов Красной армии. В первую очередь военную подготовку должна была пройти молодежь допризывного возраста (15—17 лет). Так появился Всевобуч — Главное управление всеобщего военного обучения территориальных войск.

Страну разбили на дивизионные, бригадные и полковые округа, а внутри территорию делили на батальонные, ротные и взводные участки. В каждом участке выделялись кадровые военные, которые не только занимались военным обучением населения, но и являлись костяком будущих частей, которые могли быть развернуты в случае мобилизации.

В состав Всевобуча включили и части особого назначения (ЧОН) — это около ста тысяч человек. Части особого назначения формировались

при партийных комитетах на основании постановления ЦК от 17 апреля 1919 года для борьбы с контрреволюцией и несения караульной службы на важных объектах. Они же использовались для подавления народных восстаний.

Инспектор Тобольского губвсевобуча Губер-Гриц завершил формирование Отряда северной экспедиции и возглавил его штаб.

17 декабря 1919 года отряд выступил из Тобольска на север по маршруту экспедиционного отряда белых под командованием подпоручиков Лушников и Туркова в декабре 1918 года.

Продвижение чекистского спецназа не радовало Лопарева и его окружение. Он так характеризовал в своих воспоминаниях близких ему сторонников:

«...Вошедшие в состав Военсовета Бублик И.А., Перевалов В.Ф. и Литвинов И.И. примерно одного возраста со мной, т.е. 30—33 года, участники, как и я, империалистической войны (исключая т. Бублика). Так, Перевалов — фельдфебель, Литвинов — унтер-офицер, а я, хоть и рядовой, но имел за плечами две учебных команды военного времени. По социальному составу: Перевалов — крестьянин из д. Демьянска, приемыш в исправной семье, на военной царской службе с 1912 года и до окончания войны, беспартийный (убит на польском фронте в 1920 г.). Литвинов — крестьянин-середняк со Стреховой горы, в царской армии с начала войны 1914 года, беспартийный. Я из крестьянской семьи. При помощи дяди получил низшее механико-техническое образование. Призыва 1911 года, призван фактически в середине 1915 года с должности мастера-техника Самаровского ремесленного училища, с

1918 года — инструктор кооперации. Тов. Бублик — политессыльный 1905 года, большой знаток экономики края, пользовавшийся значительным авторитетом у населения. В прошлом — эсер, с 1919 года — большевик (умер в 1931 г.).

...Из начальников боевых участков отличились: Бардаков П.Е. — бедняк из с. Болчары, беспартийный (убит во время восстания 1921 г.), Башмаков Х.Р. — крестьянин-середняк из с. Базьяны, унтер-офицер, беспартийный, Крылов И.И. — крестьянин-середняк из д. Моховой Уватского района, унтер-офицер, Карлин С. из бедняцкой крестьянской семьи с. Самарово, рядовой, Скрипунов А.Г. — бедняк из какой-то неясно выраженной семьи с. Самарово, рядовой.

Вся остальная масса партизан состояла почти исключительно из крестьян одного с нами возраста. Было и несколько малышей 14—15 лет...»

Кто успел, тот и...

Почему Лопарев и другие находившиеся под его влиянием члены Военного совета так настойчиво отнеслись к появлению отряда Лепехина? Потому что при низкой активности белых на Березовском направлении и полном оставлении ими Сургутского уезда партизаны торопились растащить доставшееся им совершенно случайно огромное эвакуационное богатство. Они ни с кем не хотели делиться.

Лопарев потом признал: «...В распоряжении партизан оказались большие запасы продовольствия, оставленного колчаковцами на всем пути отступления из Тобольска. Поэтому у партизан недостатков и перебоев в снабжении не было. Питались мы неплохо. Заняв село или деревню, забира-

лись в лучшие дома купцов и других паразитов и здесь кормились бесплатно и беспошлинно. Поджавшие хвост хозяева из кожи лезли вон, чтобы не попасть прямым сообщением на тот свет. Злое же их посверкивание глазами партизанских аппетитов не уменьшало. Мясо и рыбу обыкновенно отбирали у кулаков, да и само население понемногу жертвовало продукты. Местные партизаны останавливались обычно в своих домах и всегда прихватывали своих товарищей. Да и бесконечные друзья-подруги растаскивали их по домам».

Скрыть грабежи населения было невозможно. Лопарев подтвердил: «...надобности в деньгах мы не имели. Продовольствие получали с баржей и пароходов или на местах от купцов и крестьян бесплатно. Подводы для переброски продовольствия и партизан крестьяне давали также бесплатно. За «тело» (жилье) расходов не несли. На руки партизанам не выдавали ни копейки. Но деньги и другие ценные вещи все же поступали в отряд, и в немалых количествах. Мы их делили по спискам. Так же распределяли купеческую одежду, платье и белье. К сожалению, этого факта, по видимому, общего для всех партизанских отрядов Советского Союза, я не могу подтвердить документально. Если какие-то документы и сохранились, то только в делах исполкомов, но вернее всего, эти списки искрутили на сигарки и козьи ножки во время восстания 1921 года».

В такой обстановке пряталось все ценное. Лопарев заметил: «...Пролетарская кара скоро настигла мошенников как гром. Часть их ценностей стала достоянием республики, а особо упорные унесли свои богатства на тот свет, на «обед к осетрам».

Лопарев знал о ценностях сибирских белогвардейцев и драгоценной церковной утвари, спрятанных зимой 1919—1920 годов в окрестностях Сургута. Несмотря на осторожность, в его воспоминаниях прорвалось: «...Часть розданного... «по добрым людям» на хранение зажилилось, большинство же... и по настоящее время «кладами лежит в земле»... Лопарев знал о кладах и искал их.

Другой причиной настороженности Лопарева и Военного совета к отряду Лепехина явилась директива о мобилизации в Красную армию мужчин-партизан призывного возраста. Красная мобилизация оказалась для них такой же страшной, как и белая. Воевать по приказу и по уставу партизаны не хотели.

Чтобы показать свою местную значимость, Лопарев и его окружение выехали на фронт к с. Карымкары, где предприняли единственное наступление на позиции белых, но потерпели поражение.

В телеграммах тобольскому военкому Петрову партизаны сообщали вымышленные сведения о появлении на Березовском направлении крупных подразделений белых «в количестве 450 человек, оперировавших ранее на Архангельском фронте», о «движении 120 белых на оленях через Назым в Сургут», о собственных «больших потерях в бою за Карымкары».

Свою реакцию на красную мобилизацию Военный совет партизан выразил Тобольску 19 декабря: «...Исполнив приказание о мобилизации унтер-офицеров и рядовых призывных годов, мы лишимся командного состава и фактически откроем фронт, так как оставшиеся непризванными партизаны без руководства унтер-офицерами принуждены будут при своей малочислен-

ности и малоопытности, при наших расстояниях и противнике, имеющем в своем распоряжении оленеводов и лыжников-добровольцев из зырян, оставить Сургут и Самарово, что поднимет дух противника, даст ему возможность перейти в наступление и одержать победу».

Дезинформированный подобными паническими сообщениями и не знавший реальной обстановки в уездах Тобольск, посоветовавшись с находившимися в Филинске (200 км южнее Самарово) Лепехиным и Губер-Грицем, принял компромиссное решение. В тот же день Военный совет получил ответную телеграмму: «...Все люди, состоящие на службе в партизанском отряде, мобилизации не подлежат».

В воспоминаниях Лопарева радость: «На обороте этой телеграммы передавший ее Конев поставил подпись с заковыристым подчеркиком, видно, сильно ему (да и нам) пришлась по душе эта записка. Мало того, Конев повторил ее еще карандашом».

Не состоявшая в партизанах, но подлежащая мобилизации молодежь стала проситься в отряд.

— С топорами, с вилами пойдем на белых, только примите, — так, по словам Лопарева, — распинались «желающие» вдруг стать партизанами.

Рассуждать об идейных мотивах партизанского движения на Тобольском Севере после таких признаний не имеет смысла.

Вместо военных действий партизан привлекала «культурно-воспитательная работа». Она, по воспоминаниям Лопарева, заключалась «в организации общих собраний крестьян в занятых нами селах или деревнях. По своим способностям и ораторскому искусству мы расска-

зывали им о Советской власти, ее задачах и призывали примыкать к нам и помогать чем можно. Вдоволь наговорившись, заканчивали собрания под гармошку и рассказы Сашки Домнина (Скрипунов А.Г.), прибаутки Доки Дошлого (Шмонин Евдоким), уморительно сопровождавшего свои шутки движением отстреленного им по неосторожности на Белогорье пальца...»

Боевых потерь у партизан не было. К боестолкновениям с противником они не стремились. Запасы провианта на замерзших у Тундрино пароходах и баржах — неисчерпаемы. Только шли телеграммы: «Тундрино из Самарово. Шлите военным грузом и самой большой скоростью следующие продукты: 60 пудов сахара, 40 пудов консервов, 10 пудов керосину и какие у вас есть еще продукты, полезные для отряда».

Но веселая партизанская житуха закончилась — в Самарово прибыл грозный Лепехин.

Чаепитие в Самарово

Лучше самого Лопарева никто не изложил обстоятельства появления в Самарово экспедиционного отряда ВЧК.

«В Самарово, — вспоминал Платон Ильич, — я приехал из-под Кадымкар 21 или 22 декабря поздно вечером. Замерз. Не хотел идти к Лепехину первым — может и сам прийти. Чувствовал, что без крупного разговора с ним не обойдется знакомство. Ругаться с дороги не хотелось. Но пришел вестовой и передал, что Лепехин «требуется немедленно явиться». Ну, раз «требуется», а не просит, значит... будет бой за партизанщину, за ее дальнейшую самостоятельность. Пошел в дом Чукреек со всякими тяжелыми думами. Чле-

А. Петрушин. На задворках гражданской войны
нов Военсовета в Самаровском не было, исключая Бублика. Парень он мягкий, серьезно не поддержит. Брать же одному ответственность за отряд было тяжело.

Чего я опасался, то и случилось. Поднимаюсь вверх, вхожу. На столе самовар.

Пьют чай Лепехин, Доронина К., Молокова Даша. На столе масло, сахар, рыба. Покуривая козью ножку и как-то затаенно улыбаясь, стоит Мякишев В.В. По комнате ходит красивый военный (Губер-Гриц А.П.) со стаканом чая, смотрит на все не то с интересом, не то с опаской, но в улыбке больше симпатии и ожидания. В сторонке у печки стоит краснехонький Бублик, смотрит виновато, низко склонив голову. Доронина и Молокова тут уже свои люди, в их глазах и лицах: «Ну, Платон, держись!»

Лепехин резко поворачивается на стуле, секунды две внимательно рассматривает мою шапку, немудреный полушубок, валенки. Он выше среднего роста, лицо и плечи монгольского типа, короткие черные волосы, энергичное, смуглое лицо, глаза острые, упорные.

Мякишев со смущенной улыбкой бросает:

— Здорово, солдат! — очевидно, так хочет сказать Лепехину: пришел тот, кого ждали.

Лепехин начинает с броска.

— Почему не явились немедленно?

Спорить бесполезно, а сдаваться сразу не привык. Отвечаю полушутя:

— До меня такое же расстояние, как от вас до меня, а приехал сюда Лепехин последним.

Здоровуюсь, знакомлюсь, хочу этим перевести разговор к более мирному тону, но Лепехин берет «с понту».

— Весь партизанский отряд, согласно мандату Троцкого, я мобилизую и вливаю в свои части. И никаких возражений. В Карымкары я уже распорядился дать белым решительный бой и идти на север.

— Не знаю, есть ли у тебя мандат Троцкого, а вот я имею разъяснение военкома из Тобольска, что партизаны мобилизации не подлежат.

— Никаких Военных советов, никаких партизан. Полное подчинение мне, и — точка!

— Благими желаниями путь в ад вымощен. Попробуй потолкуй об этом с партизанами. Я лично не могу брать на себя ответственность за их решения и принужден пока отказаться от ваших распоряжений.

— Немедленно посажу в чижовку (клоповник такой в волостных управлениях с железными решетками, — П.Л.).

— Меня? Ну, брат, руки коротки! Да и глупость сделаешь, не расхлебаешь!

А сам думаю: ведь посадит, заполошный черт, ничего с ним не сделаешь. Наших тут никого. Надо ему насоврать. От шума и драки толку не будет, сгубим и людей и дело.

— Ладно, давай чаю: с дороги не могу наесться.

Лепехин наливает чай, и разговор переходит в более спокойный тон. Тут и Арся Никифоров пришел в своих неизменных сотрях и серой шинели (убит в 1921 г. во время восстания в юртах Лорбат). Его примиряющая пассивность, смех и шум еще больше убили меня. Разговор скоро перешел к операциям на фронтах. Я нарисовал опасную картину возможного выхода в наш тыл группы белых с вершин р. Конды по Гаринско-

му тракту и заявил о необходимости организации туда глубокой разведки. Но Лепехин тут же прямо поставил вопрос о проведении разведки мною. Опасность этой разведки мне была ясна больше чем всем присутствующим: уйти на лыжах на сотни километров в тайгу, в среду враждебного красным туземного населения, невозможность скрыть следы, явно не вернуться обратно, если там действительно белые, — такова перспектива этого рейда.

— Я согласен. Ты, Арся, едешь со мной?

— Поеду.

— Если сегодня же утром, только вдвоем через Богдашку на Васпухоль (200 км от р. Обь) и дальше на лыжах до юрт Кошатских и вершин р. Конды. Документы от имени волостного правления на агентов по заготовке продовольствия. Другие — от красных, пусть заготовит твой штаб.

Лепехин согласился с довольной улыбкой. Я эту улыбку понял: изолировать меня от партизан. Ничего, если я совсем не вернусь из разведки.

Ребята ничем не выдали волнения, шутили, смеялись, а ведь для большинства из них я был хорошим товарищем и другом. Из девок обо мне мог кое-кто беспокоиться и поглубже».

Так Лопарев стал жертвой своей же «пушки» — дезинформации, которой он хотел напугать Лепехина и задержать продвижение на север красной экспедиции. Но «брат» Мишки Япончика не поверил этим слухам и разом исключил слабого соперника из событий на главном направлении наступления, отослав его «туда, не знаю куда». Партизанское движение на Тобольском Севере закончилось 20 декабря 1919 года, не успев, по существу, и начаться.

*Приложение 1***Устав****секции бывших красногвардейцев и партизан
при Тюменском окружном истпарте
(август 1929 года)****I. Общие положения**

1) Тюменская секция имеет целью объединение бывших красногвардейцев и партизан, проживающих на территории округа, как первого классового боевого отряда пролетариата, для общественно-политической работы, защиты завоеваний Октября, всемирной поддержки революционного движения в дальнейшем пути к социализму.

2) Для осуществления указанных в п. 1 целей секция имеет право:

а) под руководством Истпарта — создание истории Красной гвардии и партизанских отрядов;

б) заслушивать и обсуждать доклады;

в) устраивать публичные лекции, чтения и диспуты;

г) печатать свои труды в партийно-советской прессе...

II. Состав секции

1) Тюменская секция состоит из членов действительных и почетных.

2) Действительными членами секции могут быть исключительно бывшие красногвардейцы и партизаны;

Примечание: красногвардейцами и партизанами считаются служившие непрерывно с октября 1917 г. по август 1918 г. в Красной гвардии и партизанских отрядах, действовавших в тылу у белых (Колчака, Деникина и т.п.), перешедших затем добровольцами в Красную армию, после демобилизации не лишенные избирательных прав и не опороченные по суду;

отряды, действовавшие при Советской власти на территории советов, партизанскими не считаются.

ГАОПОТО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 400. Л. 72 об.

Обские партизаны

Ухваткой рыси, ветви раздвигая,
Неслеженной тайгой крадется партизан...
Следом за ним по куржаку мороза
Мелькают красные банты ушанок северян.

Далекий путь... Тяжелая дорога...
Распутица преграды ставит на пути,
Не счесть ночных стоверстных переходов
От снежных гор Урала до равнин Оби.

Метровый снег тайги и рыхл и лепок,
Прорезан лыжницей упорной до земли.
Немеют плечи от ремней навесок,
Не входят ноги вспухшие в пробитые пимы.

Но путь один — вперед на Север!
Через засады, засеки, вихревые бои,
Через непреодолимые природные преграды —
Туда, где гибнут красные товарищи твои.

Тайгу, снега и банды прошибая,
В кольце врагов на тысячном пути,
Через Шаим, Супру и Лорбат
Отряд ударил по врагам Оби.

«Бросай оружие! Сдавайся!
Клонись Советам до земли!
Вяжи головку! Рассыпайся!
Иди к труду, к семье иди!»

Крепко засилье банды лиходеев:
Купцов, чинуш, шаманов и дворян...
Обдорск, Сургут, Березов и Самаров
Бросают бедняков на братьев-партизан.

Их только тридцать три — бесстрашных
и упорных,
Громивших Польшу, Перекоп и Колчака,
Но их ведет под красною звездою
Непобедимой партии железная рука.

П. Лопарев

1936 г.

г. Тобольск

Ни за кого

Содержание разговора Лепехина с командиром партизанского отряда Зыряновым 20–21 декабря 1919 года в Самарово неизвестно.

Антонин Петрович погиб в марте 1921 года в стычке с повстанцами при отступлении из Сургу́та на Нарым. Его бумаги позднее оказались у Лопарева. Как тот отметил в воспоминаниях: «...Спустя несколько лет (после 1919 г.) я случайно **раскопал** остатки документов т. Зырянова...»

По показаниям Николая Петровича Зырянова эти документы его старшего брата были изъяты 10 февраля 1937 года сотрудниками НКВД при обыске квартиры Лопарева в Тобольске.

Можно предположить, что Лепехин поручил А.П. Зырянову, назначенному им военным комендантом Сургутского уезда, розыск вывезенных белогвардейцами из Тобольска на восток ценностей. В сопровождение Зырянову был определен немец Роберт Валенто, ставший в феврале 1920 года председателем Сургутской уездной ЧК.

Зырянова-младшего Лепехин взял к себе адъютантом и сосредоточился на Березовском направлении.

Эти события Николай Петрович так изложил в воспоминаниях: «...В половине декабря 1919 года в помощь партизанам из Тобольска в Сама-

рово прибыл Отряд северной экспедиции. Им командовал Лепехин Александр Петрович, начальником штаба был капитан царской армии Губер-Гриц. Отряд насчитывал около 140 молодых бойцов-крестьян, на вооружении имел винтовки, пулеметы и некоторый запас боеприпасов. Часть партизан вместе с командирами, действовавших в направлении Березова, были полностью включены в отряд Лепехина. Партизаны на Сургутском направлении под командой Зырянова А.П. продолжили наступление на восток. Члена Военсовета Лопарева Лепехин направил в глубокую разведку в сторону Урала, остальных откомандировал в подразделения своего отряда — так Военсовет прекратил свое существование.

Вскоре красные заняли Сургут и уезд и захватили на участке между населенными пунктами Зенково и Тундрино большую военную добычу — баржи с соленой рыбой и рыбными консервами рыбопромышленника Плотникова. Отряд северной экспедиции выбил колчаковцев из деревни Карымкары. Увидев, что им противостоят не партизаны, а военные, белогвардейцы отступили на Березов, но в деревне Новой пытались оказать сопротивление.

Этот населенный пункт расположен на левом берегу реки Оби. Конный тракт с реки поднимался в деревню, пересекал ее и дальше поймой реки уходил на север. Местность открытая, ровная, без ям и бугров. Колчаковцы поливали наступавшие красные цепи ружейным и пулеметным огнем, появились убитые и раненые, создалось критическое положение. Презирая смертельную опасность, командир отряда Лепехин встал во весь рост и с криком «Ура!» по-

А. Петрушин. На задворках гражданской войны вел бойцов на врага, который, не выдержав смелости красных, очистил деревню...

По-другому описал это **единственное** боестолкновение красных и белых на Тобольском Севере непосредственный его участник Зуев.

«Наш второй взвод, — вспоминал ветеран-чекист, — был назначен для проведения операции по разгрому белогвардейцев, засевших в юртах Новеньких. Для этого нашему взводу придали два взвода партизан, а общее командование поручили политкому отряда тов. Иваненко.

Не доехав примерно 1–2 километра до юрт, бойцы высадились с подвод. Тов. Иваненко, находившийся в нашем взводе, дал команду встать на лыжи, но из этого ничего не вышло, так как почти никто из нас ходить на лыжах не умел. Пришлось оставить лыжи на подводах и идти по глубокому снегу друг за другом «цепочкой»: впереди — здоровые и высокие, за ними — низкорослые.

Шли мы лесом (запомнились березы). Вдруг раздался со стороны юрт выстрел, потом второй, третий... следом пулеметная очередь. Тов. Иваненко приказал рассредоточиться по фронту, но сделать это по снегу было трудно, а бежать — невозможно. Будучи в возбужденном состоянии, я не заметил, как оказался на дне оврага, и обнаружил, что из подсумка высыпались патроны. Собрать их все мне не удалось, так как несколько провалились глубоко в снег. Из лога на противоположную сторону нас выбралось человек шесть, в том числе и тов. Иваненко.

Мы находились на окраине юрт, а из оград и из-за домов вспыхивали в предрассветной темноте огоньки — белые стреляли в нашу сторону.

Тов. Иваненко поднялся на ноги, взял свой карабин на плечо и побежал впереди нас по улице, крича: «Товарищи, за мной! Ура!» Мы устремились за ним. Тов. Иваненко выбежал на бугор и сразу упал. Я не понял, в чем дело, и тоже упал, думая, что так и нужно. Но, услышав стон, понял, что он ранен. Я ничем не мог ему помочь, а в голове неотступно вертелась одна мысль — больше огня. Мне представлялось, что если белые узнают, что нас в юртах мало, то вернутся и всех нас перебьют. Поэтому я стрелял в темноту, не целясь, а когда кончились патроны, то подполз к Иваненко, взял его карабин и продолжил стрельбу. Потом подоспело подкрепление. Белые отступили.

Я бегал по дворам, искал лошадь, чтобы увезти раненого политкома. Его поместили в наш временный госпиталь в М. Атлыме. Кроме него там лечились пять красноармейцев с обмороженными ногами. Убитых в этом бою не было. Карабин тов. Иваненко остался у меня, с ним я уехал на польский фронт.

В юртах Новеньких наш взвод находился несколько часов, а потом выехал в погоню за белыми. Кондинское они оставили без боя. Наш путь лежал на Березов. Тогда у нас случился печальный случай. Первому и второму взводам было приказано окружить белых в одной деревне (название не помню) и уничтожить. Наш взвод, оставив подводы, тихо подошел к окраине деревни и залег. Мы заметили, что на противоположной стороне между деревьями перебегают вооруженные люди. Предположили, что это белые. От них в нашу сторону последовал выстрел — завязалась перестрелка.

Вскоре, когда стало светлее, мы узнали в стрелявших в нас латышей из первого взвода. Стали кричать друг другу и выяснили, что они тоже приняли нас за белых. Но по ошибке один латыш из первого взвода был убит, его похоронили в Березове. Командир отряда тов. Лепехин расстроился этим случаем и отстранил командира первого взвода от должности...»

Но в исторических исследованиях 50–60-х годов отход колчаковцев к Березово представлен как цепь полных драматизма кровопролитных сражений. Не все воспринимали такую трактовку событий. Тот же Зуев не согласился с утверждениями И.А. Иванова в книге «Борьба за установление Советской власти на Обском Севере», изданной в Ханты-Мансийске в 1957 году. Иванов так описал бой за юрты Новенькие: «Белогвардейцы в яру из окопов почти в упор вели пулеметный и ружейный огонь. Несмотря на пасмурную ночь, один за другим падали красные бойцы, цепь залегла. Иваненко, не изменяя своего плана, подал команду готовиться к атаке, но в этот момент его голос оборвался, разрывная пуля выше голени раздробила ему ногу. Правее его стонал красноармеец».

Автор книги ссылаясь на воспоминания партизана Скрипунова, в отношении которых Зуев возразил: «В бою за юрты Новенькие я был все время рядом с тов. Иваненко, который командовал нашим вторым взводом. Я утверждаю: ни один из красноармейцев не погиб. Ранен был только политком тов. Иваненко. Человек пять отморозили ноги и лечились вместе с ним в М. Атлыме. Никаких окопов ни у белых, ни у нас не было...»

Но эти и другие замечания не воспринимались. История гражданской войны на задворках Отечества излагалась по одному идеологическому трафарету без учета местных особенностей.

Тогда, в октябре—декабре 1919 года, сибирская специфика российской смуты заключалась, по словам командующего 1-й Сибирской армией генерал-лейтенанта Пепеляева в том, что «...жажда как-то скорее окончить войну овладела всеми, началось повальное дезертирство...»

Обе армии — красная и белая — состояли в основном из мобилизованных крестьян, которые иногда по несколько раз переходили из одного войска в другое. По сведениям академика Полякова с февраля по декабрь 1919 года из Красной армии дезертировали миллион семьсот тысяч человек. У белых дезертиров было не меньше.

В Сибири мало кто хотел воевать. Этот богатый край с его незлобивым работающим населением мог при толковых правителях избежать братоубийственной войны.

Когда чехословаки свергли советскую власть в Сибири, в Томске 23 июня 1918 года было создано Временное сибирское правительство. Некоторые историки считают его самым законным из всех правительств, которые после осени 1917 года возникли на обломках Российской империи.

Позднее в Омске это правительство, намеревавшееся восстановить Учредительное собрание, возглавил правый эсер Николай Дмитриевич Авксентьев. Он был министром внутренних дел в правительстве Керенского, а при царизме отбывал ссылку в Березове вместе с Троцким.

Но Авксентьев не нравился военным, выскочившим из капитанов в генералы. В поисках

популярной фигуры офицерство обратилось к адмиралу Александру Васильевичу Колчаку.

Колчак с отличием окончил морской кадетский корпус, много лет провел в полярных экспедициях. Во время Русско-японской войны 1904–1905 годов участвовал в обороне Порт-Артура, командовал миноносцем.

После трагической гибели русского флота в войне с Японией капитан 2-го ранга Колчак предложил создать морской генеральный штаб, в который был зачислен для реализации правительственной программы военного кораблестроения.

Во время Первой мировой войны он командовал минной дивизией на Балтике. За высадку десанта в немецком тылу получил орден св. Георгия IV степени; в июле 1916 года его назначили командующим Черноморским флотом.

В июле 1917 года Колчака во главе военноморской миссии отправили в США. После Октябрьской революции он попросил англичан взять его на службу, чтобы продолжить войну с немцами. Но англичане предложили ему вернуться в Россию, чтобы бороться с большевиками — так он оказался в Омске и стал во Временном сибирском правительстве военным и морским министром. В этой должности пробыл меньше двух недель: 18 ноября 1918 года новоиспеченные генералы свергли Авксентьева и предложили Колчаку стать единоличным диктатором.

Он не отказался и объявил себя Верховным правителем России, хотя совершенно не был готов к этой роли.

Военный переворот в Омске настроил против него эсеров, которые призывали солдат «прекратить гражданскую войну с Советской влас-

тью и обратить оружие против диктатуры Колчака». А за эсеров на выборах в Учредительное собрание проголосовало почти девяносто процентов избирателей.

Решительное и жесткое изгнание из общественного сознания идеологии и символики белой автономии Сибири и самостоятельности местного самоуправления, реквизиция продовольствия и насильственная мобилизация в армию постепенно превратили настроенную против большевиков сибирскую интеллигенцию и основную массу крестьян во врагов Колчака.

Первое время Колчак одерживал победы. У него в руках оказался вывезенный из столицы золотой запас России, из которого он оплачивал военные поставки не только для своих войск, но и для армий Деникина, Миллера, Юденича, которые формально признали его верховенство.

Но сибиряки воевать не хотели, им, по донесениям колчаковской контрразведки, «...угодна любая власть, лишь бы их не трогали, не запрещали свободную торговлю и не взымали высокие проценты за всякие сделки по покупке и продаже...» Насилие привело к народным восстаниям.

Колчак назначил главой своего правительства Виктора Николаевича Пепеляева, правого кадета, который пытался сговориться с эсерами и меньшевиками для создания единого антибольшевистского блока.

С этой целью Пепеляев, по сообщению газеты «Вестник Тобольской губернии», побывал 7 августа 1919 года в Тобольске. «В управлении губернии господин премьер-министр провел совещание, на котором кроме представителей местной администрации присутствовали делегаты

местного городского и земского самоуправления. Высокий гость посетил городской музей, осмотрел памятник Ермаку и ночью 8 августа отбыл в Омск (а красные войска в то время уже входили в Тюмень, — А.П.)

Потерявший поддержку сибиряков, Колчак сложил 4 января 1920 года с себя полномочия и подписал указ об утверждении генерала Деникина «Верховным правителем Российского государства», а всю полноту власти на восточных задворках гражданской войны передал генерал-лейтенанту Григорию Михайловичу Семенову, атаману Забайкальского и Сибирского казачьих войск.

Отставка Колчака совпала с оставлением белыми Березова.

Дела давно минувших дней

В истории гражданской войны на Тобольском Севере главным злодеем был объявлен некий Турков. В своих воспоминаниях Лопарев назвал его «сыном тобольского купца, палачом, начальником карательного отряда, совершившего в декабре 1918 года поход из Тобольска в Саранпауль и разгромившего там красный гарнизон».

Лопарев и поверившие ему историки, включая осторожного в оценках прошлых событий югорского писателя Николая Коняева, считали, что Турков был в марте 1920 года расстрелян Тюменской губчека.

Ошибочные или сознательные утверждения о злодействах местных белогвардейцев необъективны: сохранившиеся в архиве Регионального управления ФСБ по Тюменской области пока-

зания Туркова, Витвинова, Булатникова и Кислицкого дают возможность по-другому представить этих людей и показать их роль в бескровном завершении драматических событий начала 1920 года в Березовском уезде.

Тогда Александру Михайловичу Туркову уроженцу купеческой семьи из Тобольска, окончившему там высшее начальное училище, женатому и имевшему ребенка, исполнилось двадцать два года.

На допросе 15 января 1920 года он показал: «При Временном сибирском правительстве я служил в Тюмени в 18-м Сибирском степном кадровом полку по мобилизации до декабря 1918 года. Потом в Тюмени сформировали Северный отряд, в который меня зачислили младшим офицером. С этим отрядом я отправился в с. Саранпауль-Ляпино Березовского уезда. Потом находился на отдыхе в Березове, откуда командировался в Тобольск для закупки продовольствия Северному отряду, получил по болезни двухмесячный отпуск и временно находился в Тобольске. После открытия навигации комендант Тобольска штабс-капитан Киселев отправил меня обратно в Саранпауль, но отряд к тому времени выбыл в Тобольск, поэтому я был назначен комендантом г. Березова. В этой должности находился до 10 декабря 1919 года, после чего отбыл в с. Кондинское по приказанию начальника Березовского гарнизона поручика Витвинова. Столкновений у меня с красными войсками за последние месяцы не было ни разу.

Так как связь с Колчаком прервалась еще в октябре 1919 года, мы находились в подчинении Северного архангельского правительства.

Моим непосредственным начальником был прапорщик Витвинов.

В расстреле 57 красноармейцев в с. Покровском я не участвовал, находился тогда в Тюмени. Слышал, что этот расстрел совершил карательный отряд с офицерами Лушниковым и Муромцевым. Лушников командовал потом Северным отрядом, в котором я был его помощником. За все время военной службы я никого не расстреливал и ни разу не присутствовал при расстрелах. Пороть крестьян за неповиновение приходилось по приказанию поручика Лушникова».

Допрошенный 26 февраля 1920 года 28-летний Семен Георгиевич Витвинов, уроженец Дымковской волости Туринского уезда Тобольской губернии, из крестьян, окончивший четырехклассное городское училище, женатый, воспитывающий двоих детей, показал: «В белую армию мобилизован и назначен 18 июня 1918 года комендантом с. Самаровского, потом переведен в 6-й Сибирский кадровый полк младшим офицером 15-й роты. С Северным отрядом был откомандирован в г. Березов для несения караульной службы, где и находился до 28 декабря 1919 года. Так как других воинских частей в Березове не было, то я являлся начальником гарнизона, ответственным за государственный порядок и общественное спокойствие. Ни одного приказа о расстрелах и порках я не давал.

21 октября была прервана связь с Тобольском. Тогда же получены сведения, что между Тобольском и Березовом появился отряд грабителей. Население нуждалось в моей помощи и защите. Под лозунгом борьбы с бандитами начались военные действия. После нескольких стычек разведок ста-

до выясниться, что в Березовском уезде, который уже подчинялся Северному архангельскому правительству, появились регулярные красные войска. После боя в юртах Новеньких, где моему отряду пришлось иметь дело с красным отрядом в 200 человек, я отдал распоряжение об отходе на Сартынью, очистив дорогу на Березов.

В Сартынье я и мой отряд были подчинены архангельскому правительству. Тогда же все силы были оттянуты в Саранпауль, где и находились по 27 января. Архангельские офицеры исполняли свои обязанности в Березовском уезде со 2 декабря, но официально они возглавили командование объединенными отрядами 29 декабря.

При отступлении из Березова мне было приказано сжечь хранившийся там хлеб — более трехсот тысяч пудов, но я это приказание не выполнил, за что по законам военного времени мог быть расстрелян.

25 января в Саранпауль прибыла делегация от городской думы Березова и отряда Красной армии, которая просила, чтобы я и мой отряд добровольно сдались. Нам всем гарантировалась при этом безопасность. Я считал, что мне лично ничто не угрожает и хотел сдаться, но не я уже командовал Саранпаулем, а печорские офицеры, и с ними 50 солдат-добровольцев, которые и не думали сдаваться красным без боя.

Мой отряд состоял из 130 человек, большей частью малоопытных и ненадежных. А Саранпауль был хорошо укреплен и войска сильно вооружены: до 20 пулеметов, 400 гранат. При наличии кольцевых окопов и проволочных заграждений мы могли бы успешно и долго держаться, но воевать с регулярными войсками не хотелось.

27 января после обработки солдат своего отряда печорский отряд был нами разоружен и отправлен в Щугор. К командиру красных частей мы послали свою делегацию и сложили оружие. Своим отрядом я командовал еще 13 дней. По просьбе населения командир красного отряда Лепехин назначил меня военным комендантом Березовского уезда. Ни одной жалобы на меня ему не поступило.

Прошу учесть, что я сдался не потому, что выхода не было, а по убеждению закончить войну. Путь отступления на Печору был открыт. В Щугоре находилась моя семья в заложниках. Я рисковал жизнью родных, делая восстание. Семья была возвращена в Саранпауль только в обмен на печорских офицеров.

Мною сданы красным хорошо укрепленные позиции, а также сильное вооружение: 11 пулеметов, 200 винтовок, 70 тысяч патронов, 150 верст телефонного кабеля, 10 телефонных и 2 телеграфных аппаратов...»

Показания Витвинова подтвердило сообщение газеты «Известия (Тобольского ВРК и Тобольской организации РКП(б))» от 8 февраля 1920 года: «Северным отрядом т. Лепехина 31 января занят Саранпауль; белогвардейский отряд сдался; пленных 3 офицера, 130 солдат, 11 пулеметов, 200 винтовок, 60 тыс. патронов».

Кроме Туркова и Витвинова, в Березовском уезде был еще один офицер: 25-летний прапорщик Анатолий Васильевич Булатников, уроженец Дубровной волости Ялуторовского уезда Тобольской губернии, вдовец, учитель земского начального училища Тобольского уезда (в деревнях Экстезерск и Супринск), которого поручик

Витвинов мобилизовал «временно для защиты жителей Березовского уезда от появляющихся в пределах его банд».

Булатников, как учитель, на основании циркуляра Главного штаба Верховного главнокомандующего от 9 марта 1919 года не подлежал мобилизации, и его приглашение на военную службу (он мог отказаться) должно было, по мнению Витвинова, убедить население уезда в способности местного самоуправления сохранить общественный порядок.

В своих показаниях Булатников отметил: «...В июле 1919 года я из Тобольска приехал к отцу в Малый Атлым. В ноябре меня как бывшего офицера мобилизовали временно для борьбы с грабителями и мелкими отрядами дезертиров. С отрядом в 11 человек я прибыл в Кондинск. Наш отряд имел два столкновения с красными с убылью у нас в 4 раненых. Подпоручик Турков прибыл мне на помощь с отрядом в 11 человек и принял командование от меня. С нами в Кондинске находились печорские пулеметчики, а их пехота осталась в Саранпауле-Ляпине. Связи с войсками Колчака у нас не было, и мы перешли в подчинение Северного архангельского правительства. Над населением я не глумился и никого не обижал. Расстрелов не чинил, и в моем присутствии никого не расстреливали. Был случай, когда выделившаяся из моего отряда группа под предводительством Якова Канева расстреляла двух крестьян без моего разрешения недалеко от Карымкар, приняв их за партизанских разведчиков. Отдавать приказания о порке приходилось. В с. Малом Атлыме по приказу Витвинова одной крестьянке за распространение па-

нических слухов дали 25 розог. В с. Кондинском тоже 25 розог дали крестьянину, кажется, Уткину за разведку в пользу партизан.

Я сдался Советской власти добровольно, причем был заключен договор о переходе всего гарнизона на сторону красных».

Как настоящий учитель, Булатников вел дневник, в котором отразил подробности этого события.

«...В командование Сартыннинским боевым участком 01 января н. ст. 1920 года вступил печорский офицер поручик Озадский. Начальником 1-го поста назначен прапорщик Булатников, начальником 2-го поста — штабс-капитан Рацевич. Поручик Витвинов — при штабе, подпоручик Турков временно отправился в Усть-Щугор.

В с. Сартынском отряд оставался 3–4 суток, а потом из-за неудобной позиции отступил до Саранпауля (Ляпина), отстоящего от Березова в 500 верстах. Здесь провели переформирование постов и пулеметных команд. Начальником Ляпинского боевого участка и комендантом села Ляпино остался поручик Озадский. Все более важные командные должности заняли прибывающие из-за Урала печорские офицеры. В случае сильного давления красных нам приказано отступить в Щугор. Нам рассказывают об успехах белых в России следующее: Деникин стоит под Москвой, а Юденич взял Петроград. В газетах, привезенных из-за Урала, также сообщения об успехах белых на всех фронтах и о жутких зверствах красных.

В Ляпино приехал английский военный инженер Сакс с саперами и приступил к устройству оборонительных позиций: сделаны окопы из снега, навоза и песка, все залито водой и

заморожено; с южной стороны вырублен лес, окружавший деревню.

С северной стороны протекает река Ляпин, западная и восточная стороны — равнины открытые. На высотах сооружены опорные пункты — «редуты» с земляными окопами и блиндажами. В строительных работах участвуют не только саперы и наши солдаты, но и местное население, не исключая женщин. Все они еще не забыли зверства красных в 1918 году и боятся их прихода.

Из Щугора привезли колючую проволоку для устройства проволочных заграждений. Молодежь, мобилизованная в Березове, вооружена винтовками. Всем раздали английские стальные каски. Отряд насчитывает 200 штыков при 11 пулеметах, гранатах и до 60 тысяч патронов. Есть лазарет с инструментами и медикаментами. Телеграфная и телефонная станция связала нас с Щугором, отстоящим от Ляпина в 150—160 верстах. В селе подготовлено до 14 тысяч пудов зерна и хлеба к вывозу за Урал. Ляпино представляет собой настоящую крепость.

В 20-х числах января начальником Ляпинского боевого участка назначен приехавший из Щугора штабс-капитан Хрисанфов. Спустя несколько дней после его приезда прибыли из Березова от городской управы делегаты для проведения мирных переговоров.

По распоряжению Хрисанфова делегатов доставили в село с завязанными глазами. О чем говорили они с Хрисанфовым, мы не знали. У дверей штаба выставлены часовые. Вход в штаб запрещен всем, кроме нескольких приближенных к начальнику офицеров, а именно: Рацевича, Дроботова и Витвинова.

Но Турков узнал от ямщика-инородца, привезшего делегацию, что в ее составе находится его тесть. Туркову удалось с большим трудом выпросить у Хрисанфова свидание со своим тестем, но в присутствии самого Хрисанфова. Когда делегатов увозили с завязанными глазами обратно, Туркову удалось в темноте вскочить в сани, в которых ехал тесть. От него он узнал, что Березовская городская управа обратилась к нашему отряду с «воззванием» не проливать напрасно кровь и принять мирное предложение советского отряда, командир которого гарантировал всем нам полную безопасность и свободу.

Тесть Туркова сказал, что это твердая советская власть, в отличие от дезертиров-партизан бойцы советского отряда никого не грабят и не расстреливают. Эти сведения Турков передал нам; их потом подтвердил и Витвинов.

Мы развернули агитацию среди технического персонала гарнизона, а тот пропагандировал солдат. 25 января 1920 года был выработан план восстания. Его руководителем выбрали Туркова. Витвинову и мне, Булатникову, Турков поручил под каким-нибудь предлогом собрать вместе печорских офицеров, дабы те не воспротивились восстанию. Начальнику милиции Кислицкому с командой милиционеров нужно обезоружить пулеметную команду 2-й роты, где Турков с техническим персоналом обезоружит находящихся там печорских солдат.

26 января в 5 часов вечера началось восстание. План удался. После обезоруживания пулеметной команды и солдат 2-й и 1-й рот Турков оцепил помещение для печорских офицеров и объявил им, что они арестованы (с ними оказался и Витвинов,

который отвлекал их разговорами). Арест Витвинова был сделан специально по его просьбе, так как его семья, эвакуированная в Щугор, находилась в руках печорцев. После ареста офицеров Турков с верными ему солдатами из 1-й роты захватил остальные 9 пулеметов, размещенных на разных высотах. Начались его переговоры с ротмистром Бунаковым из Щугора. Договорились об обмене арестованными офицерами и солдатами на семьи Витвинова и других граждан Березова. Семьи возвратились в Саранпауль, а офицеры и солдаты уехали в Щугор. При отъезде печорские солдаты заявили нам, что в своих родных местах устроят такой же переворот. Кое-кто из них и доктор-хирург Солчев добровольно остались в Саранпауле.

Тотчас составили протокол, выбрали делегатов и отправили их в с. Сартынью для переговоров с начальником красного отряда Лепехиным. Скоро к нам с мандатом Лепехина приехали начальник штаба отряда Губер-Гриц, полуротный 2-й роты Филатов и начальник пулеметной команды Ушаков. Был составлен мирный договор, который гарантировал полную безопасность и свободу офицеров и солдат березовского отряда. По приезде в Саранпауль Лепехин на митинге в присутствии Губер-Грица перед всем отрядом заверил нас в точном исполнении договора».

Еще один участник этих событий — 36-летний начальник Березовской уездной милиции Николай Николаевич Кислицкий показал: «...Не имея сведений с октября 1919 года, что делается вообще на русской земле, в связи с оторванностью Березова от Тобольска, мы получали некоторое время зашифрованные телеграммы из

Сургута. С появлением грабителей в Малом Атлыме и других местах для их ликвидации был выслан отряд, которым командовали прапорщик Булатников и подпоручик Турков.

В декабре в Березов приехали представители архангельского правительства с пулеметными командами. Они также не освещали истинного положения дел, а в газетах сообщалось об успехах белых на всех фронтах. После эвакуации в Саранпауль туда прибыла делегация Березовской городской управы с предложением о проведении мирных переговоров с красным отрядом. Но мы не знали об этом предложении, так как начальник Ляпинского боевого участка штабс-капитан Хрисанфов выпроводил делегатов из села и изорвал письменные воззвания городской управы и командира красного отряда Лепехина.

Благодаря счастливой случайности в составе этой делегации находился тесть подпоручика Туркова — Кушников Николай Тихонович. Он рассказал о действительном положении на фронте и разгроме войск Колчака, а также отметил надежность **новой Советской власти, отличной от той, которая была в 1918 году.** Турков рассказы своего тестя пересказал нам: мне, Булатникову и Витвинову. Мы решили совершить переворот и сдать красным без боя. Руководителем восстания выбрали Туркова. По его указанию я с милиционерами обезоружили сначала команду пулеметчиков, затем остальных солдат. Печорских офицеров арестовали и обменяли на наши семьи, находившиеся в Щугоре. После переворота прошли мирные переговоры с начальником штаба красного отряда Губер-Грицем, который по приказу Лепехина гарантировал всем нам безопасность и свободу...

В милиции я служил с 1917 года, был выбран и откомандирован 7-й ротой 35-го Сибирского стрелкового полка. Потом оставался на этой службе из желания избежать мобилизации в армию Колчака...»

В архиве ФСБ сохранились официальные документы мирных переговоров красных и белых.

Протокол «собрания солдат и офицеров Березовской команды, происшедшего по случаю изгнания из Ляпина Архангельского отряда в ночь с 27 на 28 января 1920 года (нов. ст.)

Председателем собрания избран единогласно Николай Кудрин.

Слушали: Об отправке делегации к отряду советских войск по тракту Сартынья—Ляпин. О деятельности подпоручика Туркова в момент восстания. Предоставление безопасности офицерам — поручику Витвинову и прапорщику Булатникову. О чинах уездной милиции.

Постановили: Немедленно отправить солдат Кудрина Николая, Михельсона Роберта и Бешкильцева Михаила. Считать, что подпоручик Турков решительными действиями с опасностью для жизни помог ликвидировать все кровопролитие. Ходатайствуем перед властями Советской России о свободе и полной безопасности поручика Туркова, считая последние его действия более важными, чем все его прошлое. Памятуя хорошее отношение Витвинова и Булатникова к подчиненным и их деятельность в восстании, просим обеспечить им полную неприкосновенность. Выразить благодарность за энергичную поддержку при восстании и просить за их свободу и безопасность перед Советским правительством.

Подлинный протокол подписали: председатель собрания и весь наличный состав офицеров и солдат Березовского отряда».

К оценке действий Туркова присоединились «общественники дер. Саранпауль Сосьвино-Ляпинской волости земской управы Березовского уезда: ...офицеру Туркову за обезоружение печорского отряда без кровопролития приносим единогласно благодарность».

Встреча командного состава Березовского гарнизона с начальником штаба Отряда северной экспедиции Губер-Грицем завершилась подписанием еще одного протокола.

«Обсуждали: Гарантирование полной безопасности всему составу Березовского гарнизона и милиции. Сдачу Березовским гарнизоном оружия и имущества...

Постановили: Всем гарантируется полная безопасность. Гарнизон сдает оружие и все имущество советским войскам и следует в Березов, где ожидает дальнейших распоряжений. Имеющиеся в гарнизоне **ценности и документы** сдать лично Лепехину...»

Так красным достался считающийся до настоящего времени пропавшим так называемый Березовский архив — переписка Троцкого и Авксентьева во время их ссылки, арестантские дела и другие редкие бумаги.

В акте от 27 мая 1920 года о проверке материальной и продуктовой отчетности Отряда северной экспедиции тов. Лепехина отмечено: «...в денежном ящике отряда обнаружены золотые и серебряные вещи, нигде не записанные, опечатанный большой сверток со звонкой монетой, 13 дел о бывших ссыльнопосе-

ленцах и иные бумаги, представляющие историческую ценность».

Думаю, что Лепехин передал эти материалы, по всей видимости, компрометирующего характера, председателю Реввоенсовета Советской Республики Троцкому. Из рук в руки. Заслужив тем самым его особое расположение. За операцию по освобождению от белогвардейцев Тобольского Севера Лепехин был награжден РВСР почетным революционным оружием — шашкой с вызолоченным эфесом и наложенным на него орденом Красного Знамени (этим особым видом награды были отмечены за гражданскую войну всего двадцать военачальников, почти всех их расстреляли в 30-е годы по вымышленным обвинениям как «врагов народа»).

Командир Отряда северной экспедиции Лепехин понимал: штурм хорошо укрепленных позиций белых в Саранпауле мог обернуться для красных катастрофой. Если бы не помощь восставших офицеров Туркова, Витвинова, Булатникова и начальника местной милиции Кислицкого.

Поэтому Лепехин 31 января 1920 года отправил с ними письмо Тюменскому губвоенкомму: «При этом препровождаю сдавшихся без боя офицеров Булатникова Анатолия, Туркова Александра и начмилиции Березовского отряда с Печорским, и последний был обезоружен. Деятельное участие со стороны Березовского отряда проявил при перевороте офицер Турков, что ставится всем Березовским отрядом ему в заслугу. Комсевотряда Лепехин. Начштаба Губер-Гриц».

Однако в истории края заслуга по освобождению Саранпауля от белых приписывалась... тому же Лопареву.

В нужное время и в нужном месте

В книге Гамбарова указано: «...сильно укрепленный пункт белых почти у самого подножья Урала, в Саранпауле, благодаря искусно примененному Лопаревым маневру был занят очень быстро, ценой малой крови и жертв. Здесь были разбиты и пленены крупные силы врага и взяты большие военные трофеи...»

Возражения, пожалуй, единственного здравствовавшего в 1958 году свидетеля тех событий Зуева о том, что «...тов. Гамбаров извратил исторические факты, приписав операцию по разгрому белых в Саранпауле тов. Лопареву... ни крови, ни жертв не было — белые сдались без боя...», не воспринимались.

Но Гамбарова можно понять: он использовал воспоминания самого Лопарева. Если этим воспоминаниям верить, то Лопарев присоединился к Отряду северной экспедиции в Березове, то есть в январе 1920 года. А с 21 декабря 1919 года находился в «глубокой разведке», проверял самим же придуманные для устрашения Лепехина сведения о появлении в верховьях Конды неизвестного вооруженного отряда.

«До Васпухолья мы с Никифоровым добрались без особых затруднений. Здесь в ожидании сборов проводника пристреляли оружие: я — наган, Арся — браунинг. У меня несколько лучше, прицел быстрее. Взяли проводника Лернова с двумя лошадьми, пошли напрямиком по тайге и буреломам к юртам Кошатским на юго-запад. По дороге пустили пару пуль в «святое дерево», громадный остаток кедра, разбитого грозой. Мерно потягивая лыжи, Арся на губах исполнял остяцкие мелодии. Ученик Московс-

кой филармонии, он быстро схватывал туземную музыку. Жаль беднягу: не удалось ему переложить ее на ноты. Особенное впечатление производил на меня марш остяков «Богу войны». От жуткого перелива тонов, их жесткости и дикости волосы становились дыбом.

К вечеру 25 декабря мы добрались до юрт Кошатских. Со стороны Конды Кошаты — самый отдаленный населенный пункт в 5—7 хибарок-избушек. Осмотрели пистолеты, переложили неудобные гранаты, пощупали зашитые в ушки сапог документы. Лошадей оставили далеко позади: выдадут ржанием. На улице ни души. Мороз скрипит и ходко подбирает дорожный пот. Ноги и тело просят тепла, пищи и отдыха. Послали в разведку проводника:

— Об нас ни гу-гу!

Нет его 10 минут... 15, 20... Нервы напряжены. Наконец он выходит из избушки и, не глядя на нас, идет в другую... возвратился через час.

— Вчера здесь был отряд из 25 человек. Кто они: красные или белые — неизвестно, остяки понять не смогли. Уехали обратно на Конду.

Прячем оружие под одежду и идем в избушку. Там — удивление, настороженность. Грязнушая детвора с большими животишками, босые, в одних рубашонках, испуганно таращатся из углов на покрытых куржаком незнакомцев. За чаем разговор о житье-бытье. Сказали, что мы агенты по продовольствию, что посланы проверить, как живет народ: хлеба в Конду не удалось завезти.

— Второй год нету хлеба. Все рыба да рыба. Старики еще ничего, а у молодых брюхо пухнет... Мяса нет, ружья все отобрали, чем зверя добудешь?

Обещаем запросить хлеб. Настроение улучшается, говорят свободнее, но по интересующему нас вопросу ничего толком сказать не могут. Ну, завтра дальше, в урман, к черту на рога. А сегодня спать и спать. Проводника отпускаем. Разогреть чай, снова надеваем полушубки и тулупы и валимся на одинарный, дующий всеми щелями пол избушки. Ночь прошла спокойно. Утром, наварив рыбы и пошвырвав чайку из «чаги» (нарост березы), наняли двух лошадей и двинулись по следам ушедшего отряда. Но ни в следующей, ни в других деревнях мы не могли выяснить, какой отряд прошел на Конду: красные или белые. Прошли за ним 100 километров, затем еще 100, а отряд так и остался «инкогнито». Узнали только, что отряд — малочисленный, вооружен трехлинейками, много патронов, без наганов. Так, уклоняясь от встречи с этим отрядом, мы исколесили весь его тыл и добрались до юрт Сатыжинских. Здесь узнали, что таинственный отряд ушел на Леуши. Намерения у него, очевидно, выйти Кондой на Иртыш у с. Демьянского.

Если это белые, то в 750 километрах в тылу у нашей Березовской группы и в 250 километрах от Самарово они могли наделать нам немало хлопот, порвав единственную телеграфную линию с Тобольском. Что делать? Как раскрыть тайну неизвестного отряда в глухой Кондинской тайге? Поскольку сведения от населения не давали ничего положительного, решили сами попасть в этот отряд. Проехали еще сутки, и, не доезжая с. Леуши (400 км от Иртыша), вечером нас остановили:

- Стой! Кто идет?
- Свои, свои!
- Пропуск?

— Ну мало ли их изменилось за эти дни. Веди в штаб, там разберемся.

Привели. За столом, освещенным керосиновой лампой, склонилось трое немолодых людей. Холеных рук нет, пальцы коричневые от махры — нам стало внутри полегче. Начались перекрестные вопросы. Прошел целый час. Чем бы это кончилось, не знаю, но помогла случайность. Вбегает связист с передового караула:

— Товарищ командир, продукты привезли с Гарей...

Сердитый взгляд из-за стола опоздал: караульный крикнул так искренне, из нутра, что пропали всякие сомнения. Засмеявшись, мы полезли в сапоги и достали наши настоящие документы.

Жамканье рук и расспросы без конца сменил чай с белыми кренделями. Оказалось, что отряд около 100 штыков вышел из Верхотурья и с Гарей и двигался на Иртыш выяснить обстановку, а затем на обратном пути организовать Советскую власть и подчинить **кого надо**.

Довольнешенькие неожиданно благоприятным исходом операции, мы в ту же ночь выехали из Леушей и через полторы суток были в Демьянске. Отсюда дали немедленно телеграммы в Березово и Тобольск. Отсыпались двое суток, потом в Самарово, а затем в Березово».

Лопарев, указав маршрут своего разведывательного похода, совершенно не отразил реакцию Лепехина на появление в его тылу вооруженного отряда, пускай и красного. Никаких подробностей. Причина такого молчания: этого отряда не существовало вовсе, а Лепехин знал, что других красных частей, кроме его чекистского спецназа, на Тобольском Севере и за Ура-

лом не было. Он разгадал «пушку» — дезинформацию Лопарева, но уклонился от конфликта, не желая портить отношения с партизанами.

Об этом в воспоминаниях Лопарева, написанных им, когда в живых не осталось ни одного свидетеля его «глубокой разведки», несколько строчек: «...Мое появление вызвало оживление в отряде:

— Эй, братва, Платон нашелся.

— Я говорил, не пропадет, — сказал Лепехин.

— Эк куда его черт унес. Чуть не за тысячу километров убрался, бродяга, — говорили в штабе. Им, жителям России, наши расстояния казались дикими сказками. Не полюбили они их и до окончания операций. С нашими условиями нужно сжиться, с ними нужно вырасти. Да и северяне не любят новичков и коротких пришельцев».

Лопареву не нужно было забираться в таежную глухомань и проверять придуманное самим же сообщение о неизвестном вооруженном отряде. Достаточно было отсидеться где-нибудь в тепле. А разведывательный маршрут и всевозможные опасности заготовителю потребкооперации нетрудно и придумать. Сам признал: «...Меня среднее и нижнее течение Конды знало в лицо очень хорошо...»

По-своему Лопарев изложил события в Саранпауле: «Там Лепехин с отрядом в 200 человек при двух пулеметах наткнулся на сильный отряд Чайковского и отступившие сюда части Туркова и Лушниковы с 21—22 пулеметами в гнездах, гранатометателями и целой стеной проволочных заграждений, вынесенных за километр

впереди вырубленного начисто леса. Не мудрено, что Лепехин отскочил от Саранпауля как ошпаренный и в Березов пригнал туча тучей.

Я как раз вылез из саней и пришел в штаб. Лепехин поздоровался и рассказал обстановку. В самом деле, положение незавидное, выбить белых можно было только пушкой. А где ее взять и как доставить за 1800 километров от железной дороги. Настроение у всех подавленное. Без партизанской «пушки» белых не возьмешь. А какую «пушку» тут придумаешь? Греюсь, а в голове разные варианты «пушек», один другого несостоятельнее.

Лепехин все ходит по кабинету, то поправит маузер, то сердито бросает крепкие словечки по адресу засевшей в Саранпауле белой сволочи.

— Тебя я прикомандирую при штабе для особых поручений.

— Ладно, — думаю, — это он делает мостик для официального представительства партизан при штабе. Но сейчас не в этом дело, загвоздка в Саранпауле.

— Александр Петрович, стой, ход нашел!

— Ну?

— У белых много учителей мобилизованных. Есть немало и других невредных ребят. Многим из них не хочется быть с белыми, особенно при настоящей обстановке. Надо белых взорвать изнутри, а главарям, если сдадутся со всем оружием, пообещать жизнь.

— Ну?

— Нужно сейчас же собрать хотя бы трех самых именитых купцов Березова, семьи их взять заложниками, а купцов послать в Саранпауль с предложением о сдаче. Конечно, белые не сда-

дутся, и посылка парламентаров только предлог. У купцов там очень много знакомых. Вот и нужно так сделать, чтобы купцы миновали все посты и заставы и въехали сразу в село. Их, безусловно, сначала окружают солдаты, и до тех пор, пока не потащат в штаб, они должны рассовать письма в надежные руки... Писем я напишу немало, ребята примут в этом участие, а потом заставим написать письма родных и знакомых, пропустив предварительно через нашу цензуру. Купцам накажем, что, если они не выполнят нашего наказа, в точку расшлепаем и жен, и всю челядь. От себя же пиши наше официальное предложение о сдаче, укажи гарантии и общее положение фронтов.

Лепехин с моими предложениями согласился сразу, да и выхода другого не было. Он в тот же день провернул подготовку и ночью послал насмерть перепуганных купцов в Саранпауль, снабдив их целой пачкой писем. А затем и сам выехал за ними ближе к фронту.

Эффект получился сногсшибательный: мы и думать не могли о таких результатах нашего изобретения. Купцы, великолепно знающие эти места и имеющие широчайшие связи среди туземцев, обошли все посты и въехали сразу в середину села. Письма рассовали тотчас же и дали местным жителям несколько полезных советов. В общем, когда офицеры узнали об их приезде, пока им завязали глаза и повели в штаб, они сделали все, что им было наказано, да и прибавили немало от себя. Началось шушуканье, группировки.

В штабе белых тем временем шел допрос купцов. Передав письменное предложение Лепехина о сдаче, парламентары добросовестно информировали белых о победах Красной армии, о раз-

громе Колчака и близкой гибели правительства Чайковского, о занятии Березова, Обдорска и Сургута. Нашелся в штабе и друг — денщик одного из офицеров. Припав ухом к переборке, он дословно слышал все разговоры и еще до окончания заседания успел передать их в отряд с надежным человеком. Сразу же после заседания штаба купцов отправили с завязанными глазами обратно. Их встретил Лепехин, которого они обо всем подробно проинформировали.

Полковник, командовавший группой, после заседания штаба оттянул кожу на ноге, прострелил ее из браунинга и немедленно выехал «лечиться» в Архангельск. Оставшиеся офицеры под давлением солдатской массы пошли на уступки и выслали парламентариев к Лепехину с требованием гарантировать их жизнь за сдачу отряда, вооружения и разных запасов. Лепехин согласился и выслал им письменную гарантию. На практике оказалось, что сдать весь отряд не так-то просто. Против сдачи энергично протестовали печорцы, которых было немало в Саранпаульском отряде белых. Обставил печорцев сам Турков. Подготовив тобольские части, готовые сдать, он распорядился созвать общее собрание отряда. Во время обсуждения вопроса о сдаче выделенные Турковым солдаты заняли помещение, где хранились винтовки, и, когда печорцы, возмущенные желанием командования сдать красным, бросились к пирамидам, их встретили штыки охраны.

Снабдив печорцев продовольствием, Турков отпустил их домой за Урал, а сам начал сдачу отряда и имущества Лепехину».

Рассказ Лопарева, где он — главный победитель белых, отличается от показаний Турко-

ва, Витвинова, Булатникова и Кислицкого (поручика Лушникова, которого назвал Лопарев, не было тогда в Саранпауле, как и белого полковника-самострела, — А.П.).

Свое описание той ситуации дал Зуев: «...Несколько березовских купцов **сами** попросились направить их к Туркову парламентарями. Командир отряда Лепехин согласился на это (ничем не рискуя). Дней 20 от них не поступало никаких известий. После этого отряд выступил на Саранпауль, но, доехав до Сартыньи, сделал остановку, так как встретил там делегатов от Туркова. Их мы оставили заложниками, а от нас для переговоров с Турковым по назначению Лепехина поехали начштаба Губер-Гриц, начальник пулеметной команды Ушаков Леонид и Лузгин Григорий. Решено было так: отряд Туркова сдается без боя, а отряд Лепехина гарантирует всем им жизнь.

Приняв наших парламентарей, Турков предъявил им условия: его, Туркова, не арестовывать и не судить, а отпустить домой. Наши попросили оставить их одних, и Губер-Гриц сказал: «Давайте подпишем акт, а там видно будет».

Так и сделали: Турков приказал все оружие сложить в склад. Для его охраны на караул стал наш Ушаков. Первым въехал в село 1-й взвод и сразу же окружил склад с оружием. Вскоре появился и Лепехин. Среди наших трофеев было много боеприпасов и продовольствия, особенно табаку и сигарет.

Все сдавшиеся в плен согласились вступить добровольно в ряды Красной армии. Была создана комиссия по проверке лояльности и выявлению компрометирующих данных. Было выявле-

но три человека, из них один доброволец и двое обдорских — Новицкий Николай и другой, по имени Василий: они при отступлении застрелили двух крестьян где-то недалеко от юрт Новеньких. Доброволец и Василий сбежали, а Николай был арестован и сдан в Тюменскую губчека. Туркова под конвоем тоже отправили в Тюмень...»

Лопарев утверждал: «...Население крепко помнило палача Туркова и других офицеров, и всеми селами и деревнями осаждали конвой, требуя самосуда. Как удалось мадьярам провезти их до Тюмени живыми, известно только конвою, но харчков, плевков, а изредка пощечин и конских мерзлушек офицерам досталось до отказа. Вскоре из Тюмени было получено краткое сообщение: Турков и Литвинов (так в тексте, — А.П.) при попытке к бегству убиты. Такой оборот дела с палачами народа уж очень по душе пришелся трудовым массам Севера. Да и у нас в штабе, и в отрядах вызвал глубокий вздох радости — как-никак, а отпускать живьем Туркова никому не хотелось...»

Другой Турков

Если в истории Тобольского Севера «красным героем» считался Лопарев, то «белым палачом» называли Туркова.

Справедливо ли такое утверждение? Суда над подпоручиком не было, как не имелось доказательств его участия в расстрелах.

На запрос Лепехина «во все ревкомы-исполкомы по тракту Березов—Тобольск: собрать и представить в Тюменскую губернскую чрезвычайную комиссию о деятельности Туркова, Булатникова и начальника Березовской милиции Кислицкого в 1918 и 1919 годах» самым серьез-

ным проступком Туркова указан «невозврат кошмы длиной 4 аршина, стоимостью 2500 руб., принадлежавшей Демьянскому волисполкому».

Эту кошму Турков взял в январе 1919 года для белого отряда, возвращавшегося в Тобольск после разгрома красных, в Саранпауле. К переписке «о кошме» приложено письмо от 12 марта 1919 года Тобольского уездного военного начальника, в котором сообщалось: «...данная Де-

А.М. Турков. 1917 г.

*На обороте фотографии надпись:
«На память от Шуры. Пора золотая...
Дни любви и страданий...»*

мьянской волостной земской управой Тобольского уезда кошма для офицеров северного отряда находится в настоящее время у поручика Туркова, который обещался лично доставить ее вам». Но не успел, помешало быстрое продвижение красных на восток.

Заключение Лопарева о «ненависти населения к Туркову» опровергают показания Булатникова и Кислицкого: «...в пути от Березова до Тобольска конвой показывал нас жителям сел и деревень, которые ни в чем нас не обвиняли, а в отношении Туркова говорили, что не знают его, а помнят другого: этот офицер и светлый, а тот — солдат и черный...»

Гарантии Лепехина и Губер-Грица не защитили белых офицеров и главного березовского милиционера, не допустивших кровопролития в Саранпауле, от ареста в Тобольске.

Командир Отряда северной экспедиции не исключал эту меру, поэтому все оправдательные документы в отношении Булатникова, Туркова, Кислицкого (позднее Витвинова) направил тюменскому губвоенкому. Однако из Тобольска эти бумаги были переадресованы в губчека: «...направляются протоколы допросов Булатникова, Туркова, Кислицкого и Витвинова, дабы они не миновали Губчека, ибо сопроводительные письма адресованы губвоенкому. Материалов обвиняющих предвидится большое количество. Дело столь важное, что его разрешение отзовется на политическом настроении нескольких уездов. Турков приобщен к делу Лушникова, как участник расстрела 57 красноармейцев».

Однако Турков вообще не имел отношения к этой акции. Что касается обстоятельств расстрела,

то арестованный в апреле 1920 года Тюменской губчека Войников Петр Сидорович, 1899 года рождения, сапожник 1-й тюменской сапожной мастерской, показал: «...В августе 1918 года я был мобилизован в белую армию, как солдат старой армии, окончивший учебную команду в 35-м запасном полку в Тюмени. Меня сразу же сделали взводным командиром 1-го взвода 5-й роты 6-го Сибирского кадрового полка. Потом наша 5-я рота была переведена из Тюмени в Тобольск (6-й Сибирский кадровый полк стал называться 49-м Сибирским стрелковым полком). Из Тобольска меня назначили конвоировать в Тюмень дезертиров, которых было 104 человека, а нас вместе со мной — 6 человек. Дойдя до села Ивлева, дезертиры пошли на вечерку, некоторые из них были выпивши и позволяли себе буянство. Тогда ко мне пришел староста села и потребовал прекратить распушенность дезертиров. Мне пришлось дать телеграмму начальнику гарнизона г. Тюмени, чтобы выслали для сопровождения бунтующих дезертиров солдат. В селе Покровском нас встретил отряд подпоручиков Лушников и Муромцева. Когда я узнал, что дезертиров будут расстреливать, то хотел защитить хороших ребят. Дезертиров построили, и Лушников рассчитал их на первый-второй. Из 1—4 человек здесь в селе Покровском расстреляли 58 человек. Мой отряд и я в расстреле не участвовали, а только выводили к месту расстрела. Расстреливал отряд из Тюмени. Потом меня заставили конвоировать в Тюмень оставленных в живых дезертиров, где сдал их в пересыльную часть уездного воинского начальника».

Дезертировавших из Белой армии крестьян почему-то представили красноармейцами. Но не-

Слева направо: командир Отряда северной экспедиции (белого) подпоручик Лушников, начальник штаба прапорщик Рычков. Одна из дам (первая слева) актриса Е.П. Половцева

посредственных участников их расстрела, включая Лушникову и Муромцева, не нашли. Поэтому Войникова держали в рабочем доме (так называли тюрьму), несмотря на прошение 120 членов сапожной мастерской № 1 «отпустить его на поруки, как специалиста для заготовки сапог для армии». К председателю Тюменской губчека ходатайствовал заведующий воспитательной частью при рабочем доме: «о принятии мер к ускорению дела Войникова, который содержится здесь уже с 14 апреля 1920 года и ведет себя отлично: хороший специалист-сапожник. Такого человека, — считал тюремный воспитатель, — если обвинение не подтвердится, необходимо освободить для пользы Республики».

Обвинение Войникова в участии в расстреле дезертиров (назвать их красноармейцами язык не поворачивается) не подтвердилось, но его не освободили (и не собирались этого делать), а расстреляли по постановлению губчека, утвержденному 11 ноября 1920 года председателем ЧК Сибири Павлуновским. Красная армия осталась без сапог, жена без мужа, дети без отца...

А в деле Туркова появился протокол допроса 27-летней актрисы Елены Павловны Половцевой: «...Подпоручика Туркова я встречала в бытность свою в Тобольске. Он неоднократно бывал с другими лицами у меня в театре за кулисами. Также с компанией я бывала на пикниках, где присутствовал Турков. Тогда он был адъютантом при Лушникове. Про Туркова говорили, что он кокаинист и алкоголик, и я полагаю, что этим он заразил Лушникову, которому доставал кокаин. По моему мнению, Турков — жестокий человек, что я различала по его

обращению с солдатами. Я слышала, что Турков и Лушников творили безобразия: пороли людей розгами. Вообще, имена Лушникова и Туркова при этом всегда связывали вместе».

Показания Половцевой подтвердил 30-летний актер Владимир Прохорович Вольмар: «...про подпоручика Туркова я знаю, что он был адъютантом у Лушникова. Он дальше с Лушниковым не поехал, а остался в Тобольске под видом больного...»

Тогда в городе на Иртыше не было постоянной театральной труппы. В спектаклях, устраиваемых в народном доме, выступали заезжие актеры и актрисы, в окружении которых проводили свободное от службы время как белые офицеры, так и красные командиры. На тех и на других, в зависимости от режима (в Тобольске с 1917 по 1921 годы власть менялась десять раз — рекорд по губернским городам России), временные подруги военных давали одинаковые и неконкретные характеристики.

Другие чувства выражали письма постоянных спутниц жизни — жен. Карандашные, полустертые временем строки: «Если тебя посадят в тюрьму, то знай: у тебя есть я, которая разделит не только тюрьму и всякие лишения, но и смерть. Расстрела тебе не будет, т.к. большевики его отменили. Я, Шурик, до суда поправлюсь, и мы уедем из Березова. Такая тоска, так тяжело без тебя, мой безвинный, хороший Шурик, что жизнь становится хуже могилы. Эх, только бы повидать тебя, услышать ласковое слово. Будем надеяться на Бога, будем молиться. Тебя простят: ты никого не убивал. Милый Шурик, приезжай к своей Элке, которая без слез

о тебе не может уснуть. Проклятое время... Любящая тебя навеки Элка...»

Неизвестно, дождалась ли Елена Туркова, в девичестве Кушникова, своего мужа. Как сложилась их жизнь? В следственном деле Туркова нет отметок ни о суде, ни о расстреле, ни об освобождении.

Так же не ясны судьбы Витвинова, Булатникова и Кислицкого. В карательных акциях они не участвовали. Допрошенные в качестве сви-

Р.С.Ф.С.Р.

КОМАНДИР ОТРЯДА
СЕВЕРНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

31 января 1920 г.

Тюменскому Губернскому
Военному.

№ 68- а

При сем препровождаю сдавшихся без боя офицеров ВУЛАТНИКОВА Анатолия, ТУРКОВА Александра и Начмилиции Березовского уезда КИСЛИЦКАГО Николая.

При чем сообщаю, что перед сдачей в отряде произошло столкновение Березовского Отряда с Печерским и последний был обезоружен. Действенное участие со стороны Березовского Отряда проявил при перевороте офицер ТУРКОВ, что ставится всем Березовским Отрядом ему в заслугу.

КОМСЕВОТРЯДА

НАЧШТАБА

Ленкин

Турков

детелей Равский Петр Феликсович, 1876 года рождения, уроженец г. Березова, бывший лесопромышленник, заведующий агентством Центросоюза, и Григорьев Александр Стефанович, 1891 года рождения, уроженец юрт Карымкарских, остяк, с высшим образованием (окончил политехнический институт в Омске), заведующий отделом народного образования в г. Березове, характеризовали их положительно.

Равский: «Булатников — хороший учитель и человек. Витвинов был военным комендантом в Березове, а Кислицкий начальником милиции. При них был законный порядок. На них никто не жаловался...»

Григорьев: «Булатников как мобилизованный учитель сильно тяготился своим положением и хотел просить о своем освобождении от военной службы по болезни. В отношении Витвинова и Кислицкого ничего плохого сообщить не могу...»

Протоколы допросов Равского и Григорьева сопровождала в Тюмень выразительная телеграмма: «19 октября 1920 года. Указанные лица допрошены. Примите материалы, хотя они бесполезные. Завполитбюро Гриб».

Тем не менее, коллегия губчека постановила расстрелять офицеров, но в связи с октябрьской амнистией 1920 года заменила высшую меру социальной защиты заключением в концлагерь сроком на пять лет.

В сентябре 1921 года в губчека поступило письмо Ялуторовского отдела народного образования: «В Ялуторовском уезде ощущается острый недостаток в работниках просвещения. Особенно не хватает учительского персонала. Из

школ, существовавших в прошлом году, многие пустуют. Часть учителей убита бандитами. Положение крайне тяжелое. В Ялutorовском рабочем доме содержится осужденный на 5 лет Анатолий Булатников, который известен нам как ценный работник. Полагая, что дело борьбы с темнотой и невежеством должно быть поставлено в первую очередь и что успех этой борьбы возможен только при совместном сотрудничестве всех учреждений РСФСР, убедительно просим Тюменскую губчека отпустить заключенного учителя Булатникова для работы в школе».

К этому письму приложено поручительство заведующего Ялutorовским уездным отделом народного образования Комольцева Степана Александровича, бывшего первого председателя Тюменской губчека, приговоренного коллегией ВЧК в октябре 1919 года за присвоение конфискованных ценностей к расстрелу, замененному в связи с революционной амнистией заключением в концлагерь.

Опальный чекист просил своих сослуживцев отпустить из тюрьмы в школу учителя Булатникова, обязуясь «в случае его побега отвечать на основании существующих законоположений».

Точку в переписке с уездным просвещением поставило решение коллегии губчека от 21 октября 1921 года: «В ходатайстве отказать ввиду наличия в губернии бандитизма».

Также в ноябре 1921 года было отклонено прошение Тюменского исполкома о возможности освобождения из-под стражи Кислицкого «для использования его в охране общественного порядка».

Дети остались без учителя. Обыватели — без защиты. Проклятое время. Несчастливая страна.

Парижское рандеву генерала Миллера

Поражение белых в Зауралье и потеря ими лыпинского хлеба способствовали капитулянтскому настроению в обществе Северной области. «Общественные круги, в зависимости от принадлежности к той или иной партии или группировке, немощно метались из стороны в сторону, ища выход из создавшегося положения, одни — ища точек опоры для удержания фронта, другие, видя верный проигрыш, ища возможности скомпрометировать себя в белом деле в пользу большевиков», — писал один из очевидцев трагедии Белого движения в Северной области.

Некоторый перевес в силах, а также измена отдельных белых частей способствовали успехам красных, которые 20 февраля 1920 года неожиданно овладели Архангельском. Главнокомандующий Северным фронтом белых генерал-лейтенант Миллер отплыл в Норвегию на яхте «Ярославна». Одновременно с ним на ледоколе «Канада» эвакуировалось около 600 человек правительственных чиновников, военных, женщин и детей.

Евгений Карлович Миллер окончил в 1892 году Николаевскую академию Генерального штаба, был военным атташе в Бельгии, Голландии и Италии, а с началом Первой мировой войны возглавил штаб 5-й армии. В 1915 году его произвели в генерал-лейтенанты, а в январе 1917 года назначили командиром 26-го армейского корпуса. В августе 1917 года он был отправлен в Италию представителем ставки Верховного главнокомандующего. Здесь его застала Октябрьская революция. Миллер не признал власть большевиков и прибыл в январе 1919 года в оккупированный англичанами Архангельск, где стал

главнокомандующим войсками Северного правительства Чайковского.

Оказавшись в эмиграции, Миллер продолжил антисоветскую деятельность: после похищения в январе 1930 года в Париже чекистами председателя Российского общевойскового союза (РОВС) генерал-лейтенанта Кутепова возглавил эту авторитетную зарубежную организацию.

В 1937 году в разгар сталинского террора, уничтожившего всю оппозицию в СССР, НКВД было принято решение о похищении Миллера.

22 сентября он вышел из штаб-квартиры РОВС в Париже, оставив у начальника канцелярии генерала Кусонского конверт, который просил вскрыть в том случае, если не вернется. После этого он встретился с генералом Скоблиным, давним агентом ОГПУ-НКВД, который отвез его на квартиру, где их якобы для важного разговора ожидали немецкие офицеры. Но там Миллера встретили чекисты, вкололи ему большую дозу наркотика, поместили в деревянный ящик и на грузовике советского посольства отвезли в порт Гавр, где погрузили на пароход «Мария Ульянова». Через неделю Миллера доставили в Москву и поместили в тюрьму НКВД как заключенного № 110.

Но еще вечером 22 сентября генерал Кусонский, обеспокоенный долгим отсутствием Миллера, вскрыл оставленный им конверт и прочитал записку следующего содержания: «У меня сегодня в 12.30 дня randevu с генералом Скоблиным на углу рю Жасмен и рю Раффе, и он должен везти меня на свидание с немецким офицером, военным агентом в Прибалтийских странах полковником Штроманом и с г. Вернером,

состоящим здесь при посольстве. Оба хорошо говорят по-русски. Свидание устроено по инициативе Скоблина. Может быть, это ловушка, на всякий случай оставляю эту записку».

Генерал Скоблин, за которым немедленно послали, сбежал, укрылся в советском посольстве, а затем тайно был вывезен в Испанию. Следствие, проведенное французской полицией, доказало причастность Скоблина и его жены, известной русской певицы Плевицкой, к похищению Миллера. Ее осудили на 20 лет каторги.

Советская сторона категорически отрицала свою причастность к исчезновению генерала, проходившего по донесениям НКВД под кличкой «Дед».

Сейчас известно, что участники этой операции были награждены орденами Красного Знамени «За самоотверженное и успешное выполнение специальных заданий правительства СССР».

Обнародованы письма Миллера, адресованные жене в Париж, наркому НКВД Ежову, митрополиту Сергию. Чтобы ощутить состояние секретного узника, достаточно прочесть лишь одно его письмо:

«На этих днях минуло 10 месяцев с того злополучного дня, когда, предательски завлеченный в чужую квартиру, я был схвачен злоумышленниками в предместье Парижа, где я проживал как политический эмигрант по французскому документу, под покровительством французских законов... Я ни одного дня не был гражданином СССР и никогда моя нога не ступала на территорию СССР. Будучи тотчас связан — рот, глаза, руки и ноги — и захлороформирован, я в бессознательном состоянии был отвезен на советский паро-

ход, где очнулся лишь 44 часа спустя — на полпути между Францией и Ленинградом. Таким образом, для моей семьи я исчез внезапно и бесследно 22 сентября прошлого года. Моя семья состоит из жены 67 лет и трех детей 38—41 года. Хотя в первые дни по прибытии в Москву я еще очень плохо соображал под влиянием исключительно сильной дозы хлороформа, мне все же ясно представлялось, какой удар, какое потрясение, какое беспокойство должно было вызвать мое исчезновение у моей жены и детей. Что я был похищен агентами Советской власти, в этом, конечно, никаких сомнений у моей жены быть не могло: пример Кутепова был слишком памятен, да и все эти 7,5 лет со дня вступления моего в должность председателя РОВС, сколько раз возникали эти опасения и разговоры, причем положение пленника Сов. власти всегда рисовалось в самых ужасных красках, что ныне должно было вызвать у жены моей худшие опасения за мою дальнейшую судьбу. Первое движение мое поэтому по прибытии в тюрьму было — дать знать моей жене, что я жив и здоров и пока что физически благополучен. Краткое письмо моей жене с этим известием я передал в начале октября допрашивавшему меня следователю. Не получив его обещания послать письмо по назначению, я в начале ноября передал начальнику тюрьмы при особом заявлении маленькую записку аналогичного содержания без подписи и без указания, где именно я нахожусь, прося добавить к моей записке какой-нибудь промежуточный адрес, по которому моя жена могла бы мне ответить о состоянии здоровья своего, детей и внуков. Не получив никакого отклика на это заявление от 4 ноября (как и на другие заявления

от того же числа касательно похищенных у меня денег, принадлежащих другим лицам) я в личной беседе с Вами (это Ежов, — А.П.) просил Вас настойчиво связать меня с моей женой, дабы ее успокоить относительно условий моего существования и самому получить сведения о ней и детях.

28 декабря в дополнение к личному разговору, а затем в конце марта и в апреле и моим заявлениям к Вам, я к Вам обращался вновь с этой просьбой, но никакого ответа не получил. Прошло 10 месяцев, и я ничего не знаю о моей семье и семья моя, видимо, ничего не знает обо мне. Я вполне понимаю, что усердие не по разуму Ваших агентов, решивших похитить меня с нарушением всех международных законов и поставивших Вас перед «совершившимся фактом», поставило Вас и все Сов. правительство в затруднительное положение и в необходимость впредь до нахождения приличного выхода из создавшейся обстановки скрывать мое нахождение в СССР, но все же я не могу не обратиться к Вашему чувству человечности — за что Вы заставляете так жестоко страдать совершенно невинных людей — моя жена и дети никогда никакого участия в политике не принимали. Особенно же меня беспокоит состояние здоровья моей жены, всю жизнь страдавшей большой нервностью, выражавшейся в болезненных приступах при всяком волнении и беспокойстве. Моя жена по матери своей — родная внучка жены А.С. Пушкина, урожденной Гончаровой, бывшей вторым браком за Ланским, и унаследовала, как и ее мать и сестры, большую нервность, свойственную семье Гончаровых... Меня берет ужас от неизвестности, как отрази-

лось на ней мое исчезновение. 41 год мы прожили вместе!

...Никогда, ни в какие эпохи самой жестокой реакции ни Радищев, ни Герцен, ни Ленин, с историей которых я ознакомился по их сочинениям, не бывали лишены сношений со своими родными. Неужели же Советская власть, обещавшая установить режим свободы и неприкосновенности личности с воспрещением сажать кого-либо в тюрьму без суда, захочет сделать из меня средневекового Шильонского узника или второе издание «Железной маски» времен Людовика XIV — и все это только ради сохранения моего инкогнито?

Убедительно прошу Вас посмотреть на мою просьбу в данном случае с точки зрения человечности и прекратить те нравственные мучения мои, кои с каждым днем становятся невыносимее. 10 месяцев я живу под гнетом мысли, что я, может быть, стал невольным убийцей своей жены, и все это вследствие своей неосторожной доверчивости к гнусному предателю, а когда-то герою гражданской войны в Добровольческой армии (речь о генерале Скоблине, — А.П.).

Надеюсь, что Вы найдете время ответить и на другие вопросы и просьбы, содержащиеся в моих заявлениях и письмах. Надеюсь также, что Вы отнесетесь благожелательно ко всему вышеизложенному, я ваш пленник — буду ждать с понятным нетерпением Вашего решения и приближающего (так в письме, — А.П.) годового срока моего заключения. 27/VII 1938 г. Генерал Миллер».

Но все его письма и заявления остались без ответа. 11 мая 1939 года секретного узника под № 110 расстреляли. Комендант НКВД Блохин

не знал, кем был этот расстрелянный им в лубянском подвале старик.

Белый исход

После падения Архангельска события в районах Коми края, примыкавших к Зауралью, развивались следующим образом. Белые продолжали там сопротивление. Эти боевые действия привлекли внимание IV Всероссийской конференции губернских чрезвычайных комиссий, проходившей в феврале 1920 года в Москве.

По предложению Дзержинского делегаты конференции послали приветствие частям ВОХР, которые «занимают участки и сдерживают напор белогвардейцев на чардынском и вычегодском направлениях».

Тогда же командир северного спецназа ВЧК Лепехин получил приказ: «...усилить нажим на белых по тракту Ляпино—Усть-Щугор».

По воспоминаниям Лопарева, «...Лепехин двинул туда на оленях отряд из красноармейцев и партизан с полевым телефоном для связи во время пути. Урал перешли без потерь и заняли Щугор. Оттуда белые ушли. О размерах военных трофеев в Щугоре говорит их двухнедельная спешная приемка: чего там только не было, и все английское. Целые склады обмундирования, шоколад, табак, сигареты и т.д. Взяв себе небольшие запасы, Лепехин остальное передал подошедшим частям Красной армии. Обратный Урал отряд прошел также благополучно, смотав по пути 60 км двойного телеграфного провода. Так все военные операции были закончены».

По-другому изложен этот рейд в записках Зуева (со слов Лузгина): «...По приказу Лепехи-

на была организована разведка за Урал. Начальником разведки назначен тот же неутомимый Леонид Ушаков. Для поездки с собой он отобрал своих земляков: Косова, Бибина, Черкасова, Ермакова и меня (Лузгина) — всего 15 человек. Взяли 15 пар оленей, переводчика, один пулемет, лыжи, продовольствие и поехали. У Саранпауля была телефонная связь с Печорой, поэтому взяли телефонный аппарат. Дорога была трудная, т.к. населенных пунктов не было, хотя раньше там находились избы (их называли «кучники») для обогрева проезжающих. Но избы сожгли белые. Случайно осталась одна изба, в которой мы обнаружили спящего зырянина. Он рассказал, что Урал занесен снегом и со стороны белых стоит застава из 30 человек. Мы взяли с собой этого зырянина и поднялись на самый горный хребет, но дальше дорога была перемерзена снегом. Мы снабдили зырянина деньгами, дали ему хорошую тройку оленей, положили газеты и письма от пленных солдат и отправили его к белым, а сами вернулись в «кучник», откуда по телефону связались с Лепехиным. Тот приказал оставаться на нашем месте до его особых распоряжений. Вскоре от белых из-за Урала к нам прибыла делегация — 3 старших унтер-офицера. Они рассказали, что их собралось около 22 тысяч человек, отступить дальше некуда, поэтому солдаты восстали, арестовали офицеров и хотят добровольно сдаться красным. От нас поехали за Урал 10 человек, в том числе Лепехин и Ушаков; одного унтер-офицера они взяли с собой, а двоих оставили заложниками. 9 марта они прибыли в Усть-Щугор, приняли все склады с оружием и сдали их и пленных офице-

ров Пермскому отряду, после чего возвратились сначала в Саранпауль, потом в Березов».

В тот же день начальник обороны края Малков телеграммой № 218 сообщил командующему 6-й Красной армией Самойло: «...Северный край Печорского фронта признал Советскую власть. Ревкомы просят приостановить военные действия...» Позиционная гражданская война в Коми крае и в Зауралье закончилась.

Но Лепехин не исключал возможности прорыва не сложивших оружие белогвардейцев через Обдорск на север Енисейской губернии, где оперировали остатки 1-й Сибирской армии генерала Пепеляева. Поэтому один взвод Отряда северной экспедиции находился в Мужах и Обдорске. «...Первые 2—3 недели обстановка там, — вспоминал Зуев, — была напряженной: ждали удара белых. Для нас круглые сутки стояли наготове семь пар оленей, запряженных в нарты. В Мужах тогда проживали зыряне-оленоводы и пять семей русских, из них одна семья начальника почтового отделения. Я и еще один красноармеец были определены на постой в дом братьев Каневых. Мы узнали, что они — крупные оленеводы: у них имелось до пяти тысяч оленей. Один из братьев, а их было трое, всегда находился в тундре на пастбищах: с ним батрак и десять собак. После того, как опасность прорыва белых миновала, мы отдыхали. Зырянская молодежь устраивала вечерки и приглашала нас. Мы вместе с ребятами и девушками праздновали масленицу: катались на оленях и с горки на санках. Когда стали переезжать в Обдорск, то нас провожала вся молодежь села. До революции Обдорск называли «золотым уголком»: здесь проживали или имели свои представитель-

ства все крупные тобольские и тюменские рыбопромышленники и пароходчики. Также было много политссыльных, которые демонстративно встретили нас, выйдя навстречу за село. Нас поселили в бывшем миссионерском доме, где раньше жили попы и монахи, обращавшие в христианство северные народности. По два часа в день мы занимались строевой подготовкой, а остальное время отдыхали или разгружали баржи с зерном. Это зерно предназначалось для заграницы, но баржи не успели отправить, и они застыли в Обдорске».

Лепехин выступал против расстрелов, но его позицию разделяли немногие красные командиры. Сдавшиеся красным в Усть-Щугоре офицеры 10-го Печорского полка, несмотря на гарантии чрезвычайного уполномоченного ВЧК Труша по дороге в Чердынью были расстреляны конвоирами. Поэтому отдельные группы белогвардейцев, например, отряд поручика Рочева, скрывались в лесах и тундре, время от времени нападая на различные обозы: вспыхивали перестрелки, лилась кровь.

Чекистский спецназ Лепехина выполнил свою основную задачу: малой численностью, почти без жертв очистил от колчаковцев огромную территорию Северного Зауралья, ликвидировал угрозу наступления белых на Тобольск со стороны Березово, захватил богатые военные трофеи и важные для Троцкого документы. Оставалось ускорить продвижение от Сургута на Нарым, разгромить отряд начальника уездной милиции Волкова и завладеть сокровищами, хранившимися прежде в церковных кладовых Тобольска. Проведению этой операции помешала война Советской России с Польшей.

Неудачный поход

Первые столкновения между российской и польской армиями произошли в феврале 1919 года в Белоруссии у местечка Береза Картуская, тогда в плен попали восемьдесят красноармейцев.

Во время Первой мировой войны территорию Польши, входившей в состав Российской империи, оккупировали немецкие и австрийские войска.

11 ноября 1918 года, когда в Германии началась революция, поляки разоружили немецкие войска, а власть передали самому популярному политическому лидеру — Юзефу Пилсудскому. После многих десятилетий неволи поляки получили свое государство.

Пилсудский решил воспользоваться всеобщей смутой и присоединить к Польше украинские, белорусские и литовские земли — началась война. Тогда Ленин и Троцкий мечтали о соединении русской и немецкой революций, а территория Польши лежала на пути Красной армии к Берлину. Так что у них тоже были причины для войны с Пилсудским.

6 мая 1920 года польские войска вошли в Киев. В Варшаве царил победная эйфория. Но уже через десять дней Красная армия перешла в наступление: поляки бежали, бросая оружие. 12 июля их выбили из Киева, 11 июля был освобожден Минск, 14 июля — Вильнюс. Сталин телеграфировал Ленину: «Польские армии совершенно разваливаются, поляки потеряли связь, управление, польские приказы вместо того, чтобы попасть по адресу, все чаще попадают в наши руки, словом, поляки переживают развал, от которого они не скоро оправятся... Я думаю, что

никогда не был империализм так слаб, как теперь, в момент поражения Польши, и никогда не были мы так сильны, как теперь, поэтому чем тверже будем вести себя, тем лучше будет и для России, и для международной революции».

У Ленина возникла надежда, что правительство Пилсудского удастся свергнуть.

Будущий маршал Тухачевский командовал наступлением на Польшу под лозунгом «Даешь Варшаву! Даешь Берлин!». 23 июля 1920 года, когда Красная армия наступала на Варшаву, Ленин телеграфировал Сталину в Харьков: «Зиновьев, Бухарин, а также и я думаем, что следовало бы поощрить революцию тотчас в Италии. Мое личное мнение, что для этого надо советизировать Венгрию, а может, также Чехию и Румынию».

Для мировой революции были нужны большие деньги. Россия уже ограблена, что не успели захватить большевики, то сокрыто в кладах. Их поиск оставили до лучших времен, а экспедиционные спецназы перебросили из Сибири в Польшу грабить родовые усадьбы польской шляхты.

Отряд Лепехина дождался в Березове ледохода и первым же пароходом через Самарово и Тобольск прибыл в Тюмень.

Зуев вспоминал: «...Из Тюмени был получен приказ срочно выехать туда на лошадях. К тому времени третья рота находилась в Самарово, две роты и штаб — в Березове, мы с взводом — в Обдорске. По зимней дороге в конце марта выехали на оленях: нас провожали многие жители, среди них — девушки, ну и не обошлось без слез. Не доезжая Березова, олени провалились под лед, проводники разбежались, пришлось до места назначения добираться на лыжах. Из Березова уже

пароходом в Самарово и дальше... В Тюмени весь отряд собрался на вокзале, на первом пути стоял эшелон. Нас торжественно встречали в Екатеринбургe и в Москве. Поездом доехали до Гомеля, потом пароходами по реке Припяти до Мозыря...»

Из воспоминаний Лопарева: «...В конце марта 1920 года военные операции на Севере закончились. В апреле самым последним зимним путем красноармейские части из Обдорска, Березова и Сургута потянулись к Самарову и прибыли сюда перед самым ледоходом. В Самарово состоялся большой митинг: четкие фразы Лепехина сменились горячими выступлениями красноармейцев и партизан. На трибуну поднимается несуразный Саня Скрипунов. Он расправляет плечи, набирает в грудь воздух, поднимает руку, а слов — нет, убежали, мысли рассыпались.

— Товарищи! Я... да мы... польских панов бить будем... Я кончил.

Из толпы смех и шутки. Но лес рук приветствует предложение о добровольном походе на польский фронт».

Самого Лопарева среди этих добровольцев не было: «...уволился еще 23 марта — острая нужда в организационно-оперативных работниках побудила Тобольск отозвать меня к месту работы. Для того, чтобы не вносить дезорганизацию в партизанскую массу, Лепехин пропустил меня через специальную комиссию и уволил «по состоянию здоровья».

Но когда Отряд северной экспедиции прибыл на Западный фронт, Пилсудский нанес внезапный удар, и Красная армия покатила назад: десятки тысяч красноармейцев попали в плен. Из окружения под Варшавой удалось вырваться только Лепехину, Губер-Грицу и еще двадцати

бойцам отряда, другие части Мозырской группы были полностью разгромлены. Польская война отличалась крайней жестокостью с обеих сторон. Ворошилов 4 сентября 1920 года писал старому другу Орджоникидзе: «...Озлобление бывает доводимо упорством поляков до максимальных пределов, а в таких случаях наши ребята рубят беспощадно. Наши потери на белопольском фронте также огромны. Мы потеряли почти весь свой комсостав, военкомов и до десяти тысяч бойцов, столько же приблизительно лошадей...»

После заключения перемирия 18 октября 1920 года Лепехина отправили на Дальний Восток. Он командовал войсками Приморской красной армии, созданной на базе местных партизанских отрядов. За разгром белогвардейцев в октябре 1922 года под Спасском его наградили орденом Красного Знамени. Он стал начальником торгового порта во Владивостоке. В феврале 1923 года прошел всероссийскую партийную перепись: в примечании к анкете отмечено: «давал ответы ясно». Его членство в партии — с ноября 1917 года, партбилет № 451680 выдан Хамовническим райкомом в Москве, но когда — не уточнено.

В документах архивных фондов Приморского губкома РКП(б) и Владивостокского торгового порта обнаружено заявление Лепехина от 13 октября 1923 года: «В губком РКП. На основании постановления СТО торговый порт переходит из Народного комиссариата путей сообщений в ведение Народного комиссариата внешней торговли. Уполномоченный НКВТ т. Левин предложил мне остаться на прежней должности. Прошу губком о выдаче мне характеристики по моей работе для предоставления в Центр». При-

ложена характеристика: «Лепехин Александр Петрович с 1917 года работает в Армии, где получил хорошую практику. В работе в Армии проявлял инициативу и являлся фактически руководителем с стремлением не считаться с военкомом при нем. В настоящее время является начальником торгового порта, подготовка есть и справляется удовлетворительно. Теоретическая марксистская подготовка слаба. Политически устойчив. Энергичность средняя. Собой владеет недостаточно, вспыльчивый характер, ошибки признает, но не умеет делать соответствующие выводы. Отношение к партработникам и партийцам хорошее. Положительные черты: простота, откровенность и храбрость. Страдает некоторым самолюбием. Достаточно дисциплинирован. Временами наблюдается невоздержанность к спиртным напиткам. Имеет организаторские способности. Может руководить в масштабе губернии».

20 октября 1923 года Приморский губком РКП(б) отправил в НКПС телеграмму: «Против предоставления двухмесячного отпуска по болезни т. Лепехину с правом выезда на юг России не возражаем».

После этого Лепехин исчез: говорили, что умер в поезде на пути из Владивостока в Москву. Семьи у него не было, кто, когда и где его похоронил, неизвестно.

Но у правителя (дубаня) Синьцзяна северо-западной провинции Китая появился военный советник, похожий на монгола, которого официально называли «русским генералом китайской службы Крафтом». Потерпев неудачу с продвижением революции на Запад, вожди мирового пролетариата Ленин и Троцкий обратили свои

взоры на Восток. Внимание правителей новой Советской России привлек Синьцзян. Здесь после окончания гражданской войны находилось несколько тысяч солдат и офицеров из армий атаманов Дутова и Анненкова. В марте 1921 года в Синьцзян прорвались участники Западно-Сибирского крестьянского восстания. Центральные китайские власти слабо контролировали положение в этой провинции, и ее правители вынуждены были традиционно ориентироваться в своей политике на могучего северного соседа. Части Красной армии, «замаскированные» под белых, с танками, аэропланами и артиллерией неоднократно вторгались на территорию Синьцзяна для борьбы с набиравшим силу движением мусульманских народов. Через Синьцзян прошли десятки военных советников, среди которых самыми яркими фигурами были специалисты по разного рода секретным операциям Ади Маликов, Василий Васильев, Яков Мелькумов и будущий маршал, дважды Герой Советского Союза Павел Рыбалко, псевдонимом которого было не вполне привычное для русского слуха имя Фу-Дзи-Хуй.

Кроме направления военных советников, поставок вооружения и военных материалов, Советский Союз построил в Синьцзяне авиационный завод, который в 1941—1945 годах охранялся батальоном войск НКВД, одетым в белогвардейскую форму. Офицеры этого батальона официально именовались не лейтенантами и майорами, а поручиками и штабс-капитанами. В документах батальона можно встретить совершенно нелепые словосочетания вроде «товарищ поручик».

В 30-е годы «человека с Севера», похожего на монгола, видели в Непале во главе мятеж-

ных отрядов, пытавшихся свергнуть военно-феодалный пробританский режим рода Рана (эта война закончилась победой восставших только в 1951 году). Что этот «человек с Севера» — Лепехин, не утверждаю. Просто похож.

Губер-Гриц пережил сталинский террор и военное лихолетье. По сведениям архива Министерства обороны, он был уволен из армии в марте 1923 года, но в июле 1932 года назначен начальником строевого отдела Военно-инженерной академии (чем занимался почти десять лет — неизвестно, может, был рядом с «Монголом» в Синьцзяне), с декабря 1936-го по август 1939 года возглавлял штаб 19-й Узбекской кавалерийской дивизии, а потом преподавал в академии имени Фрунзе. Уволен в звании полковника по болезни в феврале 1953 года. Умер в Москве. В его личном деле обнаружилась справка от 31 января 1953 года, подтверждавшая существование Отряда северной экспедиции: «Начальнику отдела кадров Краснознаменной орденов Ленина и Суворова I степени военной академии им. М.В. Фрунзе полковнику тов. Сергееву. Сообщаем, что Северный экспедиционный отряд, командиром которого был Лепехин, сформирован в декабре 1919 года. В Березовский уезд для боевых операций отряд был направлен приблизительно в конце декабря 1919 года (точно установить не представляется возможным). Северный экспедиционный отряд прекратил военные действия 8 апреля 1920 года, а в июне 1920 года был переброшен на Западный фронт и в составе Мозырской группы продолжал вести операции против белополяков. И.о. начальника Центрального государственного архива Красной Армии полковник Чернелевский».

«Ликвидировать губернатора...»

(Из воспоминаний сотрудника НКВД
В. Петрова)

«...Агент 063, как я обнаружил по прибытии в резидентуру в Синьцзяне в 1937 году, был китайским губернатором, огромным мужчиной, который еле-еле втискивался на стул. Всем нам он был хорошо известен и часто приходил в нашу штаб-квартиру вместе с адъютантом для встречи с генералом Крафтом. Во время таких посещений надевал китайские штаны с высокими сапогами, сделанными по специальному заказу, и легкое кожаное пальто. Благодаря своему положению он встречался со всеми важными гостями в этом районе и снабжал нас массой информации о миссионерах, торговцах и всех, кто вел пробританскую пропаганду. Несомненно, агент 063 оказывал огромную помощь советской экспедиции. Конечно, он имел глубокое и точное представление и о нашей деятельности.

...Полученная телеграмма гласила: «Обезопасьте агента 063, оказавшегося английским шпионом». Это означало: уничтожить! Войтенков быстро составил план по реализации указания Москвы. Китайский переводчик, которого мы звали Питером, был в хороших отношениях с губернатором, и мы быстро направили его

для приглашения губернатора к нам в штаб-квартиру, поскольку генерал Крафт хотел попрощаться с ним перед отъездом в Советский Союз.

Как только он вошел, то был схвачен и связан, затем проведен в комнату для допроса, продолжавшегося 15 минут. Хотя я не присутствовал, но позднее читал краткий протокол допроса: агента обвиняли в шпионаже на англичан, он это отрицал. Очевидно, губернатор был ошеломлен обвинением и быстрым развитием событий.

Тем временем трем радистам поручили вырыть большую могилу в подвальном этаже в коридоре.

С заткнутым ртом и связанными за спиной руками агент был вынесен и положен лицом вниз около могилы. Тут заработал мотор грузовика во дворе, он оглушительно ревел. Один из сотрудников трижды выстрелил агенту в затылок. Сквозь шум мотора я услышал звук, который донесся сквозь выстрелы. Это было нечто похожее на длинный вздох и стон. Я никогда не забуду этого звука. Его огромное тело затем свалили в могилу, полили бензином и сожгли, засыпали землей, утрамбовали, заменили бамбуковые маты в коридоре».

Золотой лабиринт Ваха

Часть Отряда северной экспедиции осталась в Сургуте. Лепехин приказал Зырянову выследить начальника уездной милиции Волкова и дознаться о маршруте эвакуации из Тобольска церковных и других ценностей.

В воспоминаниях Лопарева отмечено: «...Волкова поймали позднее в самых вершинах Ваха. Здоровенный латыш запрокинул шуплую голову Волкова назад до отказа и ребром ладони так ударил по кадыку, что кожа лопнула и наружу вылетели обрывки связок. Насколько я помню, это единственный случай расправы с врагом способом, не достойным пролетариата. Не допускали мы такой расправы и не одобряли ее. Как ни мало было патронов, но израсходовать для этого пулю никогда не было жаль...»

Но розыском Волкова занимался не латыш, а немец: Роберт Валенто — председатель Сургутской уездной чека. Он родился в 1893 году в Вене, участвовал в боях против русской армии, награжден железным крестом. В 1915 году попал в плен, работал в Сибири на Омско-Тюменской железной дороге, после оставления колчаковцами Тюмени поступил в батальон ЧК, затем с отрядом Лепехина отправился на Север.

На след Волкова его вывел Григорий Пирожников, бывший исправник Сургутского уезда

(с 1903 по 1917 годы), а после упразднения этой должности — уполномоченный Министерства снабжения и продовольствия.

Переживая за семью, он отказался от предложения Волкова бежать в почти безлюдный и хорошо известный им по совместным исследованиям бассейн Ваха — юго-восточную окраину уезда.

Дочь Пирожникова Мария Григорьевна вспоминала: «...Смена власти в Сургуте запомнилась страшными картинами: убийством, расстрелами, обстрелом города из пулемета с палубы парохода и т.д. Мы всей семьей, кроме отца, сутками находились в подполье... Отец не спускался в подполье, он находился в комнате, принимал всех — и «красных», и «белых», со всеми разговаривал одинаково выдержанно, спокойно. Кто-то позаботился о нас: приготовили лошадей, принесли тулупы, предложили эвакуироваться, но отец отказался. Мать плакала, боялась за него, а он заявил: «Я не преступник — не побегу». Позднее мать поняла, как благоразумно поступил отец».

Но только через год, в ноябре 1920 года, чекистам удалось схватить «большого урядника», как называли Волкова ваховские остяки, на берегу правого притока Ваха — реки Кулун-ёган, почти на границе Тобольской и Енисейской губерний.

Эту операцию Валенто отразил в коротком рапорте на имя председателя Тюменской губчека Студитова: «...Согласно заданию скрывающийся бандит Волков пойман 23 ноября 1920 года в лесах у речки Кулун-ёган, где скрывался с декабря 1919 года, промышляя охотой и рыб-

ной ловлей. При обыске его жилища у святого места туземцев обнаружено и изъято: трехлинейка — 1, японка — 1, бердана — 4-линейная — 1, наган — 1, Смит-Вессон — 1, ножи — 2, патроны — много, два ящика с золотыми и серебряными вещами и тетрадь с их характеристикой, мешок со звонкой монетой золотой и серебряной царской чеканки, деньги николаевские, керенские и сибирские — много. Бандит Волков попытался бежать и был смертельно подстрелен; труп не найден по причине сильного бурана. Оружие и ценности сданы военкому Зырянову до начала навигации».

Этот рапорт не убедил Студитова в том, что Волков «смертельно подстрелен», и оперативный розыск начальника Сургутской уездной милиции продолжился: в июле 1922 года в акте передачи дел уполномоченных ГПУ Сургутского и Березовского уездов значится «дело офицера Волкова».

Слухи о неуловимом «большом уряднике» до середины 30-х годов будоражили ваховских остяков, дольше других аборигенов сопротивлявшихся насильственной политике социалистических преобразований.

Считалось также, что Волков успел часть колчаковского золота рассовать по прикладным жертвенным местам остяков в лабиринте притоков Ваха: рек Кыс, Куль-ёган, Корельки-ёган, Коток-ёган, Кулун-ёган, Сабун, Песек, Колёк-ёган, Яль-Нельтан-ёган, Нинкин-ёган, Мохтох-ёган, Мох-Куль-ёган и Кулун-ёган-Игал.

Не случайно эти дикие места как магнитом притягивали искателей приключений. Здесь после поражения восстания 1921 года скрывался

учитель Андрей Силин, один из руководителей мятежного Комитета общественной безопасности в Сургуте. Благодаря хорошему знанию географии края, языка, обычаев и нравов коренного населения он кочевал в бассейне Ваха до февраля 1923 года.

При задержании Силина у реки Колёк-ёган чекисты изъяли у него кроме оружия «1000 царских рублей золотом и 3750 «керенками».

В 1926 году после включения территории Ларьякского (Ваховского) сельсовета в состав Александровского района Томского округа Сибирского края на Вах отправилась экспедиция Михаила Бонифатьевича Шатилова, создателя и первого директора Томского краеведческого музея, бывшего министра туземных дел во Временном сибирском правительстве 1918 года.

За четыре месяца исследователи хозяйственно-бытовых особенностей жизни остяков (кроме Шатилова, в экспедиции работали Попов — статистик и Игляков — остяк-переводчик, студент Ленинградского туземного рабфака) прошли вверх по реке около 700 километров до его правого притока Корельки-ёган; «выше этого пункта имеется по Ваху всего одна юрта в 6-ти днях пути».

«Сургутский округ, — отмечено в отчете экспедиции, — в пределах которого находился до 1925 года Ваховский район, является краем с ярко выраженным туземным населением. Всего населения в Сургутском крае по данным 1904 года числится 9137 чел.; из них русских — 2375 человек, т.е. 26%, и остяков 6762 чел., или 74%.

Еще в большей мере эта черта сказывается в отношении Ваховского района, где единицы русских буквально теряются в массе остяцкого населения. Если к тому же учесть, что эта незначительная часть русского населения вся пришедшая, с краем не связана, что русские живут всего в двух пунктах — с. Лариаке и юртах Охтын-Урье, что почти все это — агенты факторий или же бывшие местные торговцы, то Вах можно признать краем совершенно изолированным от внедрения русского населения, краем исключительно остяцким...»

Повышенное внимание Шатилов уделит жертвенным, прикладным местам коренного населения: подробно описал их (всего 15) «в порядке наблюдения вниз по течению Ваха, начиная от устья его правого притока р. Кулун-ёгана... часть из которых (8 мест) обследованы и сфотографированы...»

Только ли научными целями руководствовался этнограф-экономист Шатилов, изучая приклады жертвенных мест остяков? Ведь «круг предметов, могущих служить прикладом, — по его заключению, — почти неограничен: прикладом служат куски материи, шали, платки, пушнина, деньги, украшения, как драгоценные, так и кольца, бусы, бисер, лоскутки, стрелы и различные предметы домашнего обихода, средства передвижения и музыкальные инструменты, и вообще все, что представляет какую-либо ценность...»

Может быть, разбирая приклады жертвенных мест как показатели доброй воли молящихся, Шатилов искал святыни из тобольских храмов? В 1933 году он был арестован Том-

Н.Н. Петров.

1950 г.

ским отделом ОГПУ (до того заключали под стражу в 1920, 1921, 1931 годах) и исчез на «десять лет без права переписки». За то, что прикоснулся к золоту. Тогда, в самый разгар чекистского кладоискательства, как утверждал

Зуев, «...каждому органу ОГПУ давался на месяц план по изъятию золота и других ценностей, находящихся в тайниках. Характерным явлением было то, что в этой работе не соблюдалась экстерриториальность, а административные границы нарушались. Работники одного аппарата ехали на территорию другого «инкогнито» или под «легендой» каких-нибудь заготовителей или исследователей природы, забирали золото и увозили к себе, не ставя в известность местный орган. Практически это осуществлялось так: нам стало известно, что такой-то тюменский торговец имел много золота и что он в данное время проживает в другом городе. На основании этих материалов оформлялся ордер на его арест. В этот другой город командировался тайно работник или два; они привозили арестованного в Тюмень и работали с ним. После того, как он укажет мес-

то, где спрятано золото, его обычно освобождали, и он уезжал туда, где проживал. Или так: в Сургуте задержали «бывшего» из Омска, и он сознался и рассказал, где у него в Омске спрятано золото. После этого опять командировается оперработник, или один, или вместе с задержанным, не ставя в известность омских чекистов, изымает золото в Омске и везет его в Тюмень (выполняет план). Я, например, ездил в Харьков, Ташкент и Тобольск. Помню, как мы в Тюмени у одного бывшего торговца и владельца конного обоза (ломовщина), дом которого находился недалеко от тюрьмы, искали очень долго, так как хозяин умер, а его жена забыла место, где было спрятано золото. Копали мы в сараях двое суток и все-таки нашли. Золото было заложено в водосточной трубе, примерно двухдюймовой, согнутой коленом. Когда высыпали на стол, то он оказался полным. Был и такой интересный случай. Тюменский кунец Ионий Иосифович Брандт имел с отцом магазин золотых вещей, часов, швейных машин, велосипедов и музыкальных инструментов. Перед отступлением колчаковцев, забрав наиболее ценные вещи, он удрал за границу в Харбин. И вот в 1933 году по его просьбе ему разрешили приехать в Тюмень и выдать спрятанные ценности. Он явился в наш тюменский отдел ОГПУ и заявил, что покажет места, где спрятаны ценные вещи. С ним направили оперработников и слесаря. Одно место находилось в его бывшем магазине в стене возле сейфа, а второе в конторе под подоконником. Находился он в Тюмени 3—4 дня, после чего вернулся обратно в Харбин, где у

него также имелся магазин. Но еще, видимо, от расстройства, он сообщил нам сведения о других «бывших» в Тюмени и на Севере, у кого было спрятано золото...»

Так жадность и зависть обывателей, их стремление устроиться в новом мире за счет чужих сбережений способствовали развитию чекистского кладоискательства.

После образования в декабре 1930 года в бассейнах рек Вах и Таз Ларьякского (Ваховского) остяцкого туземного района (Больше-Ларьякский, Больше-Тарховский, Колек-ёганский, Корликовский, Ларьякский (Ваховский), Охтеурский национальные советы и кочевой совет Толькинский) народная молва приписала спрятанное «большим урядником» Волковым колчаковское золото родовому князю толькинских остяков Ефиму Кунину по прозвищу Шатин или Шата. По воспоминаниям секретаря ларьякского туземного комитета Ивана Борщева, «Кунин-Шатин был сорокалетний высокий, крепкого телосложения мужчина, с басистым говором и богато одетый. При нем всегда была охрана из батраков. Туземное население рек Сабуна и Тольки находилось у него в полной зависимости. Часть своих оленей он сдавал малообеспеченным остякам, а в качестве арендной платы брал беличьи шкурки. Полученную таким образом пушнину сбывал на ярмарках в Ларьяке и в магазины «Сибторга». Годовой оборот от такой торговли достигал 100 тысяч рублей. Князь толькинских остяков дважды (в 1924 и 1928 годах) совершил торговые поездки в Норвегию, продав там пушнину за валюту. Когда умер его отец, то на покойного

надели бархатный халат, обшитый золотыми монетами царской чеканки. Рядом положили золотые и серебряные вещи из спрятанных Волковым в прикладных жертвенных местах. Пять шаманов увезли его на оленях далеко в урман. Такова местная легенда». После «оперативного изъятия» Кунина-Шатина в декабре 1932 года (он был схвачен чекистами во время осенней ярмарки в Ларьяке, увезен в Остяко-Вогульск и тайно расстрелян) начальник Остяко-Вогульского окружного отдела ОГПУ Николай Петров пытался отыскать могилу его отца, но, как указал в рапорте, «безрезультатно». Остается загадкой, что заставило последнего князя рода Куниных, предупрежденного об аресте, приехать в Ларьяк. Тогда он фактически возглавил восстание оленеводов Толькинской тундры против насильственных методов колхозного строительства, определенных решением Президиума ВЦИК СССР: «произвести экспроприацию всего оленого (так в тексте, — А.П.) стада и прочих средств и орудий производства в зонах тундры и лесотундры Крайнего Севера у отдельных полуфеодалов...»

Надеясь на защиту сородичей, «полуфеодал» Кунин-Шатин хотел забрать ценности из «святых мест» в верховьях Ваха («при аресте у него изъято золота на сумму 8 тысяч 325 рублей») и откочевать в Туруханский край — «тундра большая». Действительно, остяки требовали освобождения князя и отказывались отвечать на вопросы следователей ОГПУ о прикладных жертвенных местах. Так что спрятанные колчаковским милиционером Волковым в лабиринте притоков Ваха сокровища не достались никому.

Но добыча чекиста Валенто: два ящика с драгоценными сибирскими орденами — немец считал эти боевые реликвии «золотыми и серебряными вещами» — и мешок с золотыми украшениями и монетами? Куда исчезло это богатство?

Если верить рапорту Валенто, то ценный груз был доставлен на оленях в Сургут и заперт в сейфе, доставшемся военкому Зырянову от местных купцов. Предполагалось весной 1921 года направить эти сокровища транзитом через Тобольск и Тюмень в Москву. Однако зима 1920 года изменила этот план.

Та зима выдалась на редкость холодной. И голодной.

Хлеб и золото

В сочинении Пирожникова «Обь-Иртышский Север» снабжение Сургутского и Березовского уездов хлебом названо «делом первостепенной важности. Население этого края жило исключительно привозным хлебом, доставлявшимся частными торговцами...»

Но новая власть ликвидировала рыночную торговлю и упразднила казенные хлебозапасные магазины, снабжавшие коренное население мукой и другим продовольствием.

Опытных хлебных заготовителей, таких, как Пирожников, отстранили от работы. Его дочь так писала о том времени: «Зимой 1920 года жили в Сургуте очень тяжело. Отец, хотя и заведовал продовольственным делом, а для своей семьи не сделал необходимых запасов муки. Семья перебивалась на одной рыбе. Рядом с нами жили Панкины, у них была мука, и мать

нас посылала к ним попросить хоть несколько стаканов муки...»

Эвакуационное продовольствие, застрявшее из-за раннего ледостава в Тундрино, и хлеб, доставленный Пирожниковым в Сургут из Томска, были разграблены лихими партизанами. Задушенные продразверсткой волости Тобольского, Тюменского и Ишимского уездов не могли выручить голодающий Север.

У сургутского военкома Зырянова оставалась одна надежда на ляпинский хлеб. Зырянов слал в Березов отчаянные телеграммы — просил поделиться мукой и зерном. На время, до начала навигации. Но называвший себя «красным наместником Севера» председатель уездного ревкома Сенькин требовал залог, как будто знал о драгоценной добыче из урманов Ваха. И Зырянов перед угрозой голода согласился отдать Сенькину захваченные Валенто ценности, не задумываясь об их исторических и художественных достоинствах. Для него эти сокровища также были «золотыми и серебряными вещами».

По приказу Сенькина в Саранпауле, Березове и Обдорске отгрузили для Сургута 18 тысяч пудов муки и зерна. Ровно столько, сколько должны были взять колчаковцы для снабжения войск Восточного фронта, но не успели этого сделать из-за спешного отступления из Тобольска. Соответствующие документы остались в Березове, и «красный наместник Севера» ими воспользовался.

После Нового года Сенькин отправился с хлебным обозом в Самарово. Здесь он тайно встретился с Зыряновым и обменял на золото хлеб, списанный по бумагам на колчаковцев.

Сургутский военком не знал о подлоге, но потребовал от председателя Березовского ревкома расписку в получении «золотых и серебряных вещей». И сам письменно подтвердил отгрузку спасительного хлеба, не обратив при этом внимания на усмешку «продавца»: для того эти расписки ничего не значили.

После сделки Зырянов поспешил в Сургут, а Сенькин еще задержался в Самарово у верной молодухи. Тогда же они узнали о восстании на юге губернии.

Докладная

Остяко-Вогульского окружного отдела в Полномочное представительство ОГПУ по Уралу

О политическом состоянии тундры Ларьякского района на 01.02.1933 г.

...Родовой князь кулак-туземец Шатин-Кунин в период перевыборов туземных советов 1932 года увел с собой к Енисею 161 туземца-оленевода. Собрал и вывез пушнины на 50 тысяч рублей, что составило 20% всего годового плана 1932 года. Он же перегородил сплошным «запором» реку Тольку. В ее верховьях находился туземный совет. Рыба в верховья Тольки не поступала, что вызвало недовольство туземного населения...

Наши мероприятия:

1 п. Кунин окротделом ОГПУ оперирован и привлекается к ответственности. Дело направлено на рассмотрение «тройки». Пока у Кунина изъято золота на сумму 8 тысяч 325 рублей.

2 п. По вопросу о привлечении Кунина окротдел поставлен в весьма невыгодное положение. С одной стороны, есть крайняя необходимость привлечения Кунина к ответственности, а с другой стороны — отдел не имеет возможности оформить дело так, как это требуется,

соответственно статьям УПК и Указаниям ППОГПУ по Уралу, в частности, добыть свидетельские показания, которые добыть в тундре нет никакой возможности. Основным обвинительным материалом являются агентурные данные. Как и окротдел, и окружком ВКП(б), окр-исполком глубоко убеждены в том, что отпустить имеющего неограниченное влияние на туземцев Кунина — значит допустить ряд серьезных политических осложнений в тундре. На основании этого просьба дело Кунина рассмотреть в таком виде, в каком окротдел его сможет оформить.

Нач. окротдела ОГПУ Петров*.

Любимый анекдот Н.Н. Петрова

Чекисты поймали Шату-Кунина и допрашивали его через толмача-переводчика

— Отвечай, где спрятано золото?

Толмач переводит вопрос и ответ:

— Не знаю, однако, никакого золота!

Чекисты переводчику:

— Если не скажет, где тайник, мы его расстреляем!

Тот переводит:

* Петров Николай Николаевич в органах ВЧК с 1919 года; с 1930 по 1936 годы — начальник Остяко-Вогульского окружного отдела ОГПУ-НКВД. В 1937–1938 годах возглавлял Тюменский горотдел НКВД, затем служил в Особых отделах НКВД в Киевском военном округе; перед войной переведен в г. Молотов (сейчас Пермь), был заместителем начальника УНКВД и начальником УНКГБ по Молотовской области, после войны — началь-

— Они тебя точно расстреляют, если не расскажешь, где спрятано золото!

Шата:

— Золото в лабазе у «святого» места «Юм-сур-лунг»...

Переводчик:

— Стреляйте, сволочи!

ник УМГБ по Тувинской автономной области; с 1952 года — начальник УМГБ по Костромской области. Награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Красной Звезды, «Знак Почета», Отечественной войны и медалями. Уволен из органов безопасности в 1954 году. В 1959 году исключен из КПСС «за нарушения социалистической законности». Умер в 1967 году в Перми.

Восстание

Началом Ишимско-Петропавловского, или Западно-Сибирского, мятежа принято считать 31 января 1921 г. Утверждалось, что его подняли «уцелевшие после разгрома Колчака белогвардейцы, эсеры, кулаки, попы и купцы». К середине февраля он охватил все уезды Тюменской (Тобольской) губернии. В ночь с 20 на 21 февраля был тайно оставлен Тобольск. Местные коммунисты и красноармейцы под руководством председателя уездного исполкома А.Ф. Демьянова отошли на восток вверх по течению Иртыша (до села Загвоздино).

Через день в бывший губернский центр вошли мятежники. Очевидец писал: «Странное, непривычное зрелище — воины не воины. Простая домашняя одежда, мешки... А оружие! Тут и современная винтовка, и допотопный дробовик, и самодельная пика, и просто дубина. Это — восставшие крестьяне».

В последние годы отечественные исследователи пришли к выводу, что главной причиной восстания в Западной Сибири была разверстка, безмерное, безвозмездное и насильственное изымание у крестьян продуктов их труда (хлеба, мяса, масла, рыбы, пушнины и др.) советским большевистским государством, его уполномоченными и продотрядами. Трактовка

восстания в виде белогвардейско-кулацко-эсеровского мятежа опровергнута. Сейчас это событие рассматривается как «защитная реакция крестьянства на государственный произвол и насилие».

О восстании на юге губернии коммунисты Березовского уезда узнали 18 февраля из радиоперехвата телеграмм радиостанций Сибири и Урала. Были созданы революционные комитеты в Березове (в составе Пензина, Данилова и Попова), в Сургуте (в составе Хорохорина, Зырянова и Зорина), в Обдорске (в составе Протасова-Жизнева, Сосунова и Волкова).

Воспользовавшись отсутствием в Березове Сенькина — «говорили, что он сейчас в разъездах по уезду и место его нахождения никому неизвестно», — Обдорский ревком 20 февраля объявил себя военно-революционным комитетом всего Тобольского Севера (Тобсеввоенревком), подчинил себе Березовский и Сургутский ревкомы и приказал взять заложников из «бывших».

Возвратившийся из Самарово в Березов после секретного обмена ляпинского хлеба на «золотые и серебряные вещи» Сенькин потребовал объяснений у членов самозванного Тобсеввоенревкома.

Участник этих переговоров начальник Обдорской радиостанции Иосиф Волков вспоминал: «...В разгар нашей борьбы за мобилизацию тыла в Обдорске неожиданно появился мужчина могучего телосложения, рябой, мрачный, с огромной шапкой спутанных волос и бородой, разбросанной клочками по широкому скуластому лицу. Это был товарищ Тихон Данилович Сенькин — председатель Березовского уездно-

го исполкома. Он шумно протестовал против узурпации власти во вверенном ему уезде: «Как же это так, товарищи? Неправильно! А советскую власть вы спросили? Меня народ выбирал по конституции. А вас кто выбирал?»

Двое суток Протасов, знавший Сенькина по заключению в Александровском центральном, разводил дипломатию с оскорбленным председателем».

Между тем повстанцы из села Демьянского разгромили у села Цингалы объединенные отряды березовских и сургутских коммунистов под руководством «главнокомандующего революционными войсками Тобольского Севера Данилова (березовский уездный военком) и его заместителя Хорохорина (сургутский уездный военком). Началась паника...»

По словам Волкова, «...Сенькина удалось утихомирить. Мы назначили его командующим Первым северным революционным отрядом. Вместе с этим отрядом в Березов выехал сам Протасов. Он опасался, что Сенькин в Березове опять что-нибудь наколбасит».

Волков признал, что Тобсеввоенревком получил радиogramму председателя Тюменской губчека П.И. Студитова: «Повстанческое движение необходимо изучать, тщательно анализировать, выяснять корни, его питающие. К повстанцам следует относиться гуманно. Взятых в плен несознательных дружинников распускать по домам или употреблять на общественные работы. Захваченных главарей не расстреливать, а оставлять до суда. Чинимые бандитами зверства над коммунистами протоколировать, фотографировать трупы замученных...»

Эту директиву-предупреждение члены Тобсевревкома сочли «горькой иронией» и, ссылаясь на «специфические условия Севера», стали расстреливать заложников. Среди жертв массового красного террора в Березове оказались: Добровольский Иван, Суровцев Дмитрий, Карсканов Михаил, Гурьянов Филипп, Охранов Алексей, Григорьев Алексей (единственный в крае образованный остяк, — А.П.), Оводов Тарас, Шахов Семен (местный культурный рыбопромышленник, — А.П.), Попов Николай, Равский Петр, Первов Михаил, Кушников Николай (тесть подпоручика Туркова и красный парламентар в Саранпауле, — А.П.), Кузьмин Григорий, Кузьмин Ларион, Поленов Александр...» Самых активных граждан Обского Севера после расстрелов сбрасывали под лед. Но террор лишь расширял масштабы и ярость восстания. Коммунистические отряды без сопротивления оставили Самарово и Сургут.

Из донесений повстанцев: «Самарово — штаб. Красные бежали из Сургута в ночь на 9 марта по направлению на Нарым. Их человек 60, вооружены, взяли женщину-врача, фельдшера, двух медсестер, весь наличный порох, дробь, оружие, разные товары, медикаменты, захватили до 150 лошадей и 70 ямщиков. Советская власть в Сургуте ликвидирована. Для преследования бежавших красных выступили отряды Третьякова и Гущина, последний сформирован из местных жителей численностью в 65 человек. Без боя заняты селения Банное, Широково, Галец, Локосово, где поймано 9 коммунистов из отступающего отряда красных. Они двигаются медленно, большим обозом. Наши ча-

сти чувствуют себя бодро и уверены в скорой ликвидации бежавшего отряда коммунистов...»

Повстанцы настигли красный обоз у деревни Вата (сейчас Нижневартовского района, — А.П.). В перестрелке погибли председатель Сургутского исполкома Горяев, его заместители Зырянов, Зорин и другие коммунисты. Обстоятельства их гибели и места захоронений неизвестны. Также неясно, где находились партийные и советские документы: в эвакуационном обозе, спрятаны в Сургуте или в других местах? Позднее эти документы искали не только Лопарев (если верить его воспоминаниям, он нашел их), но и органы госбезопасности. В 1937 году был арестован брат Антонина Петровича Зырянова — Николай Петрович, отступавший в марте 1921 года с отрядом сургутских коммунистов на Нарым. Следственное дело на него почему-то не сохранилось, но по сопроводительной записке к делу Лопарева можно предположить о проводимых между ними очных ставках.

Объединенные отряды березовских и самаровских коммунистов были разбиты повстанцами у деревни Карымкары. Как свидетельствовал Волков, «...много позднее через уцелевших участников боя удалось установить более или менее правдоподобную картину тех событий. Прибывший с отрядом в Кондинск, в ставку командующего Данилова, Сенькин проявил присущую ему партизанскую самостоятельность. Он собрал митинг, ругал на чем свет стоит бездеятельного Данилова и требовал незамедлительного наступления на врага. Трусливый и безынициативный Данилов не выдержал напора Сенькина и фактически передал ему

командование фронтом. Сенькин объединил под своим командованием все отступавшие к Кондинску отряды и приказал занять позиции в узком рукаве Оби с высокими берегами. Но когда показался противник, началась неразбериха. Сенькин командовал: «К бою!», другие кричали: «Надо отступать!». Под обстрелом противника начался митинг. Часть дружинников и красноармейцев залегла и отстреливалась, другие метались с места на место. Команды Сенькина никто не слушал — обнаружилась необученность наших отрядов и отсутствие у них воинской дисциплины.

Командир конных разведчиков, работник Обдорской продконторы Георгий Чазов пытался спасти положение. Вскочив на коня и крикнув: «Вперед, за мной!» — он с группой в 8—10 человек бросился на врага, но был убит наповал, а его группа разбежалась. Началась паника. Все бросились кто к подводам, кто в окружающий берега лес. Сенькин в тулупе, вооруженный, кроме винтовки и нагана, двумя гранатами, упорно отстреливался, но, оставшись с ничтожной кучкой сопротивляющихся, встал на лыжи и скрылся в лесу, бросив остатки отряда на произвол судьбы. Наши «вооруженные силы» побросали оружие, лыжи, теплую одежду и превратились в бегущую дезорганизованную толпу, не способную к сколько-нибудь серьезному сопротивлению...»

Что же такого героического совершил на Обском Севере Тихон Сенькин? За какие подвиги ему памятник и улицы с его именем?

Существует несколько версий гибели председателя Березовского исполкома. По свидетельству Волкова, «...спасшийся от бандитов Сень-

кин пробрался в дальние выловки на реке Казыме, но был выдан бандитам и доставлен в Березов. По рассказам очевидцев, его десять дней водили, как медведя, на цепи напоказ всему населению. Его избивали шомполами и плетьюми, подкалывали, прижигали раскаленным железом. Наконец, истерзанного, окровавленного и распухшего изрубили на площади на глазах толпы».

В книге очерков о героях революции в нашем крае «Сквозь грозы» утверждается, что Сенькина расстреляли в селе Чемаша, а после разгрома восстания его тело, на котором насчитали свыше тридцати(!) огнестрельных ранений, доставили в Березов и похоронили под гудки паровозов с красноармейцами (т.е. в мае 1921 года, — А.П.).

А житель этого села В.А. Селиванов, с которым мы искали колчаковский клад в верховьях Малой Сосьвы, в доказательство расстрела Сенькина в Чемашах даже показал мне стреляную гильзу от маузера, из которого был произведен контрольный, смертельный выстрел.

Но официального расследования обстоятельств гибели Сенькина не проводилось, хотя, если верить приведенным версиям, свидетелей расправы с «красным хозяином Севера» предостаточно. Можно было бы установить непосредственных убийц и привлечь их к ответственности. Почему же не установили и не привлекли? Да потому, что расправа в мученических и героических тонах придумана в политико-воспитательных целях. Сенькин был убит в неразберихе столкновения у Карымкар.

Неизвестно, чья пуля нашла бывшего политкаторжанина. Есть показания Варлаама Со-

сунова: «Наша рота участвовала в бою против красных под дер. Карымкары. С нашей стороны был убит один. Со стороны красных я лично видел у дороги два трупа. Слышал, будто бы было убито и взято в плен много красных, но сам не видел. А с Сенькина золотые кольца и часы снял Евсеев...»

Кто такой Евсеев? С пленного, но еще живого, или уже с мертвого командира красных отрядов досталась повстанцу золотая добыча? Нет ответов на эти важные вопросы. Как нет в чекистских документах 1921—1922 годов внимания и почтения к трагической по-своему судьбе председателя Березовского исполкома. Можно только предполагать, состоялись ли в Березове торжественные похороны и кто в таком случае был там похоронен.

По воспоминаниям Волкова, после разгрома красных отрядов у Карымкар «Тобсеввоенревком издал приказ об эвакуации из Березова, кроме людей, также валютных ценностей и дорогого технического имущества. В том году там застрял во льду гидрографический пароход «Орлик». Чтобы не дать повстанцам возможности использовать его весной для боевых действий, мы приказали снять с него золотники и другие части двигателя и надежно спрятать их в потайном месте. Был назначен начальник эвакуационной части — уполномоченный Тюменского губпродкома в Березове Сирота». Запомним это имя.

Полярная ночь

Сдав без боя Кондинск и Березово, Тобсеввоенревком стал, по воспоминаниям Волкова, «думать о местных задачах: спасении сотен жиз-

ней и значительных валютных ценностей Тобольского Севера. Мы стали готовиться к эвакуации беженцев и ценностей уже из Обдорска, не представляя себе ясно путей этой эвакуации...»

О размерах этих ценностей можно также судить со слов Волкова: «...Помню, в первый же день после приезда березовцев (т.е. 21 марта, — А.П.) я забежал за чем-то в здание финотдела. Там комиссия во главе в Пензиным, уездным политбюро (т.е. председатель Березовской уездной ЧК), пожилым и лысым петроградским рабочим, самым старым из нас по возрасту и партийному стажу, принимала и проверяла золотой фонд, в том числе и обдорский.

— Смотри, сколько здесь добра! — сказал мне Пензин и начал открывать поочередно шесть небольших деревянных ящиков, стоявших рядом. Они были доверху наполнены золотыми и серебряными вещами: карманными часами, браслетами, кольцами, подстаканниками, ложками, медальонами... В ночь на 23 марта первый транспорт под командой Филиппова выступил из Обдорска на Щучью реку на зимовки Слободского и Терентьева. С этим транспортом было эвакуировано большинство ценностей в виде пушнины, золотого фонда и бумажных совзнаков...»

Однако Филиппов в показаниях, датированных 1937 годом, подтвердил лишь наличие пушнины. Золотые и серебряные вещи, в их числе часть ценностей сибирского Белого движения, доставшаяся Сенькину от Зырянова и Валенто в обмен на ляпинский хлеб, были отправлены двумя обозами за Урал.

Этот маршрут, по словам Волкова, предложили «трое пожилых зырян, пострадавших от белых.

— Осип Петрович, — сказали они, — мы к вам по важному делу. Говорят, что вы думаете и нас всех отправить на Щучью реку. Но там же того... жить негде. Всего две зимовки. А ведь народу-то наберется страсть сколько! Только беженцев понаехало душ полтораста... А наши здешние... Вот мы, ижемские, бежали сюда от белых... шестнадцать семей. Нам невозможно здесь оставаться...

— Что вы предлагаете?

— Мы так думаем: за Урал надо податься, на Усу.

— Зимой через Урал?

— Так что ж: мы зимой прошли, в январе... пешком. Тут есть перевал на Ошвор. Мы знаем дорогу — проведем хоть тыщу людей.

— Беретесь?

— Головой ручаемся! Тут способно. По Усе есть деревушки. Пойдем на Петрунь, а то и на Усть-Цильму. А на Щучьей, там нас окружить могут, отступать некуда...

— Дельное предложение!

Возражений у Протасова и других членов Тобсевревштаба (Тобсеввоенревком был переименован в Тобсевревштаб 20 марта после прибытия в Обдорск всех разрозненных коммунистических отрядов, — А.П.) не было.

Во главе первого транспорта за Урал стал сам начэвак Сирота. Ему же персонально была доверена для сдачи властям Архангельской губернии часть пушнины и золотого фонда... Сирота в полной военной форме и хрустящей пор-

Обдорский чекист А. Пензин.

1921 г.

тупее держался с большим начальственным апломбом. Но видно было, что он и не нюхал войны, а сидел где-то в глубоком тылу, в продкоме. Его помощник Туркель, горячий и несколько наивный парень, наоборот, исколесил с Красной армией Украину, Дон, Крым, дрался с Деникиным, Скоропадским, Петлюрой, Врангелем, Махно... Этот знал, чем пахнет порох... По предписанию Тобсеврештаба я выдал в распоряжение начэвака весь наличный запас спирта-ректификата, имевшийся на радиостанции — десять ведер.

Утром 23 марта обоз в полтораста нарт и запасной косяк оленей в пятьсот голов тронулся по направлению к Уральскому хребту через Лабытнанги.

Второй транспорт должен был возглавить чекист Сосунов, а с ним Антонина Протасова, сестра Протасова, ставшая женой Сосунова...

В связи с предстоящей эвакуацией по приказу Протасова, согласованному с Глазковым и Даниловым, ночью 15 марта расстреляли девять заложников: «Все равно девать нам их некуда», — с нехорошей улыбкой произнес Протасов.

Жестокий расстрел безвинных людей вызвал защитные действия со стороны зырян, бывших фронтовиков мировой войны, духовенства и интеллигенции Обдорска.

По книгам Бударина, «17 марта обдорские кулаки и торговцы захватили в городе почтово-телеграфную контору. В здании исполкома они предательски убили председателя Совета Королева, а в уличной перестрелке начальника милиции Глазкова. К вечеру коммунисты подавили вспыхнувший кулацкий мятеж». Подробностей «подавления мятежа» историк Бударин не привел, хотя располагал воспоминаниями Волкова.

Начальник радиостанции вел переговоры с Архангельском, «минут за десять до 12 часов дня, как в коридор с грохотом ворвались человек десять наших дружинников с криком: «Стреляют!» Впереди всех мчался Глазков в одном френче с пистолетом Кольта в руке. Я выбежал в коридор.

— Где стреляют? Кто?..

— Напали на почту, изрубили Оську Протопопова, политкома конторы...

Другие кричали, что за кладбищем лежит цепь противника, что на Оби по тракту к городу движется олений обоз.

— Обошли фронт! Прорвались в тыл!

— Спокойно! Это наши, местные, почтовики...

— Мы их, мать их, возьмем в оборот, — старался перекричать всех Глазков. — Приведите себя в порядок! Проверьте оружие! Вперед, за мной, цепью, — командовал он, а сам был бледен, как смерть, и нервно подергивал плечами.

На радиостанции было восемь трехлинейных винтовок и семь бойцов. Но в тот момент

налицо было трое радиоработников: Донской, Михайлов и я...

Глазков приказал Протасову охранять радиостанцию и стал строить отряд во дворе. Помню, нас всего было 13 бойцов. Я заскочил в аппаратную: там стояли Протасов с наганом и моя жена с «бульдожкой» (дамский револьвер, — А.П.) в одной руке и маленькой дочкой на другой.

— Александр Васильевич, я уйду, — сказал я тоном приказа. — В случае нападения на радиостанцию — рацию взорвать! — Передохнув, добавил: — Если через два часа я не дам никакого известия, то считайте, что мы все погибли... Тогда... тоже, — и показал рукой, — взорвать!

...Мы бежали цепочкой по Советской улице по направлению к ревкому. Глазков, бежавший первым, командовал: «За мной через два шага! К арестантскому дому. Они наверняка бросились освобождать арестованных...»

Зачем ему потребовалось это направление движения? В Обдорске все знали, что заложники были расстреляны сутками раньше.

На углу улицы Розы Люксембург, пересекающей Советскую, у здания ревкома я увидел, как в шагах семидесяти от нас со стороны улицы Ленина медленно движется толпа мужчин в малицах, человек 20—25, оружия у них как будто не было.

— Долой с улицы! Стрелять буду! — закричал я и, припав на одно колено, прицелился в них. Толпа шарахнулась в сторону и скрылась за углом дома старчества.

Тревожно гудел набат, где-то стреляли... Так мы добежали до площади перед деревянной

церковью, где была каталажка. Вдруг нас обстреляли.

— Ложись! — закричал Глазков.

Рядом со мной упал наш дружинник Терентьев, сраженный наповал. Мы залегли и стали отстреливаться, хотя противника не было видно.

— Не тратить зря заряды! — громко шептал Глазков. — Они во дворе райрыбы... Их надо окружить.

К нам присоединились Филиппов, Сергиенко и еще кто-то. Разделились на четыре группы. Я, Филиппов и Ефим Дьячков попали в группу Глазкова. По Советской улице пробежали в проходной двор расстрелянной заложницы Бронниковой, где помещались казармы отряда милиции, а оттуда через забор соседнего дома, где была сама милиция и жил Глазков.

— Не ходите в ворота! Я обойду их, — крикнул Филиппов и перемахнул в соседний двор.

Но Глазков, чуть передохнув за забором, вдруг стремительно вылетел из ворот с поднятым пистолетом.

— Ни с места! Стрелять буду! — только и успел крикнуть он, направляя куда-то кольт. Громко звякнула пуля. Глазков упал посреди улицы, схватившись за правый бок. На кобуре его колта зияла большая дыра, а из-под руки лилась кровь. Я поскользнулся и упал — это меня спасло. Над головой щелкнула пуля — второй выстрел целил в меня. Падая, я видел, что в щели противоположных ворот дома Карпова торчит ствол боевой винтовки, а над ним усатое лицо в капюшоне малицы. Это были братья Каневы по прозвищу Нерьяки...

Я приподнялся над забором и выстрелил. Быстро перезаряжаю трехлинейку. Затвор не закрывается до отказа. Рванул его обратно — патрон вышел, но без пули: она осталась в стволе. Дикая паника овладела мною...

— Ефим, есть у тебя шомпол, — бросился я к Дьячкову. Шомпола у него, как и у меня, не было. Мы бросились обратно по сугробам во двор казармы.

В большом зале дома Бронниковой в разных положениях у стен, по углам, на койках притаились десятка полтора подростков-комсомольцев из нашего отряда внутренней охраны. У многих из них были охотничьи берданки, но они не стреляли: боялись или не имели патронов.

— Найдите мне шомпол или хоть проволоку! — иступленно завопил я, вбежав в помещение. Все бросилось куда-то: нашли где-то измятый кусок телеграфной проволоки, разогнули, выправили молотком. С помощью Дьячкова я выбил из ствола пулю. Оказалось, что второпях я сунул в патронник самодельный патрон. Баббитовая пуля оказалась толще нужного калибра и прочно застряла в канале ствола...

Я собрал мальчишек, вооружил их чем попало и расставил их у ворот изображать вооруженную охрану.

— Глазков убит! Командовать отрядом буду я.

Тут мне вспомнился мой приказ Протасову. Посылать для связи бойцов — нецелесообразно. Выбрав мальчишку-зырянина, порасторопней на вид, я велел ему оставить ружье (в вооруженных стреляли), пробраться на радиостанцию и сообщить, что мы живы и тесним врага...

— За невыполнение — расстрел!

...Со двора райрыбы я послал на радиостанцию второго мальчишку — русского... Стало уже темнеть, но из моих посланцев ни один не вернулся.

— Донской, пойдешь на радиостанцию. Узнай о положении. Окажи, если нужно, помощь. Живее!

Донской побежал выполнять приказ. Потом выяснилось, что посыльные мальчишки, перепуганные перестрелкой, попрятались по домам... Мы потеряли противника. Где-то изредка стреляли. Спускалась ночь. Надо было собираться в кучу. Двинулись к зданию ревкома... В пути встретили запыхавшегося от бега Донского.

— Ну, как там?

— Ничего! На радиостанции теперь благополучно. Они чуть не взорвались... Товарищ Протасов передает привет. Он убил Вергунова, начальника почты, за нападение на Протопопова... А в ревкоме засел Витязев, секретарь исполкома. Он зарезал Королева и Колосова. Говорят, он без винтовки, только с ножом...

Мы бросились к зданию ревкома.

— Окружить двор! Никого не выпускать! Донской — за мной!

Дверь оказалась запертой, внутри ни звука.

— Открой! — забарабанили в два приклада.

— А кто? — жалобный писк за дверью.

— Отворяй, сволочь! Стрелять буду!

Громыхнул засов. Донской рванул дверь. Перед нами стоял наш постовой милиционер, в руках у него винтовка со штыком.

В боковой комнате (там помещался ЗАГС) лежал ничком грузный труп Королева, члена

волревкома и председателя «тройки» по учету и распределению у богатеев добра. Он вступил в партию после известия о начале восстания. Учитывая его стаж царского ссыльного и колчаковского заключенного, мы приняли его сразу в члены РКП без прохождения кандидатского минимума (в некоторых публикациях о событиях 1921 года на Обском Севере Королева неправильно называли председателем Совета, — А.П.).

Раненого Колосова я не видел — он был в другой комнате. Влетел в зал, где помещались общий отдел и секретарь волревкома, — там полно народу. Отсиживаются.

— Где Витязев? — заорал я зверем.

Онемевшие обыватели в страхе забились в проходах меж столами. У стены прижались две юные машинисточки, белее снега, дрожат...

— Где Витязев? — мушка моей винтовки метнулась в их сторону.

— Т... т... там! — выдавила Маруся Мамеева. Глазами и подбородком кивнула влево, в сторону коридора, ведущего в кухню.

Я — резко туда. Толпа шарахнулась в сторону... Витязев сидел в углу — тяжелый, коренастый, с сизо-красным лицом и безумными глазами, растопырив локти и колена, как зверь перед прыжком. В руке его торчал широкий кухонный нож.

Вдруг он броском кинулся в мою сторону, головой вперед, очевидно, хотел сбить меня с ног. Я выстрелил. Пробитый пулей насквозь от плеча, Витязев плюхнулся мне под ноги. Почти одновременно, уже в спину нападавшему, выстрелил Донской. Но враг еще трепыхался, стараясь встать на четвереньки...

В остервенении я звезданул его прикладом по голове. Хряпнул череп, брызнула кровь и мозги... а приклад отлетел в сторону. Толпа от наших выстрелов метнулась в заднюю дверь. Но у крыльца Михайлов.

— Куда?.. Назад! — он выстрелил под ноги бегущим. Люди — по сторонам. Осталась девочка лет двенадцати, раненная им в ногу.

— Ничего, дяденька, не больно!

На стрельбу сбежались все наши бойцы. Перед ними я — со стволом винтовки в одной руке и с отломленным прикладом в другой.

— Мастера, почините мне приклад! Женщины, перевяжите девочку!

Через минуту Донской сбивал и обматывал проволочкой отбитый приклад моей верной трехлинейки. Девочку перевязали и увели. Она чему-то смеялась...

Вихрем с наганом в руке влетел Протасов.

— Что здесь происходит?

Я указал на распростертый на полу труп Витязева.

— Вот... убил Королева. А Колосов ранен.

— Молодцы, ребята! Поздравляю с победой! — крикнул Протасов.

Я вдруг почувствовал смертельную усталость. Стало нечем дышать, потемнело в глазах... и я повалился на лавку у стены.

— Э, да с тобой, брат, совсем неладно! — наклонился надо мной Протасов. — Живо в постель! Ребята, ведите его в мой кабинет.

Меня поволокли в соседнюю комнату и уложили на кушетку. А в коридоре звенел вдохновенный голос Протасова.

— Слушать мою команду! Очистить помещение от посторонних! Женщины! Накормить бойцов горячим! Достаньте хлеба и мяса! Убрать этого гада во двор! — пнул ногой труп Витязева.

Минут через десять все уплетали за обе щеки жирный суп, оленину, белый хлеб. Им прислуживали женщины во главе с Ниной Ивановной Телицыной, нашей завженотделом.

Потом Протасов снарядил группу под командой Михайлова — занять телеграф и восстановить связь с Березовым. Я пытался вмешаться в его приказания.

— Молчать! Лежать два часа! Я сейчас командир! — заорал он на меня, потрясая револьвером. Спустилась ночь: тяжелая, темная...

Пока я лежал на кушетке, Протасов рассказал мне о том, что произошло на радиостанции в первые часы восстания.

...Не успел он запереть дверь, как в аппаратную влетел метеоролог Сухи.

— Ты зачем? — бросился на него с наганом Протасов. Тот смутился, бормотал, глядя в пол.

— Я... я прибежал к вам на помощь.

— Врешь, бандит! В угол! На колени!

Из машинной прибежал моторист Толстухин. Протасов приказал ему отвести Сухи.

— В городе стрельба! Это — восстание!

Протасов не мог успокоиться... Заложив наружную дверь на палку, нервно курил, бродил по темным комнатам с наганом в руке, прислушиваясь к звукам снаружи.

Звонил, нервируя, набат, слышались иногда отдаленные выстрелы... Вдруг где-то рядом грохнуло: пуля, пробив ставню и стекло, шлепнулась в стену аппаратной.

— Что такое? Нападение? — Протасов бросился к двери.

В дверь снаружи отчаянно стучали... Кто-то кричал: «Откройте, мать вашу!»

— Прочь! — исступленно орал в ответ Протасов. — Уложу каждого, кто ворвется!

Потом влетел в аппаратную.

— Маруся, ты готова умереть?

Моя жена стояла посреди комнаты с ребенком на руке.

— Готова! — едва слышно прошептала по синевшим губам.

— Сейчас будем взрываться!

В предчувствии возможности местного восстания мы подготовили радиостанцию к взрыву. В колодцы печей аппаратной и аккумуляторной (их перестали топить) было заложено по мешку черного пороху. Здесь же двухведерная бутылка денатурата и пудовый бидон бензина. А во дворе стояли бочки — пудов двести — с керосином и машинным маслом, в амбаре — семьдесят пудов бензина и десять ведер чистого спирта. Достаточно было одной спички, чтобы все вспыхнуло и взлетело на воздух.

— Что здесь разбивать? — схватил тяжелый колун Протасов. — Нет, не успеть! Буду зажигать! Приготовиться! — хрипел он, бледный и страшный.

— Спички! Где спички? — он шарил по всем карманам брюк и френча и кое-как нашел коробку. Чиркал спичками, но те ломались и отлетали.

— А, черт!!! — сильно дернув рукой, обожженной загоревшейся стопкой спичек, Протасов стукнул локтем по личику ребенка и разбил ему носик. Девочка залилась криком.

Протасова словно током ударило. Он бросил горящие спички на пол и затоптал. Его глаза наполнились ужасом.

— Маруся! Ну, мы погибнем по долгу, а за что же ребенок? Нет! Не дам...

И он бросился снова в сени, выставив вперед наган.

— Не пройдет, мерзавцы! Через мой труп! А в дверь продолжали барабанить. Маруся выбежала в сени и узнала голос Тушкина.

— Александр Васильевич! Это как будто наши... Тит Иванович...

— Что? Не может быть! Тит, ты?

Протасов вырвал с петель заломку, отодвинул засов. Радист Тушкин, ругаясь, промчался мимо него в аккумуляторную. Следом за ним — электромеханик Сарапу и моторист Винегр: в аккумуляторной под стеллажами хранились их винтовки и патроны.

Они дежурили на радиостанции с 12 часов ночи до 6 утра, а потом спали в своих комнатах в доме Машеева на противоположном конце улицы Советской. Разбуженные набатом, бросились к радиостанции и наткнулись на засаду: со двора мелкого буржуйчика, кажется, одного из многочисленных Терентьевых, выбежали двое с ружьями наперевес.

— А, попался, большевик, — закричал один из них на Тушкина и выстрелил. Бывалый в перестрелках балтийский моряк упал на землю и тем спасся от пули. Вскочил и зигзагами бросился наутек. За ним эти двое: стреляли, да мимо. Одна из пуль и попала в окно радиостанции, послужив причиной переполоха, чуть не сгубившего весь Обдорск. Взрыв и пожар на ра-

диостанции уничтожили бы дотла деревянный городок.

Схватив винтовки, ребята выскочили во двор. Двое бандитов топтались у ворот радиостанции.

— Говнюки, стрелять не умеете! — крикнул им Тушкин. — Теперь я вам покажу, как наши стреляют. — Те бросились назад.

Тушкин выбежал на дорогу, прицелился с колена. Щелкнул выстрел: один бандит упал, второй продолжал бежать — у Тушкина, как и у меня, застрял в стволе самодельный патрон.

— Сарапу, стреляй!

Электромеханик прицелился и выстрелил — мимо. Тушкин выхватил у товарища винтовку. Выстрелил: бандит, добежавший уже до крыльца ревкома, свалился носом в землю. Пуля с расстояния больше двухсот шагов попала ему в затылок.

Атмосфера на радиостанции разрядилась. Протасов вспомнил о Сухи. Когда ребята вошли в машинное отделение, то увидели: в углу на коленях с поднятыми вверх руками стоял трясущийся метеоролог, а против него с винтовкой на изготовку Толстухин.

— Не шевелись! Руки вверх! — кричал он при каждом движении арестованного. Пленника заперли в холодную кладовку, а Толстухин присоединился к товарищам.

Кто-то привел арестованного на улице начальника почты Вергунова, говорили, что он участвовал в нападении на Протопопова. Но Протасов снова впал в состояние болезненного возбуждения. Завидев Вергунова, он выбежал из радиостанции и застрелил его под окнами, даже не спросив, зачем привели...

Сумасшествие

После разгрома сводных коммунистических отрядов у Карымкар и оставления красными Кондинска и Березова повстанцы не спешили к Обдорску. Опасаясь удара регулярных войск в свой тыл со стороны Урала, они прорвались по Сибиряковскому тракту на Среднюю Печору и легко захватили Усть-Щугор. В Саранпауле им достались все еще немалые запасы ляпинского хлеба. Восстание распространялось на Чердынь. Находившийся в Троицко-Печорске красноармейский гарнизон численностью в 863 штыка, по донесениям политработников, был ненадежен и мог присоединиться к мятежникам. Советские власти на Печоре срочно затребовали помощь. Под Савинобором разведгруппа красных попала в засаду и была частично перебита, однако дальнейшие военные действия показали явное превосходство красных в численности и вооружении. После упорного боя под Усть-Щугором, во время которого все село несколько часов обстреливалось из пулеметов, часть уцелевших сибирских повстанцев отступила из Печорского уезда обратно за Урал. Узнав о расстрелах заложников в Обдорске, они повернули на север. Тогда же, чтобы не распылять силы, повстанцы не стали преследовать группу беженцев из Березова численностью до 50 человек, состоящую в основном из женщин и детей, возглавляемую Кузьмой Коровьи-Ножки, принимавшим в 1907 году участие в организации побега из Березова следовавшего в обдорскую ссылку «будущего вождя всех революционных вооруженных сил большевистской власти» Льва Давидовича Бронштейна-Троцкого. Беженцам уда-

лось проскочить село Чемаша, расположенное на Тобольском тракте, и оттуда шла дорога на Никита Ивдель. Потом — в Екатеринбург и в Тюмень. Из Тюмени, уже пароходом, березовские беженцы прибыли в Тобольск, оставленный повстанцами 8 апреля. Как считает югорский писатель Коняев, так была сохранена партийная касса березовских коммунистов, в которой не было «золотого фонда». Золотые и серебряные вещи вместе с остальным ценным имуществом пришлось эвакуировать в Обдорск. Другие тракты уже перекрыли мятежники.

Николай Иванович Коняев ошибся в продолжительности вооруженного выступления зырян-фронтовиков в Обдорске, мол, «обдорский мятеж был подавлен через полторы—две недели». Загадка для писателя: «почему о нем не предупредили отправлявшихся туда (из Березова, — А.П.) эвакуированных? Не смогли? Не успели? Понадеялись на то, что мятеж легко и скоро будет подавлен?» Ни первое, ни второе, ни третье. Душевнобольной (в полном смысле этого слова) Протасов-Жизнев, наоборот, ускорил процесс бегства из Березова в Обдорск, отправив «командующему» Данилову телеграмму: «У нас восстание! Бросай все и лети к нам на помощь!..»

После столкновения 17 марта в Обдорске, по воспоминаниям Волкова, «подводили итоги дня». Одна сторона потеряла семь человек убитыми и ранеными: «Протопопов, Оматов (его убили у конторы связи), Королев, Глазков, Н. Терентьев, Колосов, комсомолец Рочев — то есть половину своего боевого состава (не считая мальчишек-комсомольцев). Бандиты, — считает Волков, — понесли не меньший урон: убиты Витя-

зев, Иван Конев по прозвищу «Трубка», начальник канцелярии почтово-телеграфной конторы (его застрелил Михайлов), двое «крестников» Тушкина, Вергунов, попадая (ее застрелил Дьячков, когда та перебежала площадь). На улицах валялось еще несколько трупов, не то мятежников, не то случайно попавших под пули. Еще расстреляли за нарушение воинского долга постового милиционера Чечурова, при котором Витязев ударом ножа в спину ранил молодого, но умного и энергичного члена волревкома Михаила Колосова (он потом умер), а затем зарезал вбежавшего в коридор Королева. У милиционера, правда, не было ни одного патрона, но против ножа Витязева он мог действовать штыком или прикладом. На вопросы, почему он допустил убийство двух руководителей, только икал — то ли притворялся, то ли действительно лишился языка.

Протасов писал приказы и донесения в губернию. В первой телеграмме в адрес губчека и комбрига 61-й бригады ВНУС (внутренней службы, — А.П.) по-военному сдержанно донес: «Сегодня в 12.00 в Обдорске вспыхнуло восстание кулаков. К вечеру восстание подавлено, но положение остается тревожным. Мы держимся». Дальше сообщались потери: наши и противника.

Вторая депеша была послана на следующее утро в губком партии. Также короткая, но торжественная: «Умирая на постах революции, мы приветствуем нашу славную коммунистическую партию и родное советское правительство. Будем стоять на своих постах до последней капли крови. В случае нашей поголовной гибели сообщить содержание депешы Центральному

комитету РКП(б) и Совету Народных комиссаров».

Впоследствии, — заключает Волков, — мы со стыдом вспоминали эту телеграмму». А должно было быть стыдно не за слова, а за творимый в Обдорске беспредел.

Он начался с доносов: «...вечером 18 марта в мою канцелярию вихрем влетела Маруся Семяшина, активнейшая из наших женщин-коммунисток.

— Осип Петрович! Все узнала! Нерьяк-Егорка, Нерьяк-Мишка, Нерьяк-Яшка, Фурлет-Ванька — главные. Они стреляли в Глазкова. Хотели убить товарища Протасова, вас, захватить радиостанцию... А Чупров-старик (подразумевался Дмитрий Чупров, местный милиционер, «король тундры») их вином поил.

Она с час перечисляла имена, передавала разговоры, слухи... А я слушал и записывал в свою записную книжечку.

Зырянские клички — Нерьяк, Фурлет, Ламдо и т.п. были для меня лес темный. Никого я не знал ни в лицо, ни понаслышке. Слышал только, что они не буржуи, а рядовые рыбаки, боевые фронтовики. Нерьяки — георгиевские кавалеры: Егор двух степеней, а Михаил — четырех (полный бант). То-то они так метко стреляли.

Постепенно выяснилась такая картина восстания. Мятежники, человек сорок, с ружьями под малицами собрались в доме Чупрова. По сигналу набата — это поручалось местному дьякону — они должны были тремя группами напасть на ревком, казармы наших бойцов и радиостанцию, чтобы перебить «головку»: Протасова, меня, Глазкова, Королева и Филиппова. Почтовики хотели занять

почту и порвать проволочную связь с Березовом. Они бросились на часового Обухова и убили его топорами, ломами и кольями. А «Трубка» и двое других проникли в аппаратную, где после ночного дежурства отдыхал политком Протопопов. «Трубка» тупым топором нанес ему четыре ранения в голову с повреждением черепа. Рассыльный Росляков бил его ломом, другие — чем попало. Но невзрачный на вид Протопопов оказался живуч. Схватив винтовку, он одного бандита проткнул штыком, другого ударил прикладом, потом, высадив оконные рамы, выпрыгнул в окно. Босой и окровавленный прибежал в наши казармы в доме купчихи Бронниковой и поднял тревогу.

Группа под командой Нерьяка-Егора (старшего из братьев), которой поручалось захватить ревком и убить Протасова, по дороге встретила Ивана Королева. Нерьяк-Мишка ранил его двумя выстрелами в спину. Но Королев добежал до здания ревкома. Там его увидел Витязев и добил. А Нерьяки вступили в перестрелку с нашим отрядом и сразили Глазкова. Третьей группе человек в двадцать поручалось захватить радиостанцию. Но эту толпу я, угрожая выстрелами, заставил повернуть обратно. К ним должны были присоединиться те двое, которые гнались за Тушкиным и получили от него смертельные пули.

Бандиты ошиблись в главном: напали на Протопопова до набата (сигнал) и, упустив свою жертву, дали нам возможность собраться вместе. Мятежники знали цену наших трехлинеек и побаивались их. Сами они были вооружены охотничьими двустволками, а некоторые — только топорами. Но среди них были опытные солдаты-фронтовики, а у нас только у меня был

небольшой военный опыт, да Тушкин и Михайлов бывали раньше в боях.

Потерпев неудачу, повстанцы больше не предпринимали никаких действий. Поутру я начал... аресты и суровую расправу над всеми, кто участвовал в мятеже или помогал мятежникам прямо или косвенно.

Протасов объявил свирепый приказ Тобсеввоенревкома, в котором население извещалось о попытке контрреволюционных элементов поднять восстание и истребить всех борющихся за Советскую власть... «На удар мы ответим двойным ударом, — говорилось в приказе. — За каждую каплю крови наших товарищей буржуазия заплатит потоками своей черной крови, за каждую голову — сотней своих голов. Смерть буржуазии!» Населению приказывалось помогать нашим армейцам вылавливать и уничтожать повстанцев... пособников и укрывателей...

В первую очередь я начал охоту за главарями братьями Каневыми-Нерьяками и Фурлетом-Ванькой. Домишки Нерьяков окружили патрули-двойки Донского и Михайлова, но встретили там вооруженный отпор. Наши залегли и стали подбираться к противнику, но, когда подползли к домишкам, там никого не оказалось. Как среди дня ушли бандиты, так и осталось не выясненным. Не нашли и Фурлета...

В числе первых были расстреляны три женщины — жены Нерьяков и «Трубки». Первой привели жену «Трубки», маленькую, нечистоплотную женщину, в отличие от большинства зырянок, блиставших подчеркнутой красотой и опрятностью.

— Будьте вы прокляты! — вопила она на всю улицу. — Вы убили моего мужа, оставили детей

сиротами! Убейте и меня! Я вас проклинаяю! Вас бог накажет! — И рвала на себе волосы.

Я сказал конвойному: «Выполни ее просьбу, а с богом мы поговорим особо!» Двух ее маленьких детей мы отправили в детдом и дали им новую фамилию — «Советские».

Долго и с жестоким пристрастием, угрожая винтовкой и кольтом, я допрашивал жену Нерьяка-Егора, полную зырянку с лицом женщины и горящими глазами фанатички.

— Говори, где муж?

— Не знаю.

— Скажешь? — приставляю ей дуло к груди.

— Не скажу! — и крестится, шепча молитву.

— Застрелю!

— Стреляй! Ничего не скажу!

Я застрелил ее сам — в затылок.

Не забыть мне молящего лица стройной красавицы, жены Нерьяка-Якова, и ее застывших от ужаса глаз. Она пришла на казнь, как в церковь: нарядная, сосредоточенная, какая-то потусторонняя. Не верила в смерть. Но упрямо через переводчика повторяла: «Не знаю... Ничего не знаю...» Я приказал расстрелять и ее...

Забыты мною имена многих участников мятежа из моей записной книжки — они мелькнули в моей памяти, подобно метеорам. Одного из мятежников, стрелявших по мне на улице, привел Сарапу! Увидев меня, бандит задрожал всем телом, застучал зубами и... внезапно бросился прочь огородами по сугробам.

— Стреляй!

Сарапу был замечательным электриком и хорошим коммунистом, но стрелял плохо. Два выстрела — мимо! Я вскинул винтовку: как на утку

— влет. Выстрелил — и бандит, подпрыгнув, ткнулся носом в снег близ радиомачты, откуда накануне он стрелял в меня и Дьячкова. От него сильно воняло.

В больницу явился бандит, нападавший в числе других на Протопопова и проколотый им штыком. Ему оказали помощь, но одна из наших медсестер-комсомолок слышала, как доктор Богословов сказал тихонько фельдшернице: «Штыковая рана!» — и донесла нам. По моему приказу Дьячков вывел бандита в поле и прикончил. Затем он был послан арестовать Котовщикова, линейного механика почтово-телеграфной конторы. О нем я получил ночью сведения, что он был среди убийц Обухова и Протопопова (последний выжил). Но Дьячков не довел арестованного: убил его дорогой выстрелом в спину.

— Он хотел бежать, — путано объяснил, и по его лицу было видно, что врет. Не довел Дьячков и кого-то третьего.

Привели бандита по фамилии Бабилов, раненного нами в перестрелке. По этой ране его и опознали: он лежал дома на печке и притворялся больным. Вопрос был ясен, и я приказал Толстухину свершить над ним расправу.

Еще с ночи я получил сведения, что в колокол звонил дьякон Новицкий, а сейчас он вместе с женой заперся в каменной церкви. Арестовать его были посланы Филиппов с Дьячковым и Кесарем Поленовым. Они что-то замешкались, а я был занят допросами и расправами. В записной книжечке против фамилий появлялись отметки: «Расстрелян!..» или «Арестован до выяснения».

Часов в двенадцать Тушкин с Винегром привели Терентьева, грузного краснолицего стари-

ка, организатора нападения на Тушкина и его сына-юношу, участника этого нападения. Старик упирался, хватался за малицы конвойных и истошно орал: «Ой, убива-ают! Ой, спасите!..» Я выскочил к воротам с кольцом в руке.

— Молчать!!!

Вдруг в этот момент опять мелко-мелко зазвонил набат в каменной церкви. Послышалась отдаленная стрельба. Поднялась общая тревога, все схватили оружие и высыпали во двор. Откуда-то взялся Протасов.

— Набат?.. Опять восстание?.. — он шарил рукой в кобуре нагана.

— Замолчи, бандит! Убью! — зверем наступал я на старика. Тот приседал, старался схватиться рукой за ствол моего страшного пистолета и вопил пуще прежнего. Выстрелом в грудь я повалил его, а вторым, в висок, прикончил. Две струи пунцовой крови фонтаном били из него, как из хорошего буйвола. Рядом кто-то пристрелил его последыша, также поднявшего смертельный вой.

— Занять боевые позиции! Узнать, почему набат! — командовал я своему «гарнизону» из десятка штыков. На помощь Филиппову были посланы Донской и Тушкин. Вскоре они вернулись и рассказали, что дьякон с женой затворились в колокольне, а услышав угрозы Филиппова, снова ударили в набат. Наши разозленные бойцы стали стрелять по бойницам колокольни. Филиппов спрашивал запиской, что делать с дьяконом. Я ответил, что его надо снять любым способом и, если потребуется, то взорвать колокольню (в райрыбе хранилось несколько пудов пороху). Но Филиппов, прозванный туземцами-кочевниками «хитрым зырянином»,

поступил по-другому. Подобравшись с патрулями под колокольню, он вступил с дьяконом в «дипломатические» переговоры.

— Слышь, дьякон, слезай, а то плохо будет!

— А ты меня не убьешь?

— Ей-богу, нет!

— Не верю! Ты в бога не веруешь!

— Вот честное слово!

Молчание.

— Нет, боюсь... — и дьякон снова начинал бить в колокол. Набат то затихал, то возобновлялся. Я выходил из себя от злости. Моя операция по очистке города от бандитов уже подходила к концу: в списке обреченных все меньше оставалось фамилий без отметок: «Взят. Расстрелян». Принесли опять записку от Филиппова: «Дьякон требует от тебя сохранить ему жизнь». Отвечаю резолюцией: «Дать такую гарантию». Еще полчаса ожидания. Новая записка: «Дьякон взят. Что с ним делать?» Пишу красным поперек текста: «Расстрелять!»

Дьякона вместе с его верной подругой поставили к стенке церкви и отправили на тот свет.

Поздно вечером в аппаратной радиостанции состоялось заседание райкома партии. Протасов поздравил нас с пятидесятилетием Парижской коммуны и сделал короткий и содержательный доклад о героизме французских коммунаров. Вторым стоял вопрос о приеме в партию — подали заявления моя жена Маруся Волкова и моторист Альбин Винегр...

После заседания ужинали жирнейшей ухой из огромного десятипудового осетра. Его еще раньше привезли с устья Оби замороженным. Хотели отправить в Москву «самому товарищу

Ленину», как мечтал наш завхоз Ваня Филиппов. Но из-за восстания пришлось отдать на съедение нашему «гарнизону» (видимо, это самый крупный осетр, выловленный в нашем крае, — из него, по словам Волкова, вынули около трех пудов икры; официально зафиксированный рекордный вес осетра — 105 кг — его поймали в 1946 году на Иртыше под Тобольском; зампред правительства Микоян разрешил сделать из этой рыбы чучело для местного краеведческого музея, а ее тушу и икру зачли в план заготовки особо ценной рыбы, — А.П.).

От запаха вареной осетрины, лука и перца я почувствовал мучительный голод. Больше суток ничего не ел, а только нещадно курил самосад. На многих бойцах стало сказываться общее утомление и длительное нервное напряжение. Люди засыпали стоя. Во сне кричали. Один мальчик-комсомолец ночью бросил ружье и с диким воем убежал с поста — его нашли дома в нервной лихорадке. Второй малец, забытый на дальнем посту у задней радиомачты, простоял там шестнадцать часов подряд. Когда о нем вспомнили, он спал. Его трясли, кричали в уши, бросали комья снега под рубашку — не проснулся. Унесли его домой, он проспал еще часов двенадцать, а проснувшись — помешался.

У нашего председателя Тобсеввоенревкома Протасова тоже обострились признаки нервного расстройства. Он начал заговариваться, терял мысль, беспричинно плакал. Его уложили в постель, приставили сиделку — мою Марусю. Только ее он слушал, остальных «гнал к чертовой матери».

Ночью я продолжал свою следственную и судебную работу. Уже не посылал никого арестовывать и свою страшную книжечку положил в карман. Но мне все вели и вели людей под штыками: не уличенных чем-либо в участии в мятеже, а тех, кого считали пособниками и укрывателями...

Наша неутомимая разведчица Семяшкина дозналась, что «король тундры» Дмитрий Чупров с сыновьями скрывается у себя дома в тайнике под полом. Еще затемно 19 марта я снарядил целую экспедицию — семь человек, чтобы захватить их живыми или мертвыми... Часа два длилось напряженное ожидание. Наконец дозоры сообщили: «Идут! Ведут!»

В свинцовом тумане рассвета показалась большая группа людей, одетых в малицы. Вели пятерых мужчин и четырех женщин. Стояла жуткая тишина. Их взяли в подземном тайнике, искусно скрытом под полом амбара и заваленном дровами. Там же фонари для освещения, теплые постели, запас продуктов, но оружия не было.

Женщин я допрашивать не стал: достаточно с меня тех трех... Передо мной шеренгой на снегу на коленях пятеро в малицах. Благообразный грузноватый старик лет шестидесяти с лицом иконописного спасителя и холеной бородкой. Он казался совершенно спокойным, лишь молитвенно сложил руки на груди крест накрест. По сторонам его сыновья, статные ребята с сытыми лицами в возрасте 22–25 лет. Все одеты в новые малицы с дорогими гарусными накидками стального цвета и в художественно украшенные унты. Двое остальных — маленький тощий мужичонка

и юноша лет восемнадцати — бедно одетые работники. Я велел отодвинуть их в сторону.

— Ну, почтенный отец, — обратился затем к старику Чупрову, — расскажи, как ты учил православных стрелять в спину коммунистов?

— Ничего не знаю.

— Что? Не скажешь? — приставляю я дуло винтовки.

— Видит бог, ничего не знаю, — тем же смиренным тоном отвечает он.

— Нет, скажешь, собака! Пытать буду, по кускам резать! — беснуюсь я.

— Бог нас рассудит...

Нет, такого не сломить ни угрозами, ни пыткой. Взгляд мой мельком скользнул по фигуре младшего Чупрова. Из него едва ли много выжмешь — упитанный и глуповатый барчук... Все мое остервенение обратилось против старшего — смуглый, худощавый, с играющими желваками скул и глазами, горящими звериной ненавистью. Он, кажется, готов вцепиться зубами мне в горло. Сдерживает направленная на него винтовка.

— Скажешь, собака? — минут пятнадцать я бесновался около него: хлестнул шомполом по голове и по лицу, ударил стволом винтовки по плечу. На щеке вздулся кровавый рубец, рука повисла, а он — молчал...

— Довольно! Пора кончать! — раздался с крыльца повелительный голос Протасова. Он уже был на ногах: свежий, выбритый (когда успел), в костюме военного покроя с выпущенным воротником рубашки «апаш».

Я поставил семейку бандитов в затылок, на шаг друг от друга, и Сарапу одной пулей прон-

зил всех троих. Диким криком восторга приветствовала расстрел группа наших людей. Две женщины бросились обухом добивать еще шевелящихся врагов.

Освободившись, я зашел в каталажку. Там творилось нечто невообразимое. Стоя, сидя, на коленях (лежать было негде) разношерстно одетые люди стонали, выли, охали на все лады. Вонь стояла нестерпимая. Какая-то прилично одетая моложавая женщина вцепилась в полы моей меховой куртки, ползала передо мной на коленях и сквозь рыдания кричала.

— Родные, милые, за что? Всю жизнь на людей работала! Помилуйте!

Фамилия ее была не то Тележкина, не то Теляшкина. Откуда-то мне было известно, что она портниха, вдова. Рядом с ней всхлипывал и захлебывался от слез болезненный лысоватый человек лет 35, какой-то счетный работник райрыбы.

— Я рабочий! Шестнадцать лет трудового стажа... Был грузчиком, матросом...

Спросил их, за что они арестованы.

— Не знаем... заложники.

Оказывается, Глазков, расстреляв девять человек, взял новых заложников.

— Сейчас разберемся, потерпите еще немного.

Но Глазкова уже не было в живых — у кого спросить? А Протасов подписывал приказы об аресте заложников по определению того же Глазкова: «Люди сказывали. Ненадежный. Контра...»

Вдруг меня позвали. Конвой привел полного, коренастого мужчину в кожаной паре и стильных унтах. Интеллигентный вид, борода

клинышком «под Ленина». Это был тобольский этнограф и музейный работник Садовников.

— Меня арестовали в Хэ, — заговорил он обиженно и испуганно. — Говорят, меня расстреляют за то, что я был в партии социалистов-революционеров. Но ведь я давно порвал с ними — вот документы!

Садовников предъявил паспорт, мандат от какой-то влиятельной организации, удостоверяющий, что он командирован в Тазовскую тундру с научной целью, удостоверение члена Географического общества... Я вспомнил, что Протасов однажды действительно возмутился, как этот «прохвост» оказался в нашем тылу, и даже поручил кому-то арестовать его и доставить в Обдорск.

— Документы ваши в порядке, — сказал я Садовникову, — но я все же вынужден задержать вас до выяснения... Не я давал распоряжения о вашем аресте.

Я отправил его в каталажку, отобрав у него документы, семейную фотографию и вещи: часы с серебряной цепочкой, остяцкий нож, кошелек с деньгами, полевую сумку с записями. Отпустив конвой (они ушли разочарованными), я занялся своими делами. Вдруг с шумом ворвался бледный, трясущийся от бешенства Протасов. За его спиной торчали конвойные, приводившие ко мне Садовникова, и телохранитель Протасова — здоровенный детина из наших коммунистов Попов, по прозвищу «Большой».

— Как? — бесновался Протасов, потрясая наганом. — Освободить Садовникова? Эсера пожалел? Может быть, как бывшего товарища по партии?

Кровь бросилась мне в лицо. Да, я в 1917 году на фронте месяцев шесть был в партии эсеров и при вступлении в РКП(б) после работы в подполье при Колчаке делал публикацию в газете о разрыве с ними. Но упрекать этим в такую минуту... после этих трех дней?

— Товарищ Протасов! — зловеще зашипел я на него, сжимая рукоять кольца. — Прошу выбирать слова! Во-первых, я его не освободил...

Но он не слушал, а, повернувшись, вылетел обратно во главе своего эскорта. Схватив шапку, я бросился следом, но опоздал. Выбежав за ворота, я увидел, что Садовников раздетый, мертвенно-бледный стоит у дверей каталажки, а Протасов целится в него из нагана.

— Александр Васильевич!

Раздались два выстрела, и Садовников упал. Глаза у него вылезли из орбит. Попов штыком прикончил его.

— Что вы делаете?

— Я знаю, что делаю! — встав в величественную позу, заявил Протасов, — они нас пачками расстреливали в Тобольской тюрьме!

Вокруг собралась толпа любопытных. На беду в этот момент привели нового арестованного — рассыльного телеграфа Рослякова, дружка начальника канцелярии «Трубки». Росляков, как и «Трубка», жил очень бедно.

— Он убивал часового на почте! Бил ломом товарища Протопопова! Скрывался!...

Арестованный лязгал зубами и дрожал всем телом.

— Попался, негодяй! Ставь его к стенке! — гремел Протасов. Его глаза выражали безумие. Попов прикончил Рослякова...

С другой стороны подвели двух некрупных мужчин рабочего вида.

— Они были в толпе, нападавшей на ревком. Были с топорами в руках! — объяснил не помню кто.

— Да, да, их видели, — подтвердили из толпы.

Один был русский Собрин, другой — самоед Вануйто, оба плотники.

Протасов схватил Собрина за рукав рваной малицы и поставил под расстрел. Тот, только что видевший дикую расправу с предыдущими жертвами, трясся как в лихорадке, пытался что-то сказать, но не мог.

— Стреляй подлеца! — неистовствовал обезумевший Протасов. Я схватил его за наган, но выстрелил Попов — все было кончено.

Стали тащить к месту казни и Вануйто. Я обомлел.

— Что вы делаете? — бросился к конвойным. — Это же инородец! Самоед! — и вырвал его из толпы. — Надо же допросить!...

Но Вануйто почти не знал по-русски. Позвали Дьячкова; он поговорил с Вануйто, который отвечал совершенно спокойно, держа в руке никем не отобранный топор.

— Он говорит так. Мы работали на барже. Услыхали колокол. Думали пожар. Побежали: ведь на пожаре с топором надо. Видим, люди стоят — подошли. Тут стрелять начали. Мы испугались и убежали домой...

А взяли их с работы, они спокойно плотничали. Стало ясно — Собрин пал жертвой чудовишной ошибки. Потом Филиппов подтвердил, что оба были пролетариями и примерными работниками.

— Что же, бывают ошибки! — мрачно сказал Протасов, засовывая наган в кобуру. — А ну разойдись!

Рабочие горкомхоза увозили трупы расстрелянных — топить в Полуе. Но к утру 20 марта, когда в город вступил большой, человек семьдесят, транспорт эвакуированных из Березова и отряд Данилова человек в полсотни, на улицах кое-где еще валялись трупы повстанцев».

В разные стороны

О защите фронта никто из палачей не думал. Бежать! Оборона Обдорска, о которой утверждалось в некоторых публикациях о событиях 1921 года на Обском Севере, не существовало. Содержание пафосной телеграммы: «Всем, всем! Держаться нет сил. Отступаем. Наш прощальный привет Ильичу!» — выдумано партийными историками.

В книге «Чекисты» Бударин указал: «Первого апреля 1921 года последние защитники Обдорска ушли в безлюдную тундру на оленях через Полярный Урал, с женщинами и грудными детьми. Через скалы и пропасти. Иного пути не было. Обдорский ревком на нартах увозил из местного банка шесть ящиков золота...» При отступлении, похожем на бегство, перемешались и люди, и ценности.

Но до оставления Обдорска красный террор бушевал с еще большей силой. По воспоминаниям Волкова, «кровавые лозунги, которыми сыпал Протасов и в приказах, и в речах, быстро нашли подражателей и исполнителей. Начались самовольные расправы. Вечером 21 марта башибузукообразный Меликадзе, телохранитель

«командующего» Данилова, влетел в аппаратную радиостанции и, сделав салют своим кинжалом, лихо оттрапортовал Протасову.

— Товарищ председатель! Ваше приказание выполнено: пятерых застрелил, одного заколол!

Я вытаращил на Протасова глаза.

— За смерть наших товарищей, — сказал тот, — голова за голову. А надо бы десять (повернулся к Меликадзе), согласно приказа.

— Ты приказал?

— Постановил ревштаб... в узком кругу.

Было еще несколько случаев самочинных убийств. На них особенно падки Панов-младший и Пантелей Рябков — Пантя, балагур, шутник, матершинник и подхалим, мелкая сошка уездной ЧК. Он готов был «шлепнуть» хоть родного отца и сам напрашивался на исполнение расстрелов. Активных повстанцев было всего девять человек, но они скрылись. Кто-то донес, что их приют находится в юртах Лабытнанги в 12 верстах от Обдорска. Был послан отряд для поимки, но они снова оказали вооруженное сопротивление, а потом на оленях бежали в тундру. Со злости начались новые массовые аресты, откровенный грабеж обывателей и ночные попойки... В стороне держался Хорохорин, бывший сургутский военком. Я как-то спросил его, почему он — способный командир не смог организовать должного отпора врагу. Он уклончиво ответил: «Я был подчиненным человеком...»

Утром 24 марта от Протасова я узнал, что ночью расстреляны еще шестнадцать человек: все заложники, сидевшие в каталажке. Расстреляли их будто бы по приказу Тобсевревштаба, но никакого приказа и даже списка казненных

мне не показали. А среди работников радиостанции шли шепотком разговоры, что расстреливал Данилов со своим ближайшим окружением, причем в расстреле участвовал и сам Протасов. Все они при этом были сильно пьяные. В числе расстрелянных оказались Тележкина и лысоватый счетовод, которых я определенно считал ни в чем не виноватыми. Еще раньше я подозревал, что при отборе заложников Глазковым вносились какие-то сторонние, не политические мотивы. Лишь через год я узнал, что с Тележкиной у Глазкова было нечто вроде романа, и на почве ревности он «имел счета» к молодому Чупрову. А может быть, и лысоватый счетовод ему чем-нибудь помешал? Иван Иванович считался холостяком и не был лишен игривых настроений...»

Одна из улиц Салехарда носит имя Глазкова: первый начальник Обдорской милиции и погиб, как считалось, за «идею»...

Демонтировав радиостанцию, Волков в ночь на 25 марта в сопровождении Винегра отправился на оленях через зимовки на Щучьей реке и главную реку Ямала — Юрибей до Маре-Сале, круто обрывающегося в море мыса на западном берегу полуострова, где находилась еще одна военно-морская радиостанция с командой из шести человек.

«...Длинный кирпичный жилой дом, рядом поменьше — радиостанция, ажурная мачта, баня, деревянный барак — склад и поодаль метеорологическая площадка. Унылый до тошноты песчаный берег, свинцовое море, зимой до горизонта покрытое льдами, вечно хмурая погода. За сто верст вокруг ни человека, ни зверя... Люди

здесь жили изолированно от всего мира. Не слышали передач Москвы, ничего не знали о происходящих в Сибири событиях...»

10 апреля Волков увидел: «...С горы к нам легко катились нарты. На одной, запряженной тройкой оленей, на светло-золотистой медвежьей шкуре возлежал Протасов в шапке с большой красной звездой на лбу. Рядом с ним какая-то маленькая женщина, закутанная в малицу и пуховые шали. Протасов резво подскочил к нам.

— Будем знакомы! Протасов-Жизнев!

А это Маруся Мамеева... моя жена!

У меня захватило дыхание и колотилось от злости и удивления. Что значит этот приезд, этот опереточный маскарад, эта машинисточка из ревкома, купеческая дочка?

Протасов чувствовал себя явно не в своей тарелке: был приторно развязен и болтал всякую чепуху...

— Обдорск оставили первого апреля. Бегут наши «орлы». Основная масса, человек двести, направлена на Урал, туда же отступают по двум направлениям оба наших отряда под командованием Хорохорина и Сосунова, которые вместе с Сиротой составляют оперативную тройку Тобсевревштаба. Сюда, на Маре-Сале, движутся эвакуированные со Щучьей, Ванька Филиппов с пушниной. И еще набралось разного бабья да калек человек тридцать. Из вооруженных сил к нам отступает Данилов со штабом, человек с полсотни будет...

— А зачем Данилов? Он как командующий должен быть с основными силами...

— Какой он «командующий»... Да и не хотелось с ним расставаться — сдружились мы с ним...

Скоро среди нас появились Данилов со своим адъютантом Меликадзе и еще с кем-то из березовцев. Явились шумной ватагой, с развязностью хозяев завладели тесной кают-компанией. К ним немедленно прилип и Протасов. Целыми днями они слонялись по помещениям радиостанции, мешали радистам и мотористам, паясничали, сквернословили, а по ночам под охраной башибузука Меликадзе вели какие-то таинственные переговоры и устраивали попойки за счет каких-то неизвестных ресурсов. Числа с двадцатого апреля стали подходить транспорты с беженцами: ...какие-то неизвестные мне нарядно одетые молоденькие девицы. Среди них была вторая машинистка ревкома Оля Павлова, кругломордая и курчавая, как фарфоровая кукла.

— Это что за хари? — спросил я проводника, доставившего их в Маре-Сале.

— Даниловский гарем, — ответил тот, помолчав.

Потом появился Филиппов с большим обозом пушнины... обдорские коммунисты из старичков, женщины, отправленные раньше на Щучью речку, в том числе демьянская большевичка Евдокия Михайловна Доронина и елизарьевская — Фелицата Лазаревна Никифорова, обдорянки Телицына, Толстухина, Сарапу, Мария Семяшкина, Уварова и другие.

Под охраной чекиста Пензина пришел транспорт с печеным хлебом, мукой, маслом, чаем... Занятый под жильё барак копошился и гудел, как потревоженный улей...

А наша «головка»: Протасов, Данилов и Панов — с кучкой холуев, вроде Рябкова и Мели-

кадзе, совершенно устранилась от всякой организационной работы и с вызывающей беспечностью проводила дни и ночи в обществе своих «полевых подруг»...

Филиппов рассказал, как уже после моего отъезда из Обдорска они в пьяном виде снова учинили массовые расстрелы ни в чем неповинных людей.

— Человек сорок угробили, — говорил Иван Филиппов, смахивая слезу, — из райрыбы пятерых и Груню Седельникову... убил Данилов...

Нельзя было без дрожи негодования слушать этот рассказ. Мне вспомнилась эта миловидная белокурая девушка, работавшая в райрыбе на мелкой канцелярской должности. Она пела у меня в хоре, иногда выступала в пьесах. Около нее табуном увивались молодые ребята. И вот расстреляна... За что? Тогда я не знал всей гнусности этого преступления. Данилов, получив отказ обворожительной, как Снегурочка, Груни Седельниковой добровольно отдаться ему, изнасиловал ее. А потом приказал своему охраннику Меликадзе убить девушку. И тот зарезал ее кинжалом. Я узнал об этом уже от Сосунова месяца через три, когда Данилова и след простыл. Тогда же я выяснил, что он из чиновничьей семьи, бывший гимназист и подпоручик, а его дядя, в прошлом генерал или полковник, занимает крупный пост в Красной Армии...

Утром я встретил Протасова в аппаратной за приемом депеши и вызвал его в тундру «на два слова». Мы дискутировали часа полтора без злости, но с жестокой откровенностью. Я обвинил его в пьянстве, попустительстве разврату в лице Данилова и компании, участии в самочин-

ных расстрелах, в утере идейного руководства массой коммунистов, отрыве от них и потере авторитета руководителя. Он всхлипывал, вытирал слезы, оправдывался.

— Я слабый человек, наследственный алкоголик! Это не вина, а беда моя... Конечно, кое-где я перехлестывал... А разве другие мало колбасили? Пьянствовал с Даниловым, но виноват спирт, выданный ему на нужды эвакуации. В расстрелах не участвовал, это все Данилов с Пензиным... Ты сам поддался обывательщине, слушаешь бабские сплетни!

Меня взорвало.

— Это ты прилип к этой кукле, к буржуйской дочке!..

Он вскипел тоже.

— Ося! Все с бабами!.. И ты на бабе спишь. А я не человек? Не имею права? — и выразился неприлично...

И правда, не один Протасов переживал «медовый месяц» под хмурым небом Ямала. Приехали мужем и женой Филиппов и Телицына, Панов-малый, Гриб, чекист из Березова, и еще кое-кто из холостяков обзавелись в походе подругами. На нарах барака множились двухместные «купе для новобрачных», отгороженные от соседей оленьими шкурами. Интимные связи завязывались легко: люди все были молодые, здоровые и жили слишком тесно...»

После подавления Западно-Сибирского крестьянского восстания проводилось партийное расследование в отношении отсидевшихся в Маре-Сале руководителей Тобсеввоенревкома: Протасова-Жизнева, Данилова, Волкова и других. Следователей Центральной контрольной

комиссии ЦК РКП(б) М. Шкирятова, А. Сольца, И. Коганицкого интересовало одно: где золото, хранившееся сначала в Березове, а затем в Обдорске, и кто причастен к пропаже этих ценностей? Бессудные расстрелы безвинных людей во имя «торжества революции» не считались тогда преступлением. Но коммунисты, возвратившиеся из глухой Ямальской тундры в Обдорск, занятый красным экспедиционным десантом Арсения Баткунова, не могли вразумительно ответить на эти вопросы. Золото и драгоценные реликвии сибирского Белого движения, доставшиеся Сенькину, были отправлены за Урал в обозах отрядов Сироты и Туркеля, Хорохорина и Сосунова.

Грузин на Севере

4 апреля 1921 года, через три дня после оставления коммунистами Обдорска, в город вступили повстанцы численностью до 200 человек, вооруженные винтовками. Не дожидаясь, пока из-под льда Полуя будут выловлены трупы расстрелянных заложников, разведка мятежников бросилась в погоню за красными отрядами, отходившими за Урал и растянувшимися в движении по всей заснеженной реке Усе. Это преследование возглавил представитель Тобольского штаба Народной армии Георгий Гобирахашвили.

Он родился в 1885 году в городе Гори Тифлисской губернии, окончил Горийское духовное училище (там же учился Иосиф Джугашвили — Сталин). Однако священником не стал, а устроился слесарем на завод Нобеля в Баку и вступил в РСДРП(б). За организацию боевой «красной сотни» и хранение оружия в 1907 году

выслан в Обдорск. В 1916 году добровольно ушел на фронт. Через год возвратился на Ямал, где его избрали председателем продовольственного комитета; летом артелью в 10 человек ловили рыбу. В 1919 году поехал в Тобольск сдавать улов в Центросоюз (кооперативная организация), но

ИНСТРУКЦИЯ

Тов. *Гобирахашвили Сергей* . . . командиру 1-му
Тобольским Главному Штабом Народной Армии в *Нидобелин*
волости

Командированный должен объехать все селения волости, куда он командирован. При посещении селений Вам, в первую очередь надлежит выяснить:

1. Удовлетворены ли (нет причин) мобилизация и, в противном случае, созвать население на сход, объяснить текущую значительную проходящих событий, причины народного недовольства и поручить последовать неудачи, возврата коммунистов к власти, если население всеми силами не поддержит восставших. На сходах читать и раздавать пришедшие Вам воззвания и организовать сбор оружия, снаряжения и вещей на складе при сельсоветах и волноисполкомов.

2. Особое внимание обратите на сбор оружия и отпущенных денег купцов, все собранные Вами отнесите немедленно в *Нидобелин*. После Вашего отъезда местная власть продолжит Вашу работу по сбору.

3. Разъясните населению проводимую Советом Ямало-Торвальского Совета, его работу.

4. В случае, если местная власть - волноисполком или сельсоветы /старого возмездия коммунистам/ не удовлетворяют население, не соответствуют текущему моменту, примите меры к выбору новых. По мере эту проводите крайне осторожно и только в случае, если ходякости. При этом с сельсоветов необходимо избирать одного председатели и кандидатов, а в волноисполкомов трех лиц, одну в случае невозможности выбрать путем общественного схода, обязательно избирается населением волноисполкома.

5. Обратите внимание на все потребности деревенской жизни: нехватку, падение дисциплины, хищение, взыскать эти потребности на сходах и проводить их население, а по отношению к купцам, для борьбы с этим, организовать борьбу за сбор возврата купцов.

6. Изучайте обстановку в селениях, где нет людей, уполномоченных или связи со штабом.

7. Изучайте работу волноисполкомов и сельсоветов.

8. Проведите с собой в Штаб все наговора, отношения и событиями той волости, куда вы командированы.

9. Организуйте всех голодных-коммунистов по отпочкам.

Тобольским Главным Штабом Народной Армии.

из-за отступления колчаковцев на восток рыбный караван повернули на Омск. Только весной 1920 года грузин Гобирахашвили возвратился в Тобольск и был мобилизован на работу в Областьрыбу секретарем отдела снабжения.

После занятия Тобольска повстанцами штаб Народной армии направил Гобирахашвили на север губернии с мандатом такого содержания: «...поручается информация населения о происходящих событиях, содействие мобилизации населения для борьбы с коммунистами, принятие мер к установлению дисциплины, реорганизация на местах власти, если таковая не соответствует своему назначению, организация сбора оружия и снаряжения...»

Позднее на допросах в Обдорской ЧК он заявил: «...я выступал не против Советской власти, а против ее отдельных представителей, идущих вразрез интересов государства и правящей коммунистической партии... я против кровопролития, против гражданской войны...»

Но возглавляемый им отряд настиг красный обоз в печорском селении Ошвор и почти полностью уничтожил его охранение — из 60 бойцов уцелели только три красноармейца.

Историки Республики Коми И.Л. Жеребцов и М.В. Таскаев предполагают, что «преследование сибирской группировки красных на столь значительном расстоянии было вызвано стремлением обдорских повстанцев любой ценой захватить золото, которое увезли красные».

Думаю, что Гобирахашвили двигала не корысть, а месть: в оставленном коммунистами Обдорске он узнал о расстреле Садовникова и его жены, с которыми находился в дружеских от-

ношениях, и, не дождавшись, когда из ледовой могилы выловят все трупы казненных, бросился в погоню за убийцами. Но, захватив в Ошворе красный обоз и часть находившегося в нем золота, он узнал от пленных, что действительные палачи невинных отступили из Обдорска совсем в другом направлении — на Маре-Сале.

Поэтому Гобирахашвили не воспользовался военным успехом, отказался от преследования красных до селений Петрунь и Абезь, где размещались штабы бежавших за Урал красных отрядов, а возвратился в Обдорск. Там он узнал, что Садовников чудом уцелел. Психопат Протасов промахнулся: пуля из его нагана лишь задела голову и контузила. Потерявшего сознание Садовникова проткнули штыком, но в темноте он очнулся и добрался до доктора Богословского, который перевязал ему раны и той же ночью отправил в селение Хэ вместе с также уцелевшим при расстреле метеорологом Сухи (правильно Сухих, — А.П.).

Писатель Коняев отмечает, что «у краеведов нет единой версии ошворской трагедии». Хотя после подавления восстания проводилось расследование обстоятельств нападения повстанцев на заставу в Ошворе. Результаты этого расследования рассмотрела 16 августа 1922 года в Березове выездная сессия Тюменского губревтрибунала в составе: председатель Бершанд, члены Пунтус и Чегин.

22 октября 1922 года газета «Трудовой набат» сообщила: «Закончилось слушанием крупное дело по обвинению целого отряда бандитов в числе 54 человек. Этот отряд отличался особой жестокостью и зверством. Производились

расстрелы и издевательства над попавшими в плен лицами. По следственному материалу выяснилось, что бандиты у пленных коммунистов выкалывали глаза, выматывали кишки, насиловали женщин, убивали беззащитных старух за то, что их сыновья были коммунистами.

Пролетарский суд вынес вполне правдивый приговор: шесть человек из комсостава приговорены к расстрелу, восемь человек — на разные сроки принудительных работ, остальные осуждены условно и некоторые к штрафу.

На суд явились лишь 31 человек. Многие из подсудимых по вине политбюро (так назывались тогда уездные ЧК, — А.П.) скрылись. К розыску их приняты меры».

Участник судебного разбирательства Пунтус (в 1924 году он стал председателем Березовского райисполкома) со ссылками на «факты, оглашенные на судебном заседании», написал брошюру «Безумству храбрых поем мы песнь». В ней приведены примеры героизма коммунистов и комсомольцев и зверств повстанцев.

Однако в деле, ранее недоступном для исследователей, бой в Ошворе, по показаниям участников, представлен как рядовое, обыденное событие. Его трудно назвать боем: обоз с охранением был брошен его командирами Сиротой, Хорохориным и Сосуновым. Повстанцы при помощи местных зырян ликвидировали караул и перебили утомленных длительным переходом по весеннему бездорожью бойцов.

Иосиф Молоков: «...Был мобилизован в селе Филинском и, кроме Ошворского боя, нигде не участвовал. В Березове был выбран командиром отряда и отправлен с ним в Обдорск. По

прибытии в Обдорск нам приказали отправиться за Урал в погоню за коммунистами...»

Варлаам Сосунов: «...В Обдорске я был переведен в 7-ю роту, с которой поехал догонять отступающих коммунистов. За Уралом, в Архангельской губернии, Печорском уезде, Петрунинской волости, деревне Ошвор, захватили их врасплох и почти всех перебили. Человек 25 взяли в плен, но участия в их расстрелах я не принимал...»

Александров Александр, 26 лет, уроженец Обдорска: «...Отступал до дер. Ошвор. Остановились кормить оленей. На третьи сутки приехали рано утром бандиты и напали на сонных. Несколько человек убили и ранили. Остальных взяли в плен. Я убежал, но через 15 верст был пойман и отвезен в Ошвор. Там я встретил своих односельчан. Они отнеслись ко мне недружелюбно, стали меня ругать и угрожать расстрелом. Некоторых пленных расстреляли, а других, в том числе меня, увезли в Обдорск...»

Василий Артеев, 30 лет, зырянин, уроженец Обдорска: «...Отступал до дер. Ошвор. Там остановились кормить оленей. Напали бандиты и многих убили. Я убежал, но через три версты меня поймали и привезли в Ошвор. Там отобрали у меня винтовку и патроны и отдали Гобирахашвили...»

Степанида Широветьева, 43 года, уроженка Тобольска: «...Отступала до дер. Ошвор. Там взяли в плен. В избушку зашел Гобирахашвили... стал меня ругать, зачем я бежала, ничего бы тебе не сделали в Обдорске. Взял у меня деньги и разделил их промеж своих бандитов... Меня увезли в Обдорск...»

Елизавета Лапотникова, 15 лет, уроженка Обдорска: «...Утром в дер. Ошвор приехали бандиты и напали на сонных. Нас увели в избушку, где у бандитов был штаб, раненых заперли, меня оставили прислуживать. Распоряжался Гобирахашвили...»

ШТАБ
Армии
Активн. Отдел
Тобольск
Часта 1921 года
Р/4

М А Н Д А Т.

Предъявить сего. *Гобирахашвили*
Морозов командирует штабом На-
родно^ю Армии в *Мусовелев*

воласты
Тов. *Гобирахашвили* поручается ин-
формация населения о происходивших событиях, соде^ествие
мобилизации населения для борьбы с колаунистами принятие
мер к установлению дисциплины, реорганизация на местах
власти, если таковая не соответствует слову *Гобирахашвили*,
организация сбора оружия и снаряжения.

В целях выполнения означенных заданий тов. *Гоби-*
рахашвили предоставляется 1/ право требовать
срочно подачи помощи, 2/ созыва съездов 3/ ареста подоз-
рительных лиц и лиц сопротивляющихся законным его. . . .
Гобирахашвили требованиями отправляя
последних немедленно в Тобольск. 4/ права производства
обиски у лиц подозрительных и с целью обнаружения скрита
го оружия.

При производстве обисков и арестов тов. *Гоби-*
рахашвили вменяется в обязанность составлять
подробных протоколов при участии местных власти и население.

Предлагается всем волостным, сельсоветам и др
устройствам оказывать полное соде^ествие тов. *Гобирахаш-*
вили при выполнении данных ему поручений.

Начальник *Митов*
ШТАБ

Дмитрий Лоцев, 17 лет, зырянин, уроженец Обдорска: «...Отобрали у пленных оружие и вещи. Выводили расстреливать. Видел Гобирахашвили. Мое мнение: таковой принимал участие во всех гнусных действиях и расстрелах...»

Николай Александров, 19 лет, зырянин, уроженец Обдорска: «...Меня взяли в плен и заперли в избушке. Гобирахашвили распорядился отправить пленных в Обдорск. Проехали с версту и услышали несколько ружейных выстрелов. Мы остановились. Пришли другие пленные и рассказали, что после нашего отъезда из Ошвор там расстреливали. В Обдорске Гобирахашвили распорядился о погоне за коммунистами, которые уехали на Маре-Сале».

Герасим Логинов: «...В числе раненых был и я. Нас вывели на улицу. Гобирахашвили стал всех переписывать и допрашивать. Через два часа пришли бандиты и увели четырех — ехать в Обдорск. Которые не могли идти, их вынесли, не знаю куда, но лично мое убеждение, что их расстреляли...»

Василий Дыденко, 17 лет, уроженец Обдорска: «...В дер. Ошвор меня присудили к расстрелу. Но меня от расстрела спас Гобирахашвили. В Обдорске он взял меня на поруки...»

Показания других обвиняемых: «...в бою участвовал, но никого не расстреливал».

Показания других свидетелей: «...отступали, остановились в деревне Ошвор кормить оленей, напали бандиты, слышали, что расстреляли раненых, но сами расстрелов не видели...» Ни слова о пытках и глумлениях над убитыми.

Палачом признан «Сергеев Василий Дмитриевич, 24 лет, происходящий из с. Обдорска

Березовского уезда Тобольской губернии, бедняк, рыбак, окончил трехклассную сельскую школу, женат. Арестован 4 января 1922 года. При обыске у него обнаружено: серые суконные брюки из одеяла, серебряный бруслет (так в деле, — А.П.) с тремя камнями, список бывших красноармейцев в дер. Ошвор; список находится в деле (но его там нет, — А.П.). Обвиняется в бандитизме, в расстрелах коммунистов, в издевательствах над трупами и ограблении их вещей...»

Доказательства: «...вывел пять коммунистов из избы, потом их видели расстрелянными; ...нас повезли в Обдорск, по пути слышали выстрелы, Сергеев догнал, с ним никого не было; набрал у убитых целый мешок вещей...»

В 1919 году Сергеев служил в отряде Туркова, после капитуляции белых в Саранпауле перешел к красным, потом примкнул к повстанцам. Протоколов его допросов в деле нет. Дальнейшая судьба неизвестна.

Не случайно Верховный трибунал ВЦИК указал: «следствие, проведенное по делу, не достаточно полное; судом не принято во внимание социальное положение подсудимых».

Тем не менее, «по приговору Выездной сессии Тюмгубревтрибунала в г. Березове от 17—19 августа 1922 года, утвержденного Кассационной коллегией Верховного трибунала от 16 сентября 1922 года и выпиской из протокола заседания Президиума ВЦИК от 5 декабря 1922 года, расстреляны в ночь с 30 на 31 января 1923 года в окрестностях г. Тобольска осужденные:

Молоков Иосиф Алексеевич,

Ногин Николай Поликарпович,

Корепанов Савелий Данилович,
Сосунов Варлаам Матвеевич,
Левдин Елпидифор Иванович,
Полков Федор Павлович».

Все крестьяне. Все в 1989 году реабилитированы. В деле есть такие заявления приговоренных к расстрелу. Ногин: «...Во время моего пребывания под стражей в Обдорске тов. Пензин отобрал у меня малицу, кисы, гимнастерку, три пары белья, полотенца, деньги (50000), золотое кольцо. При отправке в Березов эти вещи мне не вернули». Полков: «...16 сентября с.г. взяли мои вещи: кожаную сумку, а в ней гимнастерка, портсигар, 3 золотых кольца, 3 золотых пятирублевика, серебряные монеты и несколько немецких медалей (я их принес с фронта). Не возвратили...»

За этими заявлениями протоколы допросов. «Пензин Александр Александрович, 42 года, уроженец Новгородской губернии, член РКП(б) с 5 декабря 1919 года, № п/б 598599, служит в органах ЧК. Никаких вещей у Ногина Николая не брал. Его заявление считаю ложным. Ногин был арестован до моего прибытия в Обдорск. При приемке мною Обдорского арестантского дома и арестованных от командира 232-го стр. полка Баткунова мне никаких вещей не передавали».

«Федоров Порфирий Федорович, 45 лет, уроженец Казанской губернии. 15 июня 1921 года по приезде в Обдорск я был назначен начальником арестантского дома. От командира 232-го стр. полка Баткунова я принял 86 арестованных, в том числе Ногина и Полкова. Вещей не принимал...»

При расследовании обстоятельств разгрома красных в селении Ошвор чекистов интересовало, кому досталось находившееся в обозе золото.

Об этом знал только Молоков: «...Гобирахашвили был представителем Тобольского штаба Народной армии... Он издавал приказы. Ему все подчинялись... Знаю, что он увез с собой два ящика с золотом и серебром. Слинкин (командир объединенных повстанческих отрядов в Березовском уезде, — А.П.) хотел их взять с собой, но Гобирахашвили не отдал...»

Рочевщина

7 апреля 1921 года, через три дня после вступления в Обдорск, были проведены выборы в городской совет, который в воспоминаниях Волкова назван «бандитским». Совет возглавил Дурасов Константин Васильевич. Он родился в 1896 году в Тобольске, бухгалтер Обдорского районного управления по рыболовству (райрыба). В состав совета вошли Новицкий В.М., Мамеев П.П., Протопопов С.А., Артеев Г.И., Чупров К.А., Терентьев Ф.О.... К совету «перешла вся полнота гражданской власти». Жертвы красного террора были похоронены («тогда, — отметил Волков, — выяснилось, что Груня Седельникова и жена Садовникова, красивая женщина лет сорока, были изнасилованы, а потом зарезаны кинжалом — об этом я слышал от доктора Богословова»).

В селение Хэ направили указание: «По получении сего срочно созовите сход оседлого населения волости и имеющееся налицо кочующее население и выберите волостной совет из

трех человек. Кроме того, этим же сходом выберите двух человек представителей от Хэнской волости в Обдорский крестьянско-городской совет. При волсовете организуйте милицию. Продовольственное дело передайте кооперативам».

Председателем совета в Хэ стал Садовников, имевший опыт административной деятельности: в марте 1917 года в селе Демьянском Тобольского уезда избирался председателем комитета общественной безопасности и волостного правления; в июне 1918 года входил в состав комиссии по расследованию преступлений против личной неприкосновенности граждан и казенного имущества, совершенных членами исполкома Тобольского Совета.

Метеоролог Сухих, который был выслан в Обдорск из Польши в 1914 году по подозрению в шпионаже в пользу Австро-Венгрии, возглавил у повстанцев контрразведку. «Глубоко штатский человек по анкетным данным, он вдруг обнаружил таланты и знания в кавалерии, в стрелковом деле и в других военных вопросах, вплоть до умения дешифровать секретную переписку. Кроме того, наперечет знал всех жителей Обдорска, их родственные связи и политические симпатии...» Волков отметил в воспоминаниях: «...По его приказам трупы двенадцати расстрелянных родственников эвакуированных из Обдорска коммунистов бросали в заливчик в устье реки Шайтанки».

После разгрома красных в селении Ошвор Гобирахашвили возвратился в Обдорск и организовал погоню за отрядами, отступившими в Маре-Сале. Повстанцы, среди которых были братья Каневы-Нерьяки, уже добрались на оленях до заимки Седельникова на реке Щучьей,

но, узнав о продвижении красного экспедиционного отряда на пароходах из Тобольска на север и захвате Самарово, повернули обратно. «Благодаря этому обстоятельству, — считает Волков, — наш лагерь в Маре-Сале с его беспечными и трусливыми руководителями был спасен от неминуемого и полного уничтожения».

Ошворские события всколыхнули весь Печорский уезд. В Усть-Цильме возник штаб подготовки антибольшевистского восстания на Печоре. В этот штаб входили ответственные работники уездисполкома и военкомата. Началось Усинское волнение (по реке Усе, где растянулись эвакуационные транспорты с беженцами из Обдорска). Повстанцы стали нападать на обозы и захватывать их.

30 апреля 1921 года в селении Ниедзьель отряд Меркурия Рочева (кличка Исак Меркуш) захватил Туркеля, заместителя начальника обдорской эвакуации Сироты. По одним сведениям, Туркель с небольшим конвоем в пять красноармейцев пробирался в Усть-Цильму, где уже находился его начальник Сирота. По показаниям Протасовой-Сосуновой, Сирота, бросив обоз, благополучно добрался до Усть-Цильмы, где местные власти отобрали у него пушнину и ценности. Не дождавшись своего заместителя, он скрылся в неизвестном направлении. По воспоминаниям Волкова, «Туркель погиб, рискнув поехать в какую-то командировку без охраны в сопровождении только своей молодой подруги Марии Мещеряковой. Дорогой они встретили конный разъезд бандитов. Туркеля убили выстрелом в спину, а Мещерякову увезли в свое логово. Она освободилась через месяц, когда в погоню за бандита-

ми в деревню прибыл один из наших зауральских отрядов». Волков считает, что «маршрут Туркеля выдал перебежавший к бандитам некий Голошубин, кандидат в партию, прибывший в Обдорск в декабре 1920 года из Тобольска вместе с Протасовым. Он стал в райкоме партии техническим секретарем, а потом попал в один из наших отступивших за Урал коммунистических отрядов».

Кроме Туркеля, повстанцы убили в деревне Ниедзьель начальника архангельского продотряда Власия Виноградова. Его продотряд действовал в Верхнеусинском районе Коми края, занимаясь реквизицией мяса и рыбы у населения. По показаниям продотрядовца Ивана Гичева (спасая свою жизнь, он вступил в отряд Меркурия Рочева), повстанцы захватили все имущество «экспедиции Туркеля» (так Гичев называл обоз Туркеля), как-то: «золото в бочках (количество не указано), серебро, ткани, шелка и другие всевозможные товары (какие, не указано).

3 мая 1921 года в Ниедзьель прибыл поручик Алексей Рочев, возглавлявший повстанческое движение в Печорском уезде (получившее впоследствии известность как «рочевщина»).

Считается, что имущество продотряда Виноградова и ценности, которые вез Туркель, были разграблены. В середине мая 1921 года Рочев занял Колву и намеревался идти на Усть-Цильму; его отряд насчитывал около 200 человек. Контролируя часть Усинского района, печорские повстанцы установили связь с Ляпино и Обдорском.

В Печорском уезде было объявлено осадное положение. 29 мая 1921 года газета «Красная

Печора» признала: «...в нескольких селениях по реке Усе бандитами захвачены местные кооперативы и склады, расхищено продовольствие, затрудняется наш план весенней доставки части ляпинского и обдорского хлеба через Урал».

Для подавления рочевщины были направлены красноармейские отряды из Архангельска и Чердыни. Заговорщики в Усть-Цильме были арестованы чекистами. 6 июня 1921 года красные захватили Ляпино, где им сдались около 200 повстанцев.

Отряды Хорохорина и Сосунова также приняли участие в преследовании рочевцев по реке Усе. По словам Волкова, «особенно активно действовал Сосунов. Он носился на пароходике «Межень», вооруженном двумя пулеметами Кольта, по Усе и ее притокам, безжалостно уничтожая повстанцев, которые прозвали его «красным карателем». Сосунов искал одурачивших его Сироту и Туркеля и пропавшее из эвакуационных обозов золото. 29 июня Сосунов настиг отряд поручика Рочева у деревни Каякурья. Участник этого боя А.И. Семяшкин вспоминал: «...Раздается команда занять места на носу судна. Зашевелились пулеметчики, по бортам... разместились бойцы с винтовками. Занималось утро. Над лесом повисло солнце, в воздухе чувствовалась утренняя прохлада. Бандиты, видать, только встали, тревоги не чувствовалось. Некоторые в нижнем белье играли в городки, другие занимались утренним туалетом. Как только пароход повернул к берегу, сразу же ударили наши пулеметы. Среди бандитов началась паника. Многие устремились к лесу, а небольшая группа с винтовками напе-

ревес побежала к воде и стала отстреливаться. С приближением парохода выстрелы стали стихать. Было много убитых и раненых». Рочеву удалось скрыться. Здесь Сосунов поймал Голошубина, от которого узнал, что золото захвачено Гобирахашвили и увезено в Обдорск. Расстреляв предателя, Сосунов с отрядом в 30 человек поспешил в Обдорск через Ошвор. Хорохорин с сургутско-березовским отрядом вышел через Саранпауль на Сосьву, а затем пароходом из Березова отправился в Сургут.

Перехитрить и уничтожить

Для разгрома восстаний, бушевавших в России в 1921 году, большевики широко применяли так называемые оперативно-боевые легендированные группы. Войсковые и чекистские отряды, выдавая себя за мятежников, встречались с настоящими повстанцами и вероломно по условному сигналу открывали огонь на поражение.

Классическим примером таких действий является внедрение кавалерийской бригады Котовского, выступавшего под видом донского атамана Фролова, в «партизанскую армию» Матюхина на мятежной Тамбовщине. В художественном фильме «Котовский» есть эффектный эпизод: бритоголовый лжеатаман выхватил наган и с криком: «Комедия окончена! Я — Котовский!» — всадил несколько пуль в сидящего за столом напротив главаря повстанцев.

Но в «комарином царстве» Тобольского Севера пехоту и кавалерию не используешь. И тогда карательные отряды посадили на пароходы: Сибирское бюро ЦК РКП(б) еще 28 февраля 1921 года, рассмотрев вопрос «О мерах обороны Сиби-

ри от кулацких восстаний...», рекомендовало Сибревкому и помглавкому по Сибири «выделить для этих целей... 4 парохода — два по Иртышу, один по Оби и один по Енисею военного образца, покрытых броней и вооруженных орудиями».

В марте началось наступление частей Красной армии на Тобольск: 8 апреля повстанцы оставили город и отступили на север — в Самарово и Березово.

Главным усмирителем крестьянского восстания на Тобольском Севере был Сергей Витальевич Мрачковский.

Он родился в Сургуте, куда сослали его отца, одного из руководителей «Южно-Российского рабочего союза». Здесь он женился на дочери местного кузнеца из уголовных ссыльных Сидельникова. Сын Мрачковского рано включился в революционную борьбу: создавал на Урале боевые дружины, входил в число руководителей Уралоблсовета, утвердивших расстрел Николая II и его семьи. В гражданской войне Мрачковский командовал Особым северным экспедиционным отрядом (ОСЭК), который в августе 1919 года в Тюмени вошел в состав 51-й стрелковой дивизии Блюхера. В 1921 году Мрачковский стал по приказу Председателя Реввоенсовета Республики Троцкого командующим Приуральским военным округом и за взятие мятежного Тобольска получил второй орден Красного Знамени.

Как только вскрылись ото льда Иртыш и Обь, из Тобольска на север на пароходах «Мария», «Волна» и «Сергий» отправилась под видом повстанческой флотилии секретная экспедиция. Ее возглавил Арсений Николаевич Баткунов. Год рождения — 1894-й. Место рожде-

ния — д. Самсоново Духовщинского уезда Смоленской губернии. Работал на заводе, а в январе 1915 года отправлен на войну с немцами, был ранен. В 1917 году командовал отрядом Красной гвардии на Украине, затем дослужился до командира 232-го полка 26-й Златоустовской дивизии. Участвовал в боях против колчаковцев на Восточном фронте и в борьбе с бандитизмом на Алтае.

В Самарово поверили «неожиданной подмоге». А почему нет: там знали о восстании моряков в Кронштадте. Команды судов на сибирских реках также часто меняли своих хозяев. Так, бунт на пароходе «Иртыш» решил в пользу красных сражение с колчаковской флотилией в августе 1919 года на Тоболе и Тавде.

«Волна» причалила к берегу, и начались переговоры со штабом отступившей на север «Тобольской народной армии». А дальше по сценарию: неожиданная стрельба в упор — и трупы в воду. Остальных обезоруженных повстанцев расстреляли уже на пароходах по пути к кондинской пристани.

Бударин указал, что Самарово экспедиция Баткунова прошла 17 апреля 1921 года. «...В деревянном домике телефонного переговорного пункта при впадении речки Максимовки в Иртыш захватили главарей тобольских мятежников. В перестрелке были убиты командующий «Тобольской народной армией» Желтовский и полковник Сватош, бывший адъютант генерала Гайды...»

Однако другие исследователи считают, что Самарово занял отряд П.И. Лопарева. Называются разные даты: 9, 10, 11 мая. Обстоятельства формирования этого отряда пока неясны. Гам-

баров ссылается на записку члена президиума Тюменского губкома РКП(б) А.В. Семакова на имя секретаря губкома: «Товарищ Агеев! На Дальний Север едут гг. Лопарев и Никифоров для организации сил по подавлению восстания. Они старые партизаны, за которых я ручаюсь головой, несмотря на то, что они беспартийные. Снабди их, нажав на все кнопки и все средства, чтобы дать им отряд красноармейцев и как можно больше оружия и патронов, которые они увезут на Север...»

Историк из Нижневартовска Цысь утверждает (без ссылок на документы), что отряд Лопарева «был сформирован в Тюмени 18 марта 1921 года. Получив винтовки, пулемет и 10 тысяч патронов, 19 марта в 20 часов красноармейцы выступили в направлении Туринска. Перед П.И. Лопаревым была поставлена задача добраться по Шаимскому тракту до деревни Красноленинской, расположенной на Оби ниже с. Самарово. Тем самым отряд оказывался в тылу березовской, ляпинской, обдорской и сургутской группировок повстанцев. После окончания распутицы требовалось наступать на Елизарово и Самарово, захватить штабы повстанцев и держаться до подхода частей Красной Армии».

Закрепившись в д. Лорбат к северу от Самарово, Лопарев повторил свой маршрут разведки по поручению Лепехина в конце 1919 года, только в этот раз наоборот — с запада на северо-восток.

Дождавшись прохода через Самарово по Иртышу и Оби пароходов с экспедицией Баткунова, Лопарев появился в селе. Единственный сохранившийся в архиве Ханты-Мансийского ав-

тономного округа приказ Лопарева: «Приказом командующего Тобсевгруппой тов. Самохвалова от 17.07.21 г. я назначен начальником боевого участка Демьянское—Березов—Сургутский уезд... Приказываю при волревкомах из компартии, милиции, надежных людей организовать отряды местного назначения под руководством ответственных работников партии и военспецов. О числе и вооружении 24 часам мне донести. Предлагаю последний раз предупредить население, что за укрывательство бандитов мною будут приниматься самые строгие меры вплоть до расстрелов на месте и выжигании целых сел. Комсоветотряда П. Лопарев».

В статье «Ледоход», опубликованной 29 августа 1972 года в окружной газете «За коммунизм», пожелавший остаться неизвестным автор исправил в приказе Лопарева дату его назначения военным начальником территории на «17 мая 1921 года». Поэтому и стал Платон Ильич главным освободителем края от мятежников.

В июле 1921 года восстание на Обском Севере было подавлено. Грозить запуганному населению «расстрелами на месте и выжиганием целых сел» не требовало уже большой смелости.

В действительности экспедиционный отряд Баткунова, легендированный под повстанческий, без боев захватил все пристани на Оби. Не удалось взять хитростью только Обдорск.

Красный десант задерживало медленное движение ледохода — пароходы на двое суток задержались в Мужах, а затем, показавшись у Обдорска, из-за льда не смогли войти в реку Полуй. За это время повстанцы раскрыли обман и основательно укрепились: на берегу меж-

ду речкой Шайтанкой и пристанью были вырыты окопы.

«Волна» несколько раз входила в устье Полуя, но всякий раз ее встречали с берега огнем. Наконец, 2 июня, когда льды из Полуя скатились в Обь, показалась у Ангальского мыса «Мария». За ней «Сергий» с металлическим лихтером на буксирах. С пароходов ударили пулеметы и винтовки.

Баткунов приказал бить из пушки по пристани и по городу: ориентирами для наводчиков служили каменные церковь, клуб и школа. Их крыши пробили снаряды. Обской Север впервые услышал артиллерийскую пальбу.

По свидетельству очевидца, дикая паника овладела населением Обдорска: «все, кто имел ноги и мог двигаться, бросились кто куда — за Шайтанку в лес, на берег в лодки, вверх берегом Полуя. Видя это, и защитники Ангальского мыса бросили окопы и тоже пустились в беспорядочное бегство».

В оперативной сводке штаба Северной Тобольской группы по состоянию на 16 часов 31 мая 1921 года значится: «Северное направление. Город Обдорск 26 мая сего года после ожесточенного непродолжительного боя частями десантного отряда под общим командованием комполка 232 взят. Подробности боя таковы: 26 мая в 20 часов десантный отряд находился в 5 верстах от Обдорска и вследствие громадного затора льда дальнейшее продвижение пришлось приостановить. Только на рассвете 26 мая шхуна «Мария» направилась к г. Обдорску, где была встречена сильным ружейным огнем бандитов, засевших в хорошо оборудованных на берегу реки окопах.

Открытый ружейный и артиллерийский огонь со шхуны «Мария» навел панику, и бандиты, не выдержав огня, оставляя на пути убитых и раненых, бросились бежать. С нашей стороны потерь нет.

Внезапность появления красных частей навела панику и на население города, в котором почти все мужское население бежало в тундру. Бандитский отряд под командованием Слинкина численностью до двухсот человек, вооруженных трехлинейными винтовками и берданами, рассеялся по тундре...

При занятии города Обдорска взяты богатые трофеи: бандитские продовольственные склады, хозяйственные части бандитских отрядов, а также склады пушнины, которые берутся на учет. Захвачен пароход «Тобольск» и две баржи, которые срочно ремонтируются. Восстановление органов Советской власти замедляется в связи с отсутствием политических и технических сил» (Российский государственный военный архив. Ф. 3531. Оп. 1. Д. 14. Л. 409).

Но у Тобольска не было связи с Баткуновым. Отчет командира экспедиционного отряда об очищении прибрежной полосы Оби от мятежников доставил из Обдорска в Тобольск пароход «Пермяк», следовавший за десантной флотилией. Поэтому в составленной задним числом оперативной сводке Северной Тобольской группы появилось расхождение с действительной датой оставления повстанцами Обдорска — 2 июня.

Когда пароходы пристали к берегу, встречать их вышли двое. Одним, по воспоминаниям Волкова, был завдетдомом, беспартийный учитель. С ним — «вдова и мать расстрелянных

нами в качестве заложников Чечурова и его сына. В ее доме когда-то жил Протасов. Теперь там разместились Баткунов и штаб полка».

16 июля 1921 года была восстановлена радиостанция. «Спрятанное бандитами оборудование отряд Тушкина нашел в лесу на берегу Полуя верстах в 90 выше Обдорска. Ящики были аккуратно сложены штабелем, прикрыты древесной корой и пихтовыми ветками. Все оказалось в полной исправности».

Волков удивлен: «...Безо всякой пощады проливать кровь своих ближних... А вот уничтожить эти мертвые блестящие штуки не поднялись руки. Чего проще было разбить все это вдребезги, утопить в глубинах бесчисленных окрестных водоемов или сжечь, облив бензином. Может быть, кто-то рассчитывал заработать себе этим пощаду и право на жизнь?»

Волков жаловался в Тюмень: «...Обдорск занят десантом, приехавшим на пароходе «Мария», город обстреливался артиллерией. Бандиты около четырехсот бежали вверх по Полую. Обдорские главари скрылись на низ. Десант не принимает никаких мер по поимке бандитов, благодаря чему мелкие банды скрываются в районах Питляра, Кушевата, по рекам Сосьве и Конде. В низовьях Оби прячутся тридцать хорошо вооруженных бандитов, в том числе Нерьяки, Гобирахашвили, Ванька Панда, Фурлет Ванька, Садовников, Сухи, Кондаков, Дурасов...»

По словам Волкова, «Баткунов не проявлял особого рвения в вылавливании разбежавшихся по лесам повстанцев. С пленными бандитами он обращался с большим великодушием, считая, что карательные функции не входят в его

компетенцию. Очистив прибрежные населенные пункты на Оби без особых усилий и почти без потерь, он считал свою задачу выполненной.

— Не мое дело, — говорил он, — гоняться за ними по лесам: пусть этим занимается чека. Люди сами вернутся, когда жрать будет нечего».

Волков признал: «Баткунов отчасти оказался прав. Бежавшее из Обдорска население начало понемногу возвращаться. Вести, что в Обдорске никого не расстреливают, а отпускают по домам или отправляют на работы, действовали отрезвляюще. В начале июля вернулись учителя Новицкий и Протопопов с женами. С ними человек 20 «интеллигенции», замаравшие себя участием в работе бандитского горсовета. Все черные от грязи и дыма, исхудавшие, с провалившимися глазами и осипшими голосами».

В сентябре 1921 года сдались Гобирахашвили и Дурасов. Кроме обстоятельств расправы с красными в селении Ошвор, следствие интересовалось у пленных и судьбой захваченного там золота. В дополнение к протоколу допроса Гобирахашвили указал: «При отступлении из Обдорска мною действительно были погружены два больших ящика и три маленьких. Откуда они поступили, я не знаю, накладных на них не было. Что в них содержалось, я не знаю. По их тяжести можно предположить, что в них было золото. Продовольствие и эти ящики были отправлены в местность Мака Юган, куда наши войска отступили. Когда мы дошли до Мака Югана, то переночевали там две ночи, потом увидели пароход и отошли верст двенадцать в гору. Послали людей за оставшимися лодками. Про ящики ничего больше сказать не могу...»

В деле есть показания 30-летнего Самуила Афанасьевича Протопопова из села Сухоруково Березовского уезда: «Я действительно отступал из Обдорска вместе с Гобирахашвили до Мака Югана, а потом в гору, но ящиков при нас уже не было. Ящики были оставлены у инородцев в чумах. Гобирахашвили с нами пробыл только сутки, а потом отделился и уехал обратно к инородцам к чумам. Больше я его не видел. Я сам ушел к заведению Плотникова в Аксарке. Оттуда на лодке ушел в Обдорск и явился к властям».

Кто был неискренним? Гобирахашвили? Протопопов? А может, допрашивавший их 20-летний чекист Пантелеймон Васильевич Рябков, уроженец Тобольска, работавший до службы в ЧК на кожевенном заводе, имевший «домашнее образование» и входивший, по свидетельству Волкова, в близкое окружение Протасова и Данилова во время их «медового месяца» в Маре-Сале.

17 декабря 1921 года Рябков составил «заключительный акт по следственному делу № 16 на Гобирахашвили Георгия Зааловича, происходящего из гор. Гори Тифлисской губернии, проживавшего в Обдорске Березовского уезда Тюменской губернии, имущественное положение — бедняк, крестьянин, семья — 4 человека от 15 до 3 лет, грузин, окончил четырехклассное духовное училище, содержится под стражей с 26 сентября 1921 года в Обдорском арестантском доме. Обвиняется в инициаторстве, в активном участии с бандитами в расстрелах коммунистов. Виновным себя не признал...» Доказательств его вины у следствия не было.

Тем не менее, Рябков заключил: «...Передавая дело вместе с арестованным Гобирахашвили на определение Коллегии губчека, полагаю, что к Гобирахашвили как к отъявленному бандиту, увлекшему жизни коммунистов в целях антигосударственного замысла (так в тексте заключения, — А.П.), следовало бы применить высшую меру наказания — расстрел». Заключение утвердил начальник Обдорского политбюро Пензин.

1 февраля 1922 года к чекистам обратились «зав. Обдорской расчетной кассой Черемных Д.С., зав. Обдорским управлением по рыболовству Филиппов И.Ф., зав. Обдорским коммунальным отделом Дьячков Ефим. Все трое — коммунисты. Для пользы дела и соблюдения интересов государства, — писали они, — для ведения дел Обдорской расчетной кассы, во избежание закрытия последней, за неимением подходящих работников и согласно телеграммы завгубфинотдела (прилагаем), ходатайствуем перед Обдорским политбюро об освобождении тов. Гобирахашвили под нашу личную ответственность и поручительство».

Не освободили. Держали в тюрьме. Последний лист в деле № 16 — записка врача Березовской советской больницы (подпись неразборчива): «В Березовское политбюро. Довожу до Вашего сведения, что присланный на излечение арестованный Гобирахашвили умер 4 апреля 1922 года от сыпного тифа».

Так в очередной раз оборвалась золотая ниточка.

Но в то же время участились вылазки в тундру обдорских чекистов во главе с Пензиным, который своими губернскими начальниками характеризовался «слабым работником, но испол-

нительным, по образу жизни — скромным». Они искали золото. В этих вылазках Пензин обморозил ноги. Его отправили в Тобольск в больницу, где ампутировали фаланги пальцев. Но началась гангрена, и в июне 1922 года главный чекист Ямала умер.

Итоги классовой борьбы на Обском Севере подвела тюменская газета «Трудовой набат» 26 октября 1922 года в статье «Ликвидация бандитизма на Севере»:

«Несколько человек скрывавшихся в тундре бандитов угнали 3700 голов оленей из советских стад у верховья реки Щучьи. За ними была послана погоня из Березова и Обдорска. Бандиты были настигнуты около Байдарской губы. Был открыт огонь. Бандиты вышли из чум, залегли за яром озера и стали отстреливаться. Брошенной в них бомбой один из бандитов был убит, двое сражены пулями. Один из бандитов скрылся и один утонул в озере.

Один из убитых по найденным документам оказался офицером Киселевым и двое бывшими нароодоармейцами из Тобольска — Садовниковым и Сухих. Захвачено 5 винтовок трехлинейек, одна японка, один наган и один смит-вессон, свыше 250 патронов к этим оружием. Оленей захвачено около тысячи голов, остальные, по-видимому, растеряны по тундре...».

В полосе отчуждения

Штабс-капитан Киселев, комендант белого Тобольска, не случайно появился в селении Хэ, где чудом уцелевшие натуралист Садовников и метеоролог Сухих возглавляли повстанческий совет и народную милицию.

Спрятав ценности сибирского Белого движения в лабиринте притоков Ваха и оставив присматривать за ними «большого урядника» из Сургута Волкова, Киселев через Нарым добрался до Томска и доложил Пепеляеву о непредвиденных трудностях на эвакуационном пути.

16 декабря 1919 года они в эшелоне выехали из Томска в Мариинск, а затем в походном порядке с авангардом в 800 человек прикрыли отступление белых войск. После Красноярска Пепеляев заболел тифом, и Киселев со штабс-капитаном Аняповым, поручиками Малышевым и Мальцевым доставили генерала в теплушке чешских войск в Верхне-Удинск, а затем уехали с ним в Харбин. Там находились жена Пепеляева — Нина Ивановна и семилетний сын Всеволод.

Характеризуя обстановку в среде белой эмиграции в Маньчжурии, Пепеляев писал: «...Разгром белых армий выбросил в полосу отчуждения Китайской Восточной железной дороги (КВЖД) первую волну беженцев. Здесь были бросившие свои имения помещики из Казани, Самары, Уфы, буржуазия Урала и Сибири, железнодорожники Златоустовской и Пермской дорог, сибирские, уральские и оренбургские казаки, зажиточные крестьяне с Волги и Камы, десятки тысяч солдат. Все они спешили как-то устроиться, приспособиться к новым условиям, жадно ловили слухи с родины, верили, что их пребывание здесь — временное и скоро возвращение в брошенные города и села. Жизнь в Харбине кипела. Знакомства завязывались легко и быстро. Сходились в столовых «Союза городов»,

в дешевых трактирах и чайных, а то и просто на улицах.

Тоска и разочарование в прежних идеалах прошли. Со мной в Маньчжурию пришли офицеры и солдаты, за которых, кроме меня, никто не хотел побеспокоиться... Тогда я организовал артели плотников, грузчиков, извозчиков. Для взаимопомощи организовал «Воинский союз», председателем которого выдвинули генерала Вишневого, бывшего командира 2-го корпуса моей армии.

...Япония, зорко следившая за политической жизнью в Харбине, отметила создание «Воинского союза» как организацию, способную продолжать борьбу с большевиками. Не случайно от японского правительства через бывшего министра иностранных дел Сибирского правительства И.А. Михайлова мы получили 10 тысяч иен.

...1921 год активизировал русскую эмиграцию. Постоянные сообщения белогвардейских газет о голоде в России, о жутких репрессиях и крестьянских восстаниях будоражили беженцев. Созывались совещания и съезды. Создавались и распадались политические блоки, кабинеты и правительства. Спорили за министерские портфели. Подсчитывали иностранные деньги и российские штыки. На политическом горизонте вновь замаячили представители зарубежных посольств, консульств и миссий. Особую активность развили японцы. Они сколотили широкий антибольшевистский блок: харбинское и беженское купечество, сибирско-уральское общество мукомольцев, политические группировки газет «Свет», «Русский голос», «Заря», кооператоров, земский и городской союз... Споры шли

из-за атамана Семенова: японцы не хотели с ним расставаться, а эмигранты, даже не социалистической ориентации, не хотели с ним знаться.

Еще зимой 1921 года в Харбине появился Сазонов, видный эсер, лидер сибирских предпринимателей. Он организовал «Сибирский комитет», политической платформой которого стало возрождение Сибирской автономной республики. Предполагалось: использовать восстание крестьянства в Сибири для воссоздания сибирской армии, которая свергнет Советскую власть, а созванная Сибирская Дума установит новую буржуазно-демократическую форму правления с восстановлением частной собственности на землю и средства производства.

Базой для формирования этой армии и стал мой «Воинский союз».

Тогда же во Владивостоке в правительстве братьев Меркуловых появился промышленник П.А. Куликовский, возглавлявший кооперативное объединение «Холобос». Действуя от имени предпринимателей Якутии, Куликовский получил от Приморского правительства полномочия управляющего Якутской области.

Куликовский, Сазонов и их сподвижники Головачев, Попов и Никифоров на конспиративной встрече во Владивостоке, предъявив Пепеляеву протокол заседания нельканских купцов о «страданиях населения Якутии от коммунистов», предложили генералу организовать военную экспедицию для помощи восставшему якутскому народу. Пепеляев согласился ее возглавить.

...Руководство «Сибирского комитета», — вспоминал он, — обещало выделить для финан-

сирования «экспедиции» 500 тысяч рублей золотом из колчаковских запасов, переправленных в Японию. Однако я получил лишь 60 тысяч, а также тысячу винтовок и 100 тысяч патронов. В конце августа я сформировал «Сибирскую добровольческую дружину» численностью 750 штыков с 2 пулеметами и на двух пароходах отправился в якутский поселок Аян...»

Якутский связной

Японцы знали о спрятанных в тайге ценностях сибирского Белого движения, поэтому сократили финансирование северного десанта Пепеляева, указав ему на собственные, но пока недоступные средства.

Заняв у Приморского правительства братьев Меркуловых недостающую для формирования «дружины» часть денег, генерал отправил штабс-капитана Киселева через Якутию и Енисейскую губернию к местам сокрытия вывезенных из Тобольска сокровищ.

Секретная экспедиция Киселева совпала с рождением 5 апреля 1921 года в семье Пепеляевых второго сына, которого окрестили Лавром (в память о генерале Л.Г. Корнилове, организаторе и командующем белогвардейской Добровольческой армией).

Штаб «дружины» составили сподвижники Пепеляева по борьбе против красных в Сибири, находившиеся в Харбине полковники Шнаперман, Леонов, Иванов и другие офицеры — 120 добровольцев. Формирование десанта завершилось во Владивостоке. При этом не обошлось без происшествий: часть добровольцев пьянствовала и устраивала скандалы со стрельбой. Жес-

ткими мерами наладили дисциплину. Приняли несколько воззваний. Первым стало обращение об условиях приема в «Сибирскую добровольческую дружину». Его дословное содержание таково: «Я поступил добровольно, по своему желанию, меня никто не заставлял. Иду вместе с другими любящими свой край добровольцами освобождать народ от большевиков. Буду помогать населению — русским, якутам, тунгусам — выгнать большевиков и устроить для народа свободную мирную жизнь и порядок, какой захочет сам народ. Я должен быть честным, храбрым, выносливым, никого не обижать, не грабить, не насильничать, не убивать того, кто добровольно сдаст оружие, чтобы видел народ, что мы защитники его, а не грабители. Должен знать в лицо своих начальников, исполнять их приказания скоро и честно, как на глазах, так и за глазами; с другими добровольцами должен жить дружно, помогать им во всем, выручать из беды, не бросать в бою. Исполняя службу добровольца, должен быть всегда готов перенести всякие лишения, болезни, раны и самую смерть стойко и безропотно».

В другом документе под названием «Задачи и цели Сибирской добровольческой дружины» отмечалось: «Мы, войско Сибирской добровольческой дружины, идем помочь нашим братьям в Сибири освободиться от гнета коммунистической диктатуры. Ни власти, ни главенства мы не ищем, мы верим в народ, верим, что в процессе борьбы найдутся силы, которые организуют истинно народную власть и наладят жизнь и хозяйство в освобожденных районах. На наших знаменах один лозунг: «Свободная, мир-

ная жизнь всех граждан, управляемых властью, ими самими выбранной». Не ненависть, не месть несем мы, а свободу, прощение взаимных обид и мирную жизнь. Довольно классовой борьбы, интересы каждого класса должны прежде всего подчиняться интересам народа и Родины. Довольно диктатур — красной и белой, которым принесены в жертву десятки тысяч жизней народных. Мы знаем, какие ужасные кошмары переживает Сибирь под властью красной диктатуры. Цветущий, богатый край превращен в пустыню. Далек и труден наш путь. Непреклонной верой в торжество правды во имя счастья народного смело пойдем мы в этот путь. С Богом, братья!»

Требует пояснения место десантирования «дружины» Пепеляева. После Февральской революции 1917 года в Охотском уезде власть менялась несколько раз. Вначале старый начальник уезда был избран уездным комиссаром. В феврале 1918 года из Хабаровска поступило указание об организации Советской власти. В Охотский Совет избрали двух рабочих, двух казаков, якута и эвенка. Этот Совет ничем себя не проявил за исключением реквизиции товаров у одного местного богача. В январе 1919 года в Охотск пришла шхуна «Михаил» с отрядом полковника Широких. Он объявил себя уполномоченным по охране государственного порядка, забрал все имевшееся в поселке золото и уехал, а вернувшись в сентябре, назначил представителем гражданской власти инженера Молчанова, которого красные расстреляли в 1920 году.

14 декабря 1919 года оставленные полковником Широких в Охотске солдаты взбунтова-

лись. Переворот носил явно анархистский характер. Бунтовщики безо всяких оснований расстреляли 19 человек.

С открытием навигации 1920 года в Охотск на пароходе «Астрахань» прибыл уполномоченный Приморского правительства Сентяпов. В ноябре того же года там была создана большевистская организация.

14 апреля 1921 года Якутский областной комитет РКП(б) приказал арестовать Сентяпова, но тот скрылся и сформировал партизанский отряд, к которому примкнули бывшие колчаковские офицеры из 1-й Сибирской армии Пепеляева. Среди них главную роль играл корнет Коробейников, который осуществил переброску штабс-капитана Киселева на Ямал.

В октябре 1921 года на охотский рейд прибыли пароходы «Кишинев» и «Свирь». С них высадился отряд полковника Бочкарева. Красные, около 120 человек, отступили к Якутску, но в пути почти все погибли от голода и холодов. Обосновавшиеся в Якутске бочкаревцы бесчинствовали и грабили местное население, насчитывавшее тогда 6,5 тысячи человек, три четверти из которых составляли эвенки и якуты.

Хотя экспедиция Пепеляева готовилась с мерами предосторожности, органы госполитохраны Дальневосточной республики, находившиеся под контролем ВЧК-ГПУ, узнали о белом десанте.

30 августа 1922 года, когда пароходы Пепеляева взяли курс на Аян, в ГПО ДВР поступило агентурное донесение: «...Удалось выяснить, что как Семенов, так и Пепеляев рассчитывают в ближайшем будущем начать активную борьбу с

большевиками. Пепеляев приступил к организации во Владивостоке 1-го Сибирского стрелкового полка. Полк формируется из верных Пепеляеву сибиряков. Действовать будет не здесь, а в Сибири, где, по сведениям Пепеляева, имя его пользуется популярностью. Предполагается, что полк отправится в Сибирь северным путем, т.е. через Охотск и Якутский район на Иркутск»...

6 сентября «дружина» прибыла в Аян. Вместе с офицерами находились сибирские областники Куликовский, Попов, Борисов. На собрании общественности Аянской области Пепеляев отметил, что его «дружина» появилась здесь по приглашению населения с целью помочь освободиться от власти большевиков. Было решено, что «высшая законодательная власть остается у Якутского областного народного управления, выбранного всем народом, а исполнительная власть передается Куликовскому.

После собрания Пепеляев принял Коробейникова, который доложил о секретном маршруте Киселева и сведения о расположении сил красных в селе Нелькан: до 300 красноармейцев при 5 пулеметах и двух орудиях.

14 сентября «дружина» в составе 480 штыков выступила на Нелькан. Но застать красных врасплох не удалось. Предупрежденные перебежавшими к ним поручиком Наха и унтер-офицером Плотниковым, они ушли из села на барже и катере по реке Май, не приняв боя.

Пепеляев возвратился в Аян, куда 5 ноября на очередном пароходе прибыл генерал Вишневецкий со 180 хорошо вооруженными добровольцами. Генерал Ракитин с группой офице-

ров разоружили в Охотске разложившихся бочкаревецев и создали боеспособный гарнизон. Удалось наладить снабжение между поселками. Легче стало с продовольствием. В Нелькане съезд тунгусов поддержал «дружину» и пожертвовал ей 300 оленей.

Но Пепеляев не дождался вестей о судьбе своего золотого запаса, спрятанного в сибирских урманах. При возвращении из Ямальской тундры в Якутию его связной Киселев вместе с Садовниковым и Сухих напоролся на чекистскую засаду и погиб.

В то же время Совет народных комиссаров Якутской автономной социалистической республики принял декларацию об установлении в крае советской власти. Большевистские газеты представили Пепеляева и его соратников отъявленными разбойниками и кровожадными палачами.

Пепеляев отправил в Якутск письмо, в котором предлагал мир путем созыва Учредительного собрания. В начале января 1923 года «дружина» в составе 590 бойцов выступила из Нелькана. Генерал Ракитин со 120 дружинниками двинулся из Охотска в направлении с. Чуранга. Все силы собрались на реке Алдан. Алданский съезд заявил о поддержке «дружины». Выраженная якутами ненависть к красным, которые «расстреляли в 1921 году много народу», стала для Пепеляева сигналом к решительным действиям.

5 февраля авангард «дружины» под командованием полковника Рейнгарда в составе 130 пеших бойцов и 110 конников атаковал п. Амга. Белые одержали победу: им досталось 10 пулеметов и 130 винтовок.

13 февраля отряд генерала Вишневского в 175 человек вступил в бой у д. Сагал-Сысы. Красные при 380 штыках и 8 пулеметах отбили атаку: дружинники потеряли 13 человек убитыми и 29 ранеными.

Через три дня, подтянув дополнительные силы (всего 350 бойцов и 4 пулемета), белые, которых вел сам Пепеляев, захватили опорный пункт противника, но штурм укреплений из замороженного коровьего навоза обошелся «дружине» большими потерями.

2 марта генерал получил от Вишневского донесение о поражении отряда в слободе Амга — пригороде Якутска. Захватить столицу края не удалось, а рейд к Томску по зимней тайге — гибель. И политическая обстановка в России изменилась: еще 25 октября 1922 года красные вступили во Владивосток — в России закончилась гражданская война.

Позднее Пепеляев так оправдывал свою военную неудачу: «...В Якутии я нашел совсем иную обстановку, чем ту, о которой мне говорили руководители «Сибирского комитета». Повстанцы были разбиты, и вместо 12-тысячной армии остался отряд в 250 штыков, деморализованный и почти безоружный... Якуты помогали только транспортом и довольствием, сами в боевых действиях старались не участвовать».

На военном совете в д. Усть-Лыба генерал заявил, что имеющимися силами Якутию от красных не освободить, и предложил прекратить военные действия. Первыми покинули «дружину» якуты и бывшие красноармейцы. С остатками отрядов Пепеляев отступил в Нелькан. 8 апреля там собрался второй съезд, в котором, кроме тун-

гусов, участвовали жители Аяна, Салдана, Чумикана. Их лидеры Карамин и Нестеров ратовали за продолжение борьбы с советской властью, но генерал не изменил своего решения.

14 апреля «дружина» выступила из Нелькана в Аян, куда прибыла после 250-километрового перехода 1 мая. К тому времени в ней насчитывалось до 550 человек. Решили строить морские кунгасы и плыть до Амура и дальше в Китай. Стали валить лес, создали мастерские и кузницы.

Но советское правительство не могло примириться с тем, что на окраине России существует вооруженное формирование белогвардейцев. В апреле 1923 года из Владивостока в Охотск на пароходах «Индибирка» и «Севастополь» отправилась красная экспедиция под командованием С.С. Вострецова. О нем следует сказать особо.

Степан Сергеевич Вострецов родился в 1883 году в Уфимской губернии. Был кузнецом — высокий рост, недюжинная сила. Участник Первой мировой войны, трижды ранен, награжден Георгиевскими крестами. В боях с колчаковцами и поляками получил три ордена Красного Знамени и заслужил репутацию «мастера внезапного удара».

Высадившись с батальоном и 4 орудиями в 30 километрах от Охотска, он лихой атакой захватил в поселке дружинников генерала Ракина, от которых получил сведения об обороне Аяна. Совершив скрытый переход, 400 красноармейцев в ночь с 17 на 18 июня 1923 года окружили поселок. У Пепеляева было 350 штыков при 10 пулеметах; многие дружинники еще не оправались от ран, другие находились в тайге на охоте и рыбалке.

Генерал с 15 штабными офицерами услышали крики: «Сдавайтесь, товарищи, пришла регулярная Красная армия». Увидев в окно подбегающих красноармейцев, Пепеляевскомандовал: «Братья, сложите оружие, я решил не сопротивляться». В избу вошел Вострецов и спросил: «Кто генерал Пепеляев?» Получив ответ, он заявил: «Генерал, я вам даю честное слово, что вы останетесь живы, вас не расстреляют, прикажите остальным сложить оружие».

Пепеляев написал обращение к остаткам своей «дружины». В нем подчеркивалось: «...Мы не совершали грабежей, мародерства не было, пленных отпускали, потому никто не будет расстрелян».

Адъютант генерала поручик Мальцев и один из красноармейцев передали это обращение полковникам Сивко и Цевловскому, которые со 160 дружинниками сдались красным.

Отказались подчиниться приказу Пепеляева 39 офицеров во главе с полковниками Шнаперманом и Степановым. Возле Чумикана они приняли бой: Степанов и 16 дружинников погибли, раненого Шнапермана захватили в плен¹.

¹ Шнаперман Николай Фиофилакhtiонович, 1886 года рождения, уроженец Санкт-Петербурга, окончил Владимирское военное училище, в царской армии штабс-капитан, в войсках Пепеляева – командир полка и бригады, отступил в Маньчжурию, принимал участие в формировании «Сибирской добровольческой дружины» и Якутском походе, за что осужден к расстрелу, замененному 10 годами лагерей. После отбытия срока заключения работал агрономом-плановиком в Сиблеспромсоюзе в г. Новосибирске. Расстрелян в 1937 году в числе 1759 бывших белых офицеров.

30 июня 1923 года экспедиция Вострецова с 450 пленниками возвратилась во Владивосток. Победителя наградили четвертым орденом Красного Знамени, побежденных передали ОГПУ. 5 июля начались допросы Пепеляева и его сподвижников. Суд над ними (всего 78 человек) состоялся в Чите и длился 20 дней.

Обвинение не предъявило генералу ни одного факта убийств представителей советской власти, расстрела пленных, мародерства, грабежей и других действий, которые квалифицируются как уголовные преступления. Уполномоченный Дальневосточного ЦК РКП(б) и Далькрайисполкома по Охотскому уезду В.А. Абрамов писал: «Пепеляев ведет оригинальную для белогвардейского генерала линию широкого демократизма по отношению к населению и гуманного отношения к красным. У населения Пепеляев идет под названием «брата-генерала», захваченных в плен красноармейцев освобождает под честное слово».

Генералу вменили в вину лишь организацию вооруженного выступления против советской власти. Решением суда 26 человек были приговорены к расстрелу. По их обращению ВЦИК всех помиловал и заменил смертную казнь на 10 лет лишения свободы. Все рядовые участники «дружины» от уголовной ответственности были освобождены².

Вместе с тем в официальном пропагандистском освещении судебного процесса и во всех последующих советских исторических трудах Пепеляев и его соратники по Белому движению в Сибири и экспедиции в Охотский уезд пред-

² Их расстреляли в 1937 году.

ставлены как бандиты, у которых «руки по локоть в крови».

Нельзя не согласиться с мнением сотрудника Управления ФСБ по Хабаровскому краю А.П. Лавренова, изучившего материалы уголовного дела 1923–1924 годов на Пепеляева, что «...Пепеляев и его соратники были, наверное, последними, кто на романтической идейной основе желал помочь народу не допустить всевластия большевизма, приведшего страну к трагическим последствиям. По тем жестоким временам Анатолий Николаевич выгодно отличался от военачальников Белого движения, применявших репрессивные меры не только к красным, но и к мирному населению»³.

³ О дальнейшей трагической судьбе генерала Пепеляева А.Н. см.: А. Петрушин. Три жизни генерала Пепеляева // А. Петрушин. Мы не знаем пощады...: Известные, малоизвестные и неизвестные события из истории тюменского края по материалам ВЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. Тюмень, 1999; А. Петрушин. Генерал Пепеляев: герой и жертва сибирского Белого движения // Сибирский исторический журнал. 2002. № 1.

Письма из прошлого

Тобольск, 25 мая—7 июня 1918 года

Давно никаких слухов о Вас не знаю ни я, ни Пепька, дорогие и хорошие наши друзья. Живы ли Вы, вот первая мысль ежедневно о Вас, так как в нашем «социалистическом» государстве в настоящее время нельзя ручаться и за один час, что не будешь на штык или под пулей.

Только что прочли телеграмму об аресте Вас и Иванцова, сейчас же ринулись к Пузыреву в надежде найти там Ивана Афанасьевича, но, увы, его и след простыл, а г. Пузырев обещал нам дать сведения о Вас какие получит, но до сих пор ничего не слышим, а часто заходить и беспокоить как-то неудобно все-таки, так как нам еще не привился еще дух современных «социалистов».

Иллюзии разлетаются, а факты остаются, да еще какие факты, которые несмываемым позором запятнали нашу милую родину. Боже, какой кошмар, поистине кошмар, творящий ужасную историю. Вот вам и бескровная революция, так сами нальем реки крови братоубийственной бессмысленной бойней, продолжая разрушать все, что попадает под руку кровожадного инстинкта.

Вот и наша поездка повидаться с Вами — остается только несбыточной мечтой. Во-первых, не знаем о Вас ничего, а во-вторых, проезд

к Вам теперь так дорог, что нам оказывается не по карману подобная роскошь, приблизительно, говорят, нужно на поездку около 400 рублей. То ли дело, как теперь у «товарищей» хорошо, не то что у «буржуев». Вздумал бы что-либо предпринять, да только думой и ограничишься, а уж в дело-то воплотить немыслимо.

Это письмо посылаю Вам со своими хорошими приятелями Варварой Васильевной и Павлом Михайловичем Гилевыми (первую из них Вы в прошлом году видели у нас, а супруг ее в то время был на войне), они служат на пароходе «Храбрый» и направляются в Обдорск, вот мы и просим, чтобы они обязательно Вас разыскали там и привезли о Вас весточку, а остальные посудинки, в том числе и наш бочонок, попросим увезти Садовникова. Если все будет благополучно, то ведь посуда-то Вам там нужна будет.

Не одну тысячу раз слали мы ныне Вам спасибо за рыбу, прокормили Вы нас, здесь теперь очень худо в отношении продовольствия, ну да все же, думаю, лучше, чем в других местах. Если сумею достать хоть на одну лепешку масла, то пришлю, но при написании этого письма еще не знаю, найду ли чего, т.к. все по карточкам, да и то не всегда.

Как поживают Ваши дети Маруся и Костинька, тоже, бедняжки, наберутся страху, не дай Бог.

К нам в Тобольск вчера из Томска пришли два парохода с красногвардейцами «для борьбы с контрреволюцией», говорят, что пройдут в Омск, так как у нас «делов не предвидится».

Привет наш передайте Иванцову и напишите — как его благополучие.

Ну, будьте здоровы. Что надо, то доскажут Вам наши други верные. П.М. и В.В. Гилевы — люди вполне честные и надежные.

Крепко целуем Вас Ваши Сер. и Петр Деминовы.

Обдорск

Георгию Зааловичу и Анастасии
Егорьевне Гобирахашвили.

Дом Ивана Афанасьевича Рочева-Моторова.

Примечание: Это письмо изъято у Гобирахашвили Г.З. при аресте в сентябре 1921 года в Обдорске и приобщено к его следственному делу.

Уполномоченный ГО ГПУ
по Березовскому уезду

23 мая 1923 г.

Начотдела ГПУ

Препровождаю письмо, писанное женой сотрудника губотдела ГПУ т. Гульяева, дочерью расстрелянного кулака с. Обдорска Карпова. В прошлом году по моему прибытию в Обдорск Гульяев был врид уполн. ГПУ. Я останавливался у него на квартире, и мое внимание было следующее: тов. Гульяеву чрезвычайно опасно иметь жену — дочь расстрелянного кулака и кроме того жить у тещи, которая не расстреляна лишь «по недоразумению» или было слишком занято время у соответствующих органов тогда. Гульяев мною был откомандирован немедленно в распоряжение губотдела ГПУ.

Ворончихин.

Приложение: письмо.

...6 февраля 1921 г. вдруг утром в 12 часов прошли аресты. Арестовали в с. Обдорске 19 человек, все буржуазный класс, в том числе Бро-

ничиха. Папа, Ерлыков П. Васильич, Пузырев, Попов П.К., Протопопов А.С. не были арестованы до осадного положения или, точнее сказать, до Варфоломеевской ночи. Арестованные были 2 Нижегородцева, Броничиха, Козлов А.Е...

Миша Тележкин, Слободсков М.Ф., бабушка и много, много — они оказались как заложники. Как их посадили, так в Обдорске было объявлено военное положение. Стали жить в страхе. Потом и в Березове, и в Сургуте, и в Самаровском то 10 человек расстреляют, то одиннадцать, а в Обдорске все еще никого. Мы думаем, что, слава Богу, может посидят они, да их и выпустят. Но не тут-то было. Они сидели три недели, а в одну прекрасную ночь на 3 марта их расстреляли.

Когда узнали, что 11 человек расстреляны и снова аресты, то народ собрался и давай бунт устраивать. Убили Глазкова и Королева, да двух ранили — Протопопова Осипа да Колосова.

Других заложников расстреляли 8 и 10 марта. 17 марта расстреляны были наш дорогой папочка и Ерлыков, Груша Сидельникова, Шура и Таничка Карпова — всего 218 человек. И нам бы не миновать такой участи, да Бог помог.

Они еще хотели расстрелять 83 человека, как вдруг приехала ихняя разведка и говорит, что видели сейчас шесть лыжников с той стороны. Они в кою пору собрались и бежать. Вот благодаря чему мы и остались живы.

...Всех убиенных вытащили из подо льда и будем хоронить.

Примечание: Гультяев Михаил Алексеевич, родился в 1904 году в Березове, окончил там

высшее начальное училище, в ноябре—декабре 1919 года был в Отряде северной экспедиции, потом работал в Обдорске телеграфистом, с июня 1921 года в органах ГПУ. Дальнейшая судьба неизвестна.

Нине Ивановне Пепеляевой
в г. Харбин

...Вот видишь, Ниночка, много, много труда и терпения нужно потратить, чтобы воспитать добровольцев, особенно офицеров. Есть такие, которые пришли просто пограбить, но теперь прониклись моими идеями...

У меня почему-то полная вера в успех. Ты за нас не волнуйся, даст Бог, вернемся здоровыми или к нам приедешь в Свободную Сибирь...

Молись, Ниночка, родная, чаще ходи в церковь. Не грусти, Нина, люби меня, не забывай, как я люблю и не забываю тебя. Детей береги. Да храни вас Господь. Твой Анатолий.

Примечание: Письмо изъято у Пепеляева в июне 1923 года в Аяне и приобщено к его следственному делу.

Нина Ивановна Пепеляева и сыновья Всеволод и Лавр были арестованы в августе 1945 года после вступления в Маньчжурию Советской армии. Нину Ивановну выслали в Южно-Казахстанскую область. Детей заключили в лагерь на 25 лет. Всеволода амнистировали по инвалидности в 1956 году, а Лавр умер в неволе.

Вострецов С.С. служил в Смоленске и Витебске. Во время событий на КВЖД в 1929 году В.К. Блюхер предложил ему командование 18-м корпусом. Вострецов отличился и был награж-

ден почетным революционным оружием. Потом его назначили командиром 9-го корпуса в Новочеркасске. Умер Вострецов в мае 1932 года. Все другие красные командиры, воевавшие против Пепеляева в Сибири и в Якутии, были расстреляны в 1937—1938 годах.

Не все то золото, что блестит

В мае 1923 года обдорские чекисты нашли «свою» часть колчаковского золота. В Москву через Тюмень было отправлено несколько увесистых драгоценных посылок.

Секретное кладоискательство совпало с проводимой в стране кампанией по изъятию церковных ценностей. Постановление Президиума ВЦИК от 5 февраля 1922 года предлагало местным Советам «в месячный срок... изъять из церковных имуществ всех религий по описям и договорам все драгоценные предметы из золота, серебра и камней».

Грабеж церкви объяснили «организацией помощи голодающим Поволжья». Но действительное предназначение изымавшихся церковных ценностей объясняет секретное письмо В.И. Ленина от 19 марта 1922 года членам Политбюро: «Нам во что бы то ни стало необходимо провести изъятие церковных ценностей самым решительным и самым быстрым образом, чем мы можем обеспечить себе фонд в несколько миллионов золотых рублей... Без этого фонда никакая государственная работа вообще, никакое хозяйственное строительство в частности, и никакое отстаивание своей позиции в Генуе в особенности совершенно немыслимо... Чем большее число представите-

лей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать».

Шифрованную телеграмму о проведении антицерковной кампании Тюменский губком РКП(б) получил 28 марта 1922 года. В соответствии с ней стали создаваться специальные комиссии. В Березове такая комиссия была сформирована 13 апреля. В нее, кроме секретаря уездного комитета партии, вошел уполномоченный ГПУ Ворончихин.

До 5 мая, то есть менее чем за месяц, в Березове из двух церквей изъяли 9 пудов 35 фунтов 73 золотника серебра. Это составляло $\frac{1}{16}$ часть всего изъятого в губернии церковного золота. К 20 мая березовские коммунисты рапортовали об изъятии более чем 20 пудов ценного металла. Сейчас понятно, что к золотому церковному «лимиту» они приписали вес колчаковского клада, в котором было немало предметов церковной утвари.

Но эти ценности не имели отношения к сибирскому Белому движению. Не потому, что среди «золотых и серебряных вещей» не было орденов «Освобождение Сибири» и «Возрождение России». А потому, что клад чекисты нашли не в предгорьях Полярного Урала, где спрятал его Гобирахашвили, а в селении Хэ.

Этот обман раскрылся только в 1938 году после ареста Филиппова. В своих показаниях он отметил: «...Ворончихин, уполномоченный ГПУ, тщетно стремился разыскать золото и дру-

гие ценности... которые, как потом оказалось, были сложены в водосточную трубу, находившуюся в соляном амбаре богача и белогвардейца П.И. Туркова, расстрелянного в 1921 году... Когда в ноябре 1922 года Ворончихин арестовал меня, то одновременно посадил пастухов хэнских: Вавилу Ямзина, Ивана Канева, оленевода Фурлета, Алексея Алексеевича Чупрова и братьев Семена и Василия Сверчкова, за то, что они нашли клад, спрятанный Турковым, и сдали золото обдорскому уполномоченному ГПУ, а не лично Ворончихину, как он добивался... В Москве арестовали и привезли в Обдорск П.И. Сосунова... Вот какое дело раздули березовские власти...»

Это «дело» требует пояснения. После подавления восстания в Березовском уезде Протасов-Жизнев уехал в Тюмень. «Он находился, — по наблюдениям Волкова, — в явно угнетенном состоянии: бродил по Обдорску с рассеянным видом, ни во что не вникая. Иногда у него проскальзывали фразы вроде «пришла пора расплачиваться за грехи». Отношения между нами продолжали оставаться холодными, почти враждебными. Только в день отъезда Александр Васильевич забежал ко мне оживленный, с посветлевшим и потеплевшим лицом:

— Ну, Ося, давай простимся по-братски! Еду отчитаться за все наши головотяпства. На север не вернусь. И в Тюмени не останусь, если только не посадят за решетку. Надо бы и тебя выдернуть отсюда.

И повторил им же изобретенную формулу:

— Нас или расстреляют, или наградят орденами. Середины быть не может...»

Волков заключил: «Никого из нас не осудили и не расстреляли. И награждать нас никто не собирался»⁴.

По утверждению Волкова, «...Сосунов с вооруженным отрядом обдорцев, человек 30, возвратился из-за Урала в конце июня или в первых числах июля 1921 года». После ликвидации 29 июня отряда Рочева у д. Калякурья на реке Усе. Усинское волнение на территории Печор-

⁴ Протасов-Жизнев, 1891 года рождения, окончил в 1914 году медицинский факультет Казанского университета, участвовал врачом в Первой мировой и в гражданской войнах. После Обдорска в июле 1921 года Тюменский губком РКП(б) направил его в Москву в распоряжение ЦК. Мотивировка: «Тов. Протасов в течение 5-ти месяцев с февраля по июнь во время борьбы с бандитами был заброшен на самый крайний Север Тюменской губернии, где ему с небольшим отрядом пришлось выдержать отчаянную борьбу; здоровье тов. Протасова настолько пошатнулось, что он несомненно нуждается в отдыхе или хотя бы в перемене обстановки работы...» ЦК РКП(б) откомандировал его в Тверь на лекторскую работу «по вопросам мироздания истории партии, интернационального рабочего движения». Потом снова Сибирь. Последний документ партийных архивов о Протасове датирован 22 декабря 1926 года: «Сибкрайкому. При отсутствии возражений откомандируйте тов. Протасова — бывш. секретаря Сибкрайправления Союза просвещения в распоряжение ЦК для работы в другой губернии. Секретарь ЦК Косиор».

Начальника Обдорской радиостанции Волкова в ноябре 1922 года отправили на остров Диксон. Воспоминания о событиях 1920–1922 годов в Обдорске он написал в 1956 году. Они никогда не публиковались по понятным сейчас причинам — слишком откровенен был их автор.

ского уезда считалось подавленным, хотя отдельные банды скрывались в тундре до конца 1922 года, и, по мнению современников, «каждый оленевод был для них приютом, и долго еще пришлось их искать». Сам поручик Рочев был выдан собственными дружками в сентябре 1921 года и без суда расстрелян в Усть-Усе (заодно расстреляли и дружков). «Тогда, — вспоминал Волков, — безвестные трупы никто не считал».

Несмотря на возражения губернского чекистского руководства, Сосунов оставил службу в Обдорской уездной ЧК (политбюро) и перешел в местное отделение треста «Областьрыба». Надо отдать должное: он хорошо знал край и пользовался большой популярностью у населения.

В феврале 1922 года его старанием был созван в Обдорске съезд ватажных старшин. Ненецкие и хантыйские вожди настойчиво требовали местного самоуправления в области хозяйственной, политической и культурной жизни. Съезд уполномочил Сосунова довести эти требования до правительства и снабдил его соответствующей доверенностью, скрепленной там-гами В. Тайшина и Н. Вануйто.

В Москве Сосунов заручился поддержкой заведующего отделом национальных меньшинств Наркомата по делам национальностей Плича, а тот обратился с запиской к заместителю наркома Карклину (наркомом был И.В. Сталин). В ней Плич в энергичных выражениях обосновал необходимость принятия срочных мер по охране народов Севера, положение которых после революции «невероятно ухудшилось». 13 марта 1922 года в Наркомнаце был создан подотдел во главе с Сосуновым по управлению и охране туземных племен Севера.

По воспоминаниям Волкова, «Тюменская губерния, потрясенная повстанческим движением, не справлялась какое-то время с руководством отдаленной периферией. В Обдорске мы почти не ощущали этого руководства. До половины лета власть принадлежала военным. Но в середине августа, когда на Севере только разгорелась страдная пора навигации, десантный отряд Баткунова погрузился на свой пароход и окончательно покинул Обский Север. Мы вновь остались изолированными ото всех не меньше, чем в дни войны с бандитами...»

Этой изоляцией от Тюмени воспользовался Сосунов. Он стал готовить конференцию представителей северных этносов. Предполагалось созвать ее в Москве и пригласить в столицу делегатов Березовского, Сургутского, Тобольского уездов Тюменской, Нарымского уезда Томской, Туруханского уезда Енисейской и Печорского уезда Архангельской губерний. По норме представительства: 1 делегат от 2000 туземных жителей. Финансирование конференции Сосунов взял на себя, однако скрыть от своих бывших коллег-чекистов найденный в Хэ клад ему не удалось. Поэтому из-за недостатка средств конференцию провели 24–29 июля 1922 года в с. Самаровском Тобольского уезда, ограничившись представительством только трех уездов Тюменской (Тобольской) губернии.

В своих выступлениях делегаты (15 — с правом решающего голоса и 3 работника местных хозяйственных организаций и администраций с правом совещательного голоса) описали крайний упадок северного хозяйства, обнищание северян по причине их ограбления сонмищем

разного рода заготовительных организаций и частных предпринимателей. Отмечалась неэффективность работы Советов: «...Все мероприятия центральной власти, — говорил делегат Березовского уезда Г.И. Артеев, — проводятся на местах, не отступая от буквы закона, не сообразуя их ни с местными условиями, ни с интересами населения... Работы соваппаратов состоят в постоянных попытках, обычно безуспешных, прямолинейно, слово в слово, применять к тундре декреты центра, рассчитанные на более культурных народов и местностей Республики, имеющих определенные культурные формы хозяйства, но не как для самоедов и остяков, и, в результатах, горы переписки, масса ненужного труда и ничтожные результаты».

Конференция постановила ходатайствовать перед правительством РСФСР о том, чтобы признать за туземным населением Полярного Севера право выделения в административную единицу на началах восстановления национального аппарата в масштабе краевого исполкома, подведомственного Тюменскому губисполкому под руководством и наблюдением Народного комиссариата по делам национальностей. Делегаты просили Наркомнац разработать положение по административному управлению северных народов и их хозяйственному строительству, «согласованное с бытовыми особенностями края, для чего привлечь научные и практические силы».

В области судопроизводства конференция высказалась за широкое участие аборигенов в работе народных судов и ведение судебного процесса на национальных наречиях или, в крайнем случае, с переводом на эти наречия. С уче-

том своеобразия национальных традиций и всего уклада жизни должна была быть построена система образования и здравоохранения.

Иными словами, Самаровская конференция видела решение проблем северных этносов в предоставлении им административно-хозяйственной и культурно-национальной автономии в пределах Березовского, Сургутского, северной части Тобольского уездов, объединенных в единый округ, административно входящий в Тюменскую губернию.

«Обдорский совнарком»

Достаточно скромная программа северных преобразований перепугала Тюмень. Уже через два дня после конференции в Самарово президиум Тюменского губкома РКП(б) в своем постановлении признал выделение Тобольского Севера в автономную «национальную» административно-хозяйственную единицу опасным для политического состояния края, а саму идею автономии — плодом «домогательства частного капитала». Губернский отдел ГПУ начал оперативную разработку Сосунова и его единомышленников, якобы ведущих контрреволюционную агитацию за создание и отделение «остяко-зырянской и самоедской республики».

Но высказанная Сосуновым идея национальной автономии получила неожиданную поддержку у ряда местных Советов. За создание северного округа с центром в с. Самарово голосовали Березовский и Сургутский уездные и Обдорский волостной исполкомы. Свой голос в пользу национального округа подал председатель Тюменского губплана И.Ф. Первухин.

Дискуссия о национальной автономии Тобольского Севера совпала с реализацией нэпа — новой экономической политики. По утверждению Волкова, «...НЭП внедрялся на местах с большим трением. Многие коммунисты открыто возмущались лозунгом В.И. Ленина «Учитесь торговать» и готовы были скорее расстаться с партбилетом, чем пойти в торговые организации...»

Проводниками приватизации северного рыбного хозяйства стали Лопарев и Бублик. «...Они, как представители Тобольского отдела Центросоюза, прибыли в Обдорск для приема дел райрыбы... Однако райком (Сосунов, Волков, Протасова, Филиппов, Гаврюшин, И. Чупров и Тушкин) отказались выполнять приказ Губпродкома и Березовского уездного исполкома о передаче ранее национализированных и ставших государственными рыбных промыслов, заготовку пушнины и товарные фонды Райрыбы кооперативным организациям. В конфликт вмешался губисполком, поддержавший кооперативы...»

Этот приватизационный процесс сопровождался жалобами в высшие хозяйственные, советские и партийные инстанции, угрозами, необоснованными арестами, тенденциозными разбирательствами и заказными, но не раскрытыми убийствами — так велика была в то время цена северной рыбы и пушнины.

По мнению Волкова, «...Обдорская вольница встретила с открытой неприязнью многими губернскими начальниками, привыкшими к чиновничьей почтительности своих аппаратчиков... На всю жизнь запомнились мне слова председателя губчека Студитова:

— Вы там, в Обдорске, слишком дружны. Надо послать вам хорошую собаку, чтобы она всех вас перессорила.

Студитов же прозвал нас «Обдорским совнаркомом». Это прозвище закрепилось в губернских кругах и вскоре получило криминальную окраску...

«Собакой раздора» стало для предгубчека и других руководителей губернии березовское уездное начальство. Оно сняло с должности начальника Обдорской милиции Преображенского за невыполнение приказа об аресте Сосунова и Филиппова, угрожало арестовать всех членов райкома. Новый, присланный из Березова начмилиции Слепцов пытался разоружить наш отряд ЧОН. «Обдорский совнарком» оказался в осаде... «При попытке к побегу» был убит Преображенский (он в должности помощника начальника уездной милиции пришелся «не ко двору», так как раскрыл какие-то служебные злоупотребления в уездном политбюро)... Об этом мы узнали от одного обдорского жителя, сидевшего по какому-то делу в Березовской тюрьме и слышавшего, как Преображенского силой выводили на расстрел...

Не лучше была обстановка в Тюмени. Там весной 1922 года был убит в своей квартире ответственный секретарь губкома партии Вадиковский. Шли слухи, что в этом деле замешаны видные губернские работники. Вскоре после этого убийства предгубисполкома Новоселов, предгубчека Студитов и некоторые другие губернские руководители были переведены из Тюмени в другие места...

В разгар междоусобицы между Обдорском, Березовом и Тюменью мы получили по прово-

лочному телеграфу депешу из Центра примерно такого содержания:

«Тюмень. Губисполком. Копии -- Тобольск. Областьрыба; Обдорск. Райрыба. Райком ВКП(б) — для сведения. Ваши распоряжения о передаче рыбных госпромыслов Нижней Оби и аппарата госпушнины в ведение кооперативных организаций отменяем, как незаконные.

Начкомпред Брюханов

Секретарь ЦК РКП(б) Молотов»

Огромные рыбные и пушные богатства Обского Севера, — заключает Волков, — остались в руках государственных органов».

Однако Ленин и его окружение отводило в своих планах далекому северному краю другую роль — края политической ссылки.

Декретом ВЦИК от 10 августа 1922 года для лиц, причастных к контрреволюционным выступлениям, вводилась административная высылка за границу или в определенные местности РСФСР сроком до трех лет под надзор местного органа ГПУ.

Эти места определил в записке Ленину председатель ГПУ Дзержинский: «...Печора, Березов, Обдорск...»

На Тобольский Север стали высылать представителей «исторической контрреволюции» из бывших привилегированных дворянских и духовных сословий и членов буржуазных и социалистических, но оппозиционных большевизму политических партий: конституционных демократов (кадетов), социалистов-революционеров (эсеров), социал-демократов (меньшевиков), анархистов, армянских дашнаков, украинских боробьистов, азербайджанских мусаватистов,

грузинских меньшевиков, еврейских сионистов.

В селение Хэ выслали митрополита Петра Крутицкого (Полянского), которого после смерти патриарха Тихона собор 37 епископов Русской православной церкви избрал местоблюстителем патриаршего собора. А в Обдорск отправили в ссылку «охладиться» гордость русской культуры — Московский художественный театр с оппозиционно настроенным к большевистскому режиму Немировичем-Данченко. Как отмечалось в «докладах» уполномоченного Обдорского отдела ГПУ Игнатия Кузнецова, «...коллектив ссыльных артистов играл в народном доме по договору, заключенному с РИКом»⁵.

Чекист Кузнецов вел в Тобольске оперативную разработку лиц, причастных к сокрытию сокровищ Николая II и его семьи. В Обдорск губернское чекистское начальство отправило Кузнецова для розыска пропавших ценностей сибирского Белого движения (на смену уже не внушавших доверия Пензина и Рябкова).

Однако Кузнецов, совершив несколько секретных поездок по тундре (оставил, на мой взгляд, ряд интересных сообщений о жизни коренного населения Севера, — А.П.), решил не рисковать своей молодостью — в тундре еще оперировали недобитые остатки «рочевщины» — и сосредоточился на оперативном наблюдении за ссыльной артистической труппой.

⁵ О советской политической ссылке на Тобольском Севере (1922–1982 гг.) см. в книге: А. Петрушин. Мы не знаем пощады... Известные, малоизвестные и неизвестные события из истории тюменского края по материалам ВЧК-ГПУ-НКВД-КГБ.

После истории с кладом, найденным в Хэ и выданным за колчаковский, розыск ценностей уступил по политической актуальности надзору за ссылкой. К тому же Кузнецов увлекся опальной актрисой, которую в своих «докладах» в губотдел ГПУ величал не иначе, как «Еленой Прекрасной» (за что и был «вычищен» из органов).

В противостоянии между сторонниками планового гослова и развитием рыбных промыслов на основе кооперации Лопарев потерпел неудачу. В его автобиографии от 3 октября 1936 года (за несколько месяцев до ареста, — А.П.) отмечено: «...Из кооперации ушел — устал от бесконечных разъездов по северу. До июня 1924 года охотился, изучал рыбное хозяйство и балычное дело...» Его видели в окрестностях Сургута и в верховьях Ваха. Под прикрытием охотничьего и рыбного промыслов он искал архив Зырянова (и нашел!) и ненайденную часть спрятанного штабс-капитаном Киселевым и «большим урядником» Волковым золота. При этом Лопарев не терял надежды на союз частной инициативы и рачительного отношения к местным рыбным ресурсам с поддержкой государства и научным, объективным подходом к нормам вылова рыбы и ее качественной переработки (отсюда интерес к производству балыков, маринованию и консервированию, — А.П.).

Эта надежда в очередной раз вспыхнула в 1930 году, когда управляющим Обьрыбтрестом в Тобольске был назначен Николай Александрович Угланов, с 1925 по 1929 годы — секретарь Московского комитета партии, кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б), один из лидеров «правой оппозиции». «Командировка» на То-

больский Север являлась для Угланова плохо замаскированной ссылкой.

Перед ним стояла неразрешимая задача: «трудозанять» на рыбодобыче репрессированных и высланных на Север крестьян (в 1930 году только в Березовском районе их насчитывалось более 12 тысяч, всего во время коллективизации на Тобольский Север выслали около 31 тысячи крестьянских семейств, что составляло около 150 тысяч человек), соединить планы гослова с интересами аборигенов, не понимавших, «зачем русские пришли на их пески и берега святого озера Нумто⁶».

Это непонимание и страх перед насильственными методами ведения коллективного хозяй-

⁶ Озеро в Белоярском районе Ханты-Мансийского автономного округа, одно из наиболее почитаемых священных мест коренного населения Обского Севера. Получило название по имени верховного небесного божества Нум (ненец.) или Торум (хант.) и в переводе на русский обозначает «Божье, Небесное озеро». По мифологии ханты и лесных ненцев, Нумто — одно из трех мест на земле, куда спускался с неба верховный бог. Считается, что озеро — это туловище богатыря, один из заливов (Ухлор — Голова-озеро) — его голова, два острова на Ухлоре — глаза, реки, впадающие и вытекающие из озера — руки и ноги богатыря, а остров в середине озера, — его сердце. Этот остров являлся местом периодических жертвоприношений аборигенов. Из-за уникальных запасов сырка Нумто обеспечивало их рыбой, которая вылавливалась раз в год в определенное время. Этот обычай был нарушен в начале 30-х годов; в настоящее время рыбные ресурсы озера почти полностью истощены. С января 1997 года прилегающие к Нумто места объявлены природным парком окружного значения.

ства привели в 1933—1934 годах к вооруженным выступлениям ханты и ненцев, которые были подавлены 55-м дивизионом ОГПУ.

После ареста Угланова в 1937 году (из Тобольска его этапировали в Москву) десятки опытных обских рыбаков расстреляли по обвинению в «углановщине», то есть только за знакомство с управляющим Обьрыбтрестом. В числе жертв «углановщины» оказался и Лопарев.

История повторяется: при нынешней приватизации государственной собственности вновь возникло противостояние между находящимся в Тюмени Сибрыбкомом и местными «райрыбами». В борьбу вовлечены органы исполнительной власти муниципальных образований, субъектов Федерации, Полномочное представительство Президента Российской Федерации в Уральском федеральном округе, прокуратура, милиция и... организованная преступность. Конечно, северные рыбные запасы существенно сократились в результате «фронтового» выполнения Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 6 января 1942 года «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и на Дальнем Востоке» и интенсивной разработки нефтяных и газовых месторождений. Но северная рыба по-прежнему в большой цене: отсюда взаимные упреки и обвинения, встречные жалобы в инстанции, уголовные дела, судебные иски.

В прошлом подобный экономический конфликт, политические амбиции местных руководителей и автономистские настроения были пресечены в духе того жестокого, бескомпромиссного времени. Верх одержали противники национальной северной автономии. Главные аргументы их

заклучались в обосновании малолюдности территории, отсутствии национальных административных кадров и экономии средств. При новом районировании осенью 1923 года Тюменская губерния была упразднена, а ее территория, разделенная на три округа, вошла в Уральскую область⁷.

Тогда же был разогнан «Обдорский совнарком». Под предлогом проводимой на местах партийной переписи, называемой «чисткой партии», из ВКП(б) исключили Сосунова и всех членов Обдорского райкома — их называли «кабардинцами», видимо, из-за близости с главным автономистом Сосуновым, которого считали «черкесом» (из семьи горцев, высланных в с.

⁷ Уральская область создана из Пермской, Екатеринбургской, Челябинской и Тюменской губерний и условно разделена на 4 зоны: Предуралье, Зауралье, Горнозаводской Урал и Тобольский Север. Территория области составляла 1 млн. 661 тыс. кв. км, а территория Тобольского округа — 1 млн. 168 тыс. кв. км, т.е. $\frac{2}{3}$ территории всей Уральской области.

По данным переписи 17 декабря 1926 года, на территории области проживало 6,8 млн. человек, в том числе: в Предуралье — 1,9 млн., в Горнозаводской полосе — 1,5 млн., в Зауралье — 3,2 млн. и на Тобольском Севере — 192 тыс. человек. В состав области входило 16 округов, 205 районов, 87 городов и 3100 населенных пунктов. Административным центром Уральской области считался город Екатеринбург (с 1924 г. — Свердловск), в котором находились такие органы управления, как областной съезд Советов, облисполком Уральского областного Совета, и функционировали Уральский областной комитет ВКП(б) и Полномочное представительство ОГПУ по Уралу, в руках которых находилась реальная власть.

Юровское Тобольского уезда в период покорения Северного Кавказа, — А.П.).

Ему припомнили «бунт» на пароходе «Пермяк» в сентябре 1921 года и последующее «бегство» из Обдорской ЧК. Волкову, Филиппову и Чупрову приписали «чуждое классовое происхождение», а Гаврюшину — «пьянство и пассивность». Назначенные «уполномоченными уездной комиссии по чистке березовские чекисты Желенкин и Гришанов отобрали у всех членов «Обдорского совнаркома» партбилеты, изъяли и увезли в Тюмень протоколы их собраний.

Сосунов перехитрил уполномоченного губотдела ГПУ по Березовскому уезду Ворончихина, перекрывшего речной путь бегства, и известными ему по 1921 году тайными тропами ушел через Урал в Москву. После упразднения в 1924 году Наркомата по делам национальностей и подотдела по управлению и охране туземных племен Севера Сосунов с присущим ему напором «пробил» создание при ВЦИК Комитета содействия народностям северных окраин, или сокращенно Комитет Севера. В феврале 1925 года учреждена местная структура этого комитета. Чтобы быть ближе к проблемам аборигенов, Сосунов фактически возглавил Тобольский окружной комитет и разработал Положение о местном национальном самоуправлении на Тобольском Севере (туземные родовые советы).

Переход к родовым советам начался во время выборной кампании 1925—1926 годов и сопровождался реформой судеустройства и судопроизводства на Севере. Инициатива и здесь шла от Сосунова. Он правильно определил главное направление поиска наиболее приемлемых

для северян форм национально-государственного строительства: постепенно приобщать северные этносы к современной цивилизации, бережно сохраняя их своеобразный психологический характер, нравственные ценности и органическую связь с природой. Тогда перед Севером открывались обнадеживающие перспективы, которым, однако, не суждено было воплотиться в жизнь.

Утвердившийся в стране тоталитарный режим положил конец реформам Сосунова. В соответствии со сталинской концепцией перехода к социализму во главу угла ставилась идея непримиримой и возрастающей классовой борьбы. Принимаемый за универсальный, классовый подход был распространен и на Север. Здесь обнаружилось, что внедряемая Сосуновым и его сподвижниками система родовых советов принципиально несовместима с ним.

Вставший на ортодоксальную большевистскую позицию Уральский комитет Севера 15 января 1929 года заявил: «Туземные советы оказались совершенно не приспособленными к проведению в гуще туземных масс директив правительства, особенно в части осуществления классовой политики».

Строптивного Сосунова сместили с его поста. Сменившие его партийные функционеры в письме Комитету Севера при ВЦИК в феврале 1930 года от имени Тобольского окружного комитета предложили заменить родовые советы территориальными (в то время уже действовало 12 туземных районов и 64 родовых совета).

При новом районировании родовые советы были ликвидированы. 10 декабря 1930 года Пре-

зидиум ВЦИК принял Постановление «Об организации национальных объединений в районах расселения малых народностей Севера» — создано 8 национальных округов (в том числе Остяко-Вогульский и Ямало-Ненецкий). Туземные районы и родовые советы заменили системой стандартных территориальных советов.

Образование национальных округов официальная пропаганда немедленно выдала за очередной триумф советской национальной политики.

В действительности формальное провозглашение национальной государственности лишило северные народности всякой автономии. Власть в национальных округах и в территориальных советах оказалась в руках партийной советской бюрократии, преимущественно русской. Новые советы существенной роли в жизни Севера не играли. Они оказались неспособными остановить массовые репрессии над аборигенами во имя «социалистического будущего». Может, поэтому главный идеолог национального самоуправления северных народностей П.И. Сосунов не упомянут в советских и постсоветских официальных исторических изданиях (его имени нет в энциклопедиях Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов).

НКВД вспомнил о Сосунове в октябре 1938 года после получения из Омска «признательных» показаний Филиппова о подмене ценностей сибирского Белого движения, спрятанных Гобирахашвили в 1921 году в предгорьях Полярного Урала, на найденный в 1922 году в селении Хэклад местного рыбопромышленника Туркова. На Лубянку запросили все имевшиеся на Сосунова

материалы, в частности, его архивное чекистское личное дело. Чем закончился этот очередной оперативный розыск Сосунова, неизвестно (может, он был к тому времени расстрелян или находился в одном из бесчисленных лагерей ГУЛАГа). Официальная переписка о нем совпала с организацией в апреле 1941 года секретной экспедиции НКВД на Ямал. Через Омск паромом чекисты-кладоискатели в июне добрались до Салехарда. Но дальнейшим прицельным поискам сокровищ помешала война.

Переписчица из уездной ЧК

22 мая 1921 года бронепароход с десантом 25-го стрелкового полка под командованием Алексея Необараки причалил к пристани Сургута. Мятежники оставили город без сопротивления.

После подавления восстания главный сургутский чекист получил грозную телеграмму:

«Сургут. Политбюро. Валенто. Приказываю первым пароходом выехать в Тюмень. Неисполнение будет рассматриваться как неподчинение боевому приказу. Предгубчека Студитов».

В Тюмени от Валенто потребовали объяснений: где «золотые и серебряные вещи», изъятые им при «ликвидации банды (так в тексте, — А.П.) начальника колчаковской милиции г. Сургута Волкова»? Валенто сообщил Студитову об обмене ценностей на ляпинский хлеб между сургутским и березовским красными уездными начальниками Зыряновым и Сенькиным. Но их уже не было в живых (о гибели Сенькина Валенто не знал).

Предгубчека Студитов немногословен: «Золото или трибунал!» Валенто возвратился в Сур-

гут и приказал своей жене, служившей переписчицей в политбюро (уездной ЧК) по дневниковым записям штабс-капитана Киселева, найденным им на стоянке Волкова в верховьях реки Вах, составить описание — ориентировку по розыску «сибирских орденов».

Агриппина Ильинична Меньшикова родилась в 1900 году в Сургуте. Отец, происхождением из казаков Ермака, занимался рыболовством. Семья многодетная. Дочь училась в местной церковно-приходской школе, потом работала в прислуге у купцов. «...В 1917 году умерли отец и братишка; осталось нас трое: мать — 57 лет, брат — 12 лет, и я — 17 лет. С 1920 года, когда в Сургут пришли красные, я поступила на службу сначала в местный Трамот, затем — в уездный военкомат регистратором, а в январе 1921 года — в Сургутскую уездную ЧК переписчицей и машинисткой...»

Тогда же она сошлась с Валенто: «немец, но — начальник!» (старше ее на семь лет).

«...Во время бандитского восстания я вместе с мужем и войсковыми частями отступала из Сургута на Нарым и находилась на бандитском фронте, работая в канцелярии при полевом штабе...»

Она отвечала за архив Сургутской ЧК и самый дорогой документ — дневник Киселева. Потом по его записям при свете керосиновой лампы на пишущей машинке, доставшейся от уездного исправника Пирожникова, напечатала: «...Общая форма ордена «Освобождение Сибири» — сильно стилизованная снежинка. В центре ордена — сибирский герб с присоединенным к нему сверху гербом России. Между кон-

цами ордена изображены: вверху кедровые ветки с шишками, а под ними два горноста, в нижней части — головы мамонтов...»

Справившись с заданием мужа и размножив на той же машинке описание-ориентировку, переписчица ЧК оставила у себя в доме дневник белого офицера.

В 1981 году, в бытность мою на службе в Сургутском отделе КГБ, старожилы этого города Сергей Назаров и Леонард Кочетков, зная о моем увлечении историей края, рассказали как-то на рыбалке о дневнике белогвардейца, сохранившемся у старушки Меньшиковой (матери Агриппины Ильиничны?).

Тогда я не придавал серьезного значения этой, как мне показалось, легенде. А зря! Деревянные дома, в которых жили потомки Меньшиковых, на улице имени первого сургутского комсомольца Щепеткина давно снесли. Остается только гадать, сохранился ли дневник Киселева.

Валенто не хотел рисковать своей жизнью и искать в глухих таежных урманах пропавшие сокровища. Служба в ЧК ему наскучила, тянуло домой в Вену. В декабре 1921 года он подал рапорт:

«Начальнику Административной части Тюменской губернской ЧК тов. Боброву от начальника Сургутского политбюро Валенто Р.А.

Находясь на службе ЧК с февраля месяца 1920 года непрерывно в отдаленном Сургутском уезде, работающий при таких затруднительных условиях местности, при наличии не так опытных работников, считаясь с моим ветхим здоровьем (страдаю нервным расстройством)

прошу перевести меня в другой уезд или губернию.

Я утомлен работой, в течение двух лет не отдыхал и по этой причине прошу перевести меня в Омскую губернию, где мне приходилось скрываться около семи месяцев от колчаковщины».

В переводе из Сургута ему отказали, но вновь напомнили про «трибунал». Тогда Валенто с такой же просьбой обратился в июне 1922 года к ответсекретарю губкомитета РКП(б) Зикову. Губернское чекистское начальство рассвирепело: «Не хочет искать золото!»

Последовал приказ от 12 июня 1922 года: «Предлагается вам сдать все дела и должность по Сургутскому ГПУ назначенному на эту должность Королеву Ивану по акту с приложением описей. После сдачи дел немедленно явиться в Тюменский ГО ГПУ».

После этого приказа — ордер № 379 от 10 ноября 1922 года: «Тов. Валенто уволить со службы в связи с имеющимися на него материалами в преступлении по должности. Основание: Служебная записка начальника СОЧ (секретно-оперативная часть, — А.П.) с резолюцией начальника отдела ГПУ Долгирева (он сменил Студитова, — А.П.).

Так в истории с пропавшим колчаковским золотом «козлом отпущения» сделали «красного немца», так звали Валенто. Его жену Меньшикову также уволили из органов ГПУ. Она работала в Тюменском окружном отделе народного образования. В анкете 1928 года она указала: «семейное положение: четверо детей (три девочки в возрасте от 2-х до 6-ти лет и сын 6 мес.) и еще мать (на моем иждивении)».

Одну из изготовленных Меньшиковой в 1921 году ориентировок по розыску сибирских орденов в 1940 году запросил НКВД при подготовке секретной экспедиции на Ямал (видимо, для оценки клада, так и не найденного). Другую выцветшую от времени бумагу с описанием орденов «Освобождение Сибири» и «Возрождение России» обнаружили в сентябре 1991 года в фондах Тюменского управления КГБ при передаче на государственное хранение архивных документов территориальных органов госбезопасности.

По следам «северных купцов»

Бывший бондарь из деревни Иска Велижанской волости Тюменского уезда 28-летний Иван Никифорович Королев, назначенный вместо Валенто уполномоченным губотдела ГПУ по Сургутскому уезду, не в пример своему предшественнику, занялся поиском сокровищ.

Экспедиция по притокам Ваха. 2003 г.

Изучив документы, захваченные при отступлении повстанцев из Сургута, и опросив очевидцев восстания, он разработал операцию по захвату одного из членов местного Комитета общественной безопасности (орган самоуправления, — А.П.) Андрея Силина. По версии Королева, 30-летний сургутский учитель, хорошо знающий язык, обычаи, нравы коренного населения и географию края, завладел пропавшими ценностями.

«Северного купца», под такой оперативной кличкой в чекистских документах проходил Силин, «поймали 15 февраля 1923 года в лесах у речки Колик-Егана (правильно Колёк-ёган — приток Ваха, — А.П.), что в Ларьякской волости, где он скрывался с мая 1921 года, промышляя охотой и рыбной ловлей».

Изъятые у него золото и деньги Королев, чтобы отвязалось тюменское начальство, представил в рапорте «частью колчаковского клада, отданного Силину ваховскими остяками».

Так же в 1933 году поступили начальник Остяко-Вогульского окротдела ОГПУ Петров и тюменские чекисты, выдав за клад ценности, отобранные при арестах родового князя Кунина-Шатина (Шаты) и этнографа Шатилова (как схожи их фамилии и судьбы).

В конце 30-х — начале 40-х годов эти служебные подлоги разоблачили, но ценности сибирского Белого движения так и не нашли. Ни в «золотом лабиринте» Ваха, ни в местечке Мака-Юган. Поиск сокровищ продолжается. Кому-то обязательно повезет.

Встречаемся на задворках**(вместо эпилога)**

*Начальнику Регионального управления
ФСБ России по Тюменской области
генерал-майору Березину С.И.*

«Согласен»

Березин

Рапорт

По согласованию с ФСБ и СВР России нами проводятся мероприятия по розыску ценностей сибирского Белого движения, вывезенных в сентябре 1919 года из Тобольска пароходом по рекам Иртышу и Оби, спрятанных предположительно в бассейне этих рек на территории Ханты-Мансийского автономного округа и ненайденных до настоящего времени.

В октябре 2000 года при нашем участии проверялось сообщение жителя с. Чемаша Октябрьского района Селиванова В.А., 1924 года рождения, об обнаружении им в тайге возвышенности, похожей на место нахождения клада...

В связи с получением новой информации об обстоятельствах сокрытия указанных ценностей и их поисков в 20-х—30-х—40-х годах органами госбезопасности прошу разрешения на командировку с... по ... 2002 года в г. Ханты-Мансийск с последующим вылетом вертолетом, арендованным администрацией ХМАО, в район поиска возможного клада (совместно с археологами и представителями средств массовой информации).

Зам. начальника РУФСБ России по Тюменской области полковник А.А. Петрушин

Оглавление

От автора	3
Об авторе	4
Партизаны «затерянного мира»	5
Из «врагов народа» —	
в «герои революции»	13
Почтово-телеграфная война	20
Кто кого страшнее	29
Белым снегом.....	37
Чекистский спецназ	43
«Брат» Мишки Япончика	52
«Друг» Дыбенко и Коллонтай	62
Кто успел, тот и... ..	65
Чаепитие в Самарово	69
<i>Приложение 1. Устав секции бывших красногвардейцев и партизан при Тюменском окружном истпарте (август 1929 года)</i>	<i>73</i>
Обские партизаны	74
Ни за кого	76
Дела давно минувших дней	84
В нужное время и в нужном месте	98
Другой Турков	107
Парижское рандеву генерала Миллера ...	117
Белый исход	123

Неудачный поход	127
<i>Приложение 2. «Ликвидировать губернатора...»: Из воспоминаний сотрудника НКВД В. Петрова</i>	134
Золотой лабиринт Ваха	136
Хлеб и золото	145
<i>Приложение 3. Докладная Остяко-Вогульского окружного отдела в Полномочное представительство ОГПУ по Уралу</i>	148
Любимый анекдот Н.Н. Петрова	149
Восстание	151
Полярная ночь	158
Сумасшествие	173
В разные стороны	190
Грузин на Севере	197
Рочевщина	207
Перехитрить и уничтожить	212
В полосе отчуждения	223
Якутский связной	227
<i>Приложение 4. Письма из прошлого</i>	238
Не все то золото, что блестит	244
«Обдорский совнарком»	251
Переписчица из уездной ЧК	263
По следам «северных купцов»	267
<i>Приложение 5. Встречаемся на задворках: Вместо эпилога</i>	269

ПЕТРУШИН Александр Антонович

**НА ЗАДВОРКАХ
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ**

Книга вторая

Художник А. Кухтерин

Оператор ПЭВМ Д. Никифоров, Ю. Никифорова
Корректор М. Дистанова

Подписано в печать 20.11.2003 г.
Формат 75x90/32. Гарнитура «TimesET».
Печать офсетная. Бумага офсетная №1.
Усл.-печ. л. 10,62. Тираж 1000. Заказ №2940.

ООО «Издательство Юрия Мандрики»
Лицензия ИД №06344 от 28.11.01 г.

Адрес для переписки: 625003, г. Тюмень, а/я 501.
Тел. (345-2) 25-12-84.
e-mail: mandrika@tmn.ru
<http://www.tmn.ru/~mandrika>

Отпечатано с готовых диапозитивов
на ГИПП «Зауралье».
640627, г. Курган, ул. К. Маркса, 106.

Новая цена
Подпись /ЗОР

1323

